ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2016 ГОДА

Грэм Макрей Барнет

Его кровавый проект

Лучшая книга 2016 года по версии Newsweek, NPR, The Guardian, The Telegraph и The Sunday Times

Этот роман по праву занял свое место среди номинантов на получение Букеровской премии...

The Times

Его кровавый проект
Грэм Макрей Барнет

Аннотация
Грэм Макрей Барнет. Его кровавый проект
Пролог
Медицинские заключения
«Путешествия по пограничным землям безумия». Дж. Брюса Томсона
Суд
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Шотландия, 1869 год. Жуткое тройное убийство, происшедшее в отдаленной сельской общине в Хайленде, закончилось арестом 17-летнего юноши по имени Родрик Макрей. Из его личных дневников абсолютно ясно, что он виновен в этом преступлении. Но они же привлекли к себе внимание лучших юристов и психиатров страны, стремящихся выяснить, что именно заставило Макрея совершить этот чудовищный акт насилия. Безумен ли он? Впрочем, для суда дело уже фактически решено. И один лишь адвокат, изо всех сил старающийся спасти своего подопечного, стоит сейчас между Родриком и виселицей…

Грэм Макрей Барнет
Его кровавый проект

Graeme Macrae Burnet
HIS BLOODY PROJECT
Copyright © 2015 by Graeme Macrae Burnet

© Перевод с английского. Овчинникова А. Г., 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Ручная мельница лучше всего работает, когда жернов в ней становится щербатым.

***Пословица Хайленда*[1]**

[1] Примечания: 1

Хайленд — самая большая из областей Шотландии, находящаяся на территории Северо-Шотландского нагорья. До 1992 года в Хайленде наряду с областным советом существовали местные руководящие советы. — *Прим. пер.*

Пролог

> «Я пишу это по просьбе моего адвоката, мистера Эндрю Синклера. С тех пор как меня заключили в тюрьму в Инвернессе, он обращается со мной с любезностью, которой я никоим образом не заслуживаю. Моя жизнь была короткой и малозначительной, и я не испытываю желания избавиться от ответственности за недавно совершенные мною дела. Поэтому вверяю эти слова бумаге лишь для того, чтобы отблагодарить моего адвоката за его доброту».

Так начинаются воспоминания Родрика Макрея, семнадцатилетнего фермера-арендатора, которому было предъявлено обвинение в тройном зверском убийстве, совершенном в его родной деревне Калдуи в Росшире утром 10 августа 1869 года.

В мои намерения не входит слишком задерживать читателя, но несколько вступительных слов могут набросать фон для собранных здесь материалов. Читатели, предпочитающие немедленно

перейти к самим документам, конечно, вольны так и поступить.

Весной 2014 года я взялся за исследовательский проект, чтобы узнать что-нибудь о своем дедушке, Дональде «Бродяге» Макрее, родившемся в 1890 году в Эпплкроссе, в двух милях к северу от Калдуи. Во время работы в Хайлендском архивном центре в Инвернессе я наткнулся на газетные вырезки, в которых описывался суд над Родриком Макреем, и с помощью Энн О'Ханлон, тамошней архивистки, нашел рукопись, и составляющую бóльшую часть этой книги.

По-моему, воспоминания Родрика Макрея — замечательный документ. Родрик написал их, находясь в заключении в ожидании суда в замке Инвернесс между 17 августа и 5 сентября 1869 года. Именно воспоминания, а не сами убийства превратили это дело в громкий судебный процесс. Воспоминания — или, по крайней мере, самая сенсационная их часть — были позже напечатаны в бесчисленных брошюрках и дешевых приключенческих журналах и вызвали огромную полемику.

Многие, особенно литераторы Эдинбурга, сомневались в подлинности этих мемуаров. Записки Родрика оживили память о скандале с

Оссианом на исходе XVIII века, когда Джеймс Макферсон заявил, что обнаружил и перевел великую эпическую поэму этого кельтского барда. Оссиан быстро приобрел статус классика европейской литературы, но позже выяснилось, что переводы — фальшивка. Кэмпбелл Бэлфур писал в «Эдинбург ревью»[2]: «Совершенно немыслимо, чтобы полуграмотный крестьянин смог сочинить такой длинный и красноречивый текст… Эта работа — мистификация, и те, кто превозносят самого безжалостного убийцу как некоего благородного дикаря, в свое время будут краснеть от стыда»[3].

Для других людей и убийства, и мемуары послужили подтверждением «ужасного варварства, продолжающего процветать в северных районах нашей страны; варварства, не искорененного, несмотря на все усилия нашего верного долгу пресвитерия[4] и огромные усовершенствова-

[2] Примечания: 2

«Эдинбург ревью» — ежеквартальный литературно-публицистический журнал, издававшийся в г. Эдинбурге с 1802 по 1929 год. — *Прим. пер.*

[3] Примечания: 3

К. Бэлфур «Оссиан нашего столетия», «Эдинбург ревью», октябрь 1869 года, № CCLXVI. — *Прим. авт.*

[4] Примечания: 4

Пресвитерий — орган регионального управления в пресвитерианской церкви. — *Прим. пер.*

ния[5] минувших десятилетий»[6].

Однако для третьих события, описанные в воспоминаниях, говорят о несправедливости феодальных условий, в которых продолжал трудиться фермер-арендатор Хайленда. Стараясь не оправдывать поступков Родрика Макрея, Джон Мёрдок, позже основавший радикальную газету «Горец», увидел в нем «человека, которого столкнула на грань безумия — и дальше — жестокая система, превращающая в рабов людей, всего лишь желающих зарабатывать на жизнь честным трудом на арендуемом клочке земли»[7].

Что касается вопроса о подлинности документа, то спустя полтора века после написания уже невозможно дать на него точный ответ. Без сомнения, удивительно, что некто в столь юном возрасте смог написать такой красноречивый отчет. Однако мнение, что Родрик Макрей был

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду депортация шотландских горцев. — *Прим. авт.* В результате принудительного переселения жителей Шотландского высокогорья в XVIII и XIX веках произошло разрушение традиционной клановой системы шотландцев и массовая миграция на побережье моря, Шотландские низины, в Америку и Канаду. — *Прим. пер.*

[6] Примечания: 6

Передовица в «Шотландце», 17 сентября 1869 года — *Прим. авт.*

[7] Примечания: 7

Дж. Мёрдок «Что мы можем извлечь из этого случая», «Инвернесский курьер», 14 сентября 1869 года — *Прим. авт.*

«полуобразованным крестьянином», — плод предубеждения, продолжавшего бытовать к северу от богатых городов Центрального Пояса[8]. Судя по официальным документам 1860-х годов, в начальной школе соседнего Локкаррона детям преподавали латынь, греческий и естественные науки. Родрик мог получить такое же образование в своей школе в Камустерраче, и его воспоминания подтверждают и этот факт, и то, что он был удивительно одаренным учеником.

Однако то, что Родрик *мог* написать воспоминания, конечно, не доказывает, что он и вправду их написал. Тут мы имеем дело со свидетельством психиатра Джеймса Брюса Томсона, в чьих личных мемуарах рассказывается, что он видел этот документ в камере Родрика. Скептики могли утверждать (и утверждали), будто Томсон никогда не наблюдал, как Макрей что-то пишет, и следует признать: будь мемуары предъявлены современному суду, цепочку доказательств не удалось бы досконально проверить. Нельзя полностью отбросить теорию, согласно которой мемуары на самом деле были написаны другой

---

[8] Примечания: 8

Центальный Пояс Шотландии — узкий участок между заливами Фёрт-оф-Клайд и Фёрт-оф-Форт, самое густонаселенное место Шотландии. — *Прим. пер.*

рукой (главным подозреваемым является адвокат Родрика, Эндрю Синклер); но чтобы в такое поверить, требуется запутанное мышление самых эксцентричных сторонников теории заговора.

И существует ведь сам документ, в изобилии содержащий такие детали, что маловероятно, чтобы его написал не уроженец Калдуи. К тому же отчет Родрика о событиях, которые привели к убийствам, почти полностью (за незначительными исключениями) совпадает с показаниями других свидетелей на суде.

Приняв во внимание эти факты и лично изучив рукопись, я не сомневаюсь в ее подлинности.

В придачу к отчету Родрика Макрея в книгу включены также показания, которые дали полиции различные жители Калдуи, отчеты о вскрытии тел жертв и, наверное, самое увлекательное — выдержки из мемуаров Дж. Брюса Томсона «Путешествия по пограничным землям безумия»: в них мистер Томсон рассказывает, как осматривал Родрика Макрея и как посетил Калдуи вместе с Эндрю Синклером. Томсон был штатным врачом в общей тюрьме Шотландии в городе Перт, где содержались те, кто, как считалось, не могли предстать перед судом в силу своей невменяемости.

Воспользовавшись возможностями своей должности, мистер Томсон опубликовал в журнале «Психиатрия»[9] две ставшие авторитетными статьи — «Наследственная природа преступления» и «Психология преступников». Он был очень сведущ в новой теории эволюции и только зарождавшейся тогда дисциплине криминальной антропологии, и хотя некоторые из его взглядов могут оттолкнуть современного читателя, следует принять во внимание обстановку, в которой они писались, и то, что они представляли собой искреннюю попытку продвинуться дальше теологических представлений о преступности и лучше понять, почему определенные личности доходят до совершения жестоких преступлений.

И, наконец, я включил в повествование рассказ о судебном процессе, взятый из тогдашних газет и из книги «Полный отчет о суде над Родриком Джоном Макреем», опубликованный Уильямом Кэем из Эдинбурга в октябре 1869 года.

Почти полтора столетия спустя невозможно узнать правду о рассказанных здесь событиях. В

---

[9] Примечания: 9

Журнал был основан в 1853 году под названием «Психиатрическая лечебница» («Asylum»), с 1858 до 1963 года выпускался под названием «Психиатрия», теперь называется «Британский психиатрический журнал». Издается ежемесячно Королевским колледжем психиатров. — *Прим. пер.*

представленных в книге отчетах имеются различные противоречия, расхождения и пробелы, но, вместе взятые, они ткут ткань одного из самых захватывающих дел в юридической истории Шотландии. Само собой, я составил свое мнение об этом деле, но предоставлю читателю прийти к собственным умозаключениям.

Примечания к тексту

Насколько мне удалось выяснить, мемуары Родрика Макрея публикуются целиком впервые. Несмотря на возраст рукописи и на то, что многие годы хранилась не слишком бережно, она удивительно хорошо сохранилась. Написанная на отдельных листах бумаги, позже эта рукопись была переплетена кожаными шнурками, о чем свидетельствует то, что внутренние края страниц иногда трудно прочесть из-за переплета. Почерк замечательно четкий, и лишь изредка встречаются зачеркивания и неудачные начала.

Готовя документ к публикации, я все время стремился быть верным смыслу рукописи. Ни на одном этапе я не пытался «улучшить» текст или исправить неуклюжий оборот или синтаксис. Такие вмешательства, полагаю, лишь породили бы сомнения в подлинности этого рассказа, поэтому

в книге представлен, насколько возможно, труд самого Родрика Макрея.

Стоит также обратить внимание, что в воспоминаниях в равной степени используются и настоящие имена, и прозвища: Лаклан Маккензи, например, по большей части упоминается как Лаклан Брод[10]. Прозвища все еще общеприняты в Шотландском высокогорье (по крайней мере, среди людей старшего поколения); вероятно, это способ провести различия между разными ветвями наиболее широко распространенных фамилий. Обычно клички основаны на профессиях или на странностях человека, но могут также передаваться из поколения в поколение до тех пор, пока происхождение прозвища не становится загадкой даже для того, кого теперь так называют.

[10] Примечания: 10
Брод (*англ.* broad) — «широкий», а кроме того, «грубый». — *Прим. пер.*

По большей части я ограничивал свое редакторское вмешательство пунктуацией и разбиением на параграфы. В рукописи параграфов почти нет, за исключением тех случаев, когда Родрик, возможно, откладывал перо до следующего дня, и я решил ввести их, чтобы легче было читать. Также в рукописи почти нет знаков препинания, а имеющиеся расставлены как попало. Таким образом, пунктуация по большей части — моя, но опять-таки главным принципом оставалась верность оригиналу. Если мои суждения в этом отношении кажутся сомнительными, я могу лишь посоветовать читателю свериться с рукописью, которая до сих пор хранится в архиве Инвернесса.

Г.М.Б., июль 2015 г

* * *

Показания жителей Калдуи и его окрестностей, собранные офицером Уильямом Маклаудом из полиции Уэстер-Росса, Дингуолл, 12 и 13 августа 1869 года

Показания миссис Кармины Мёрчисон (Кармины Смок)[11], жительницы Калдуи, 12 августа 1869 года

Я знаю Родрика Макрея с его раннего детства. В общем, он казался славным ребенком, а после — учтивым и любезным молодым человеком. По-моему, на него сильно подействовала смерть матери, женщины очаровательной и общительной. Не хочется говорить дурно о его отце, но Джон Макрей — неприятный человек, обращавшийся с Родриком с такой суровостью, какой, по-моему, не заслуживает ни один ребенок.

В то утро, когда произошли ужасные события, я заговорила с Родди, проходившим мимо нашего дома. Не могу припомнить, о чем именно мы говорили, но он точно сказал, что идет работать на земле, принадлежащей Лаклану Маккензи. Он нес инструменты — насколько я поняла, предназначенные для этой работы. В придачу мы обменялись замечаниями о погоде; утро было солнечным и прекрасным. Родрик казался совершенно разумным и не выказывал никакой тревоги.

---

[11] Примечания: 11
Смок (*англ.* smoke) — «дым» и «курить». — *Прим. пер.*

Некоторое время спустя я увидела, что Родди идет по деревне назад. Он был в крови с головы до ног, и я побежала к нему от порога своего дома, подумав, что с ним произошел несчастный случай. Когда я приблизилась, он остановился, и из руки его выпал инструмент. Я спросила, что случилось, и он без запинки ответил, что убил Лаклана Брода. Он говорил как будто совершенно здраво и не пытался зашагать дальше. Я крикнула своей старшей дочери, чтобы та привела отца, работавшего в сарае за нашим домом. Увидев, что Родди весь в крови, дочь завопила, и тогда другие жители деревни подошли к своим дверям, а трудившиеся в полях подняли головы, бросив работу.

Вскоре начался всеобщий переполох.

Признаю, в тот момент моим первым порывом было защитить Родди от родственников Лаклана Маккензи, поэтому когда появился мой муж, я, не сказав ему о том, что случилось, попросила увести Родди в наш дом.

Родди уселся за стол и спокойно повторил, что он сделал. Муж послал дочь привести соседа, Дункана Грегора, чтобы тот постоял на страже, а сам побежал в дом Лаклана Маккензи, где обнаружил ужасную сцену…

Показания мистера Кеннета Мёрчисона (Кенни Смока), каменщика, жителя Калдуи, 12 августа 1869 года

Тем утром я работал в сарае позади своего дома, когда услышал, что в деревне поднялся шум и гам. Я вышел из мастерской и встретил свою старшую дочь, которая была крайне расстроена и не смогла как следует объяснить мне, что же произошло. Я побежал туда, где рядом с нашим домом собрались люди. Среди всей этой неразберихи мы с женой отвели Родрика Макрея в дом, полагая, что он ранен из-за какого-то несчастного случая. Как только мы вошли, жена рассказала мне, что случилось, и, когда я спросил Родрика, правда ли это, тот совершенно спокойно подтвердил, что правда.

Тогда я побежал в дом Лаклана Маккензи и обнаружил там зрелище, слишком ужасное, чтобы его описать. Я закрыл за собой дверь и осмотрел тела — не теплится ли в них жизнь, — но жизни в них не было. Боясь, что дело закончится всеобщим побоищем, если родственники Лаклана Брода увидят эту сцену, я вышел и позвал мистера Грегора, чтобы тот постоял на страже у дома Маккензи.

Потом я побежал обратно к себе домой и отвел Родди в сарай, где и запер его. Он не сопротивлялся.

Мистер Грегор не смог помешать родственникам Лаклана Брода войти в дом и увидеть тела. К тому времени, как я запер Родди, они собрались жаждущей мести толпой, и мне не сразу удалось уговорить их уняться.

Что касается характера Родрика Макрея, он, несомненно, был чудаковатым мальчиком — не могу сказать, от рождения или из-за страданий, пережитых его семьей. Но свидетельства дела его рук не говорят о его здравом рассудке.

Показания преподобного Джеймса Гэлбрейта, священника шотландской церкви Камустеррача, 13 августа 1869 года

Боюсь, что недавно свершившиеся в приходе злые деяния представляют собой лишь бурлящую поверхность дикой, нетронутой цивилизацией жестокости тамошних обитателей; жестокости, которую церковь в последнее время успешно подавляла. История этих мест, говорят, запятнана черными и кровавыми преступлениями, люди демонстрируют определенную дикость и потворствуют своим слабостям, а такие черты

нельзя искоренить на протяжении нескольких поколений. В то время как учение пресвитерия оказывает свое облагораживающее влияние, старые инстинкты неизбежно время от времени берут верх.

Тем не менее нельзя без потрясения узнать о деяниях вроде тех, что свершились в Калдуи. Однако то, что преступником оказался именно Родрик Макрей, а не кто-нибудь другой из прихода, удивляет меньше всего. Хотя этот субъект с детства посещал мою церковь, я всегда чувствовал, что проповеди мои падают в его уши, как семена на каменистую почву. Должен признать, его преступления говорят в какой-то степени и о моем собственном недосмотре, но иногда приходится жертвовать ягненком ради блага целого стада. В этом мальчишке всегда бросалась в глаза греховность, исправление коей, с сожалением должен сказать, находилось за пределами моих возможностей.

Мать мальчика, Уна Макрей, была легкомысленной и неискренней женщиной. Она регулярно посещала церковь, но, боюсь, принимала дом Божий за место, где можно поболтать и посудачить. Я часто слышал, как она поет на пути в церковь и по дороге оттуда, а после службы она вместе с

другими женщинами оставалась на церковных землях и позволяла себе несдержанные разговоры и смех. Не раз я был вынужден сделать ей замечание.

Однако я вынужден добавить слово в защиту отца Родрика Макрея. Джон Макрей — один из самых преданных Священному Писанию людей моего прихода. Его познания Библии обширны, и он искренне соблюдает обряды. Однако, боюсь, как и большинство людей в этих краях, он хоть и повторяет слова Евангелия, но слабо понимает их смысл.

После смерти жены мистера Макрея я посетил его домочадцев, чтобы предложить им свою поддержку и молитву. Я заметил в их жилище много признаков приверженности суевериям, которым не место в доме верующего. Тем не менее кто из нас не без греха, и я считаю Джона Макрея хорошим и набожным человеком, не заслужившим того, чтобы быть обремененным столь преступным потомством.

Показания мистера Уильяма Гиллиса, учителя в Камустерраче, 13 августа 1869 года

Родрик Макрей был одним из самых талантливых детей, каких я учил после своего появления

в этом приходе. Он легко опережал школьных товарищей в способности ухватить концепцию естественных наук, математики и языка и добивался этого без видимых усилий и даже без особого интереса. Что касается его характера, я могу поделиться лишь немногими наблюдениями. Он явно не был общительным, нелегко сходился с товарищами по школе, а те, в свою очередь, посматривали на него с некоторой подозрительностью. Со своей стороны, Родрик смотрел на одноклассников свысока, что порой граничило с презрением. Если б я решил пуститься в предположения, то сказал бы, что такое поведение было вызвано его превосходством в учебе. Тем не менее я всегда считал его вежливым и почтительным учеником, не склонным к непослушанию.

В знак своего высокого мнения о его способностях, когда Родрику исполнилось шестнадцать, я навестил его отца и предложил, чтобы Родрик продолжил учебу и со временем смог добиться положения, больше соответствующего его способностям, нежели работа на земле. С прискорбием должен сказать, что это предложение с ходу отмел его отец, которого я счел скрытным и туповатым субъектом.

С тех пор я больше не видел Родрика. До меня доходили тревожные слухи о том, что он плохо обращался со вверенными его попечению овцами, но я не могу подтвердить их правдивость. Могу лишь заявить, что я знал Родрика как доброго парня, не склонного к жестокому поведению, иногда свойственному мальчикам его возраста, вот почему мне трудно поверить, что он способен на преступления, в которых его недавно обвинили.

Показания Питера Маккензи, двоюродного брата Лаклана Маккензи (Лаклана Брода), жителя Калдуи, 12 августа 1869 года

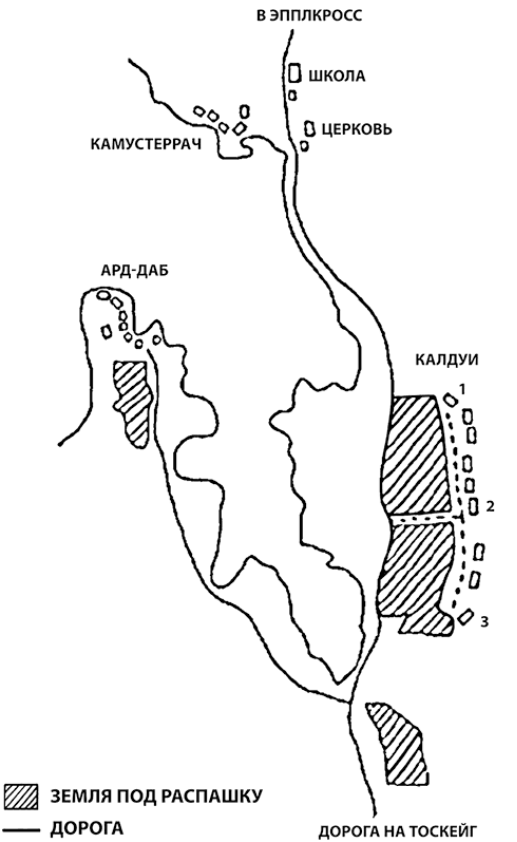
Редко повезет нарваться на другого такого же порочного типа, как Родрик Макрей. Даже маленьким мальчишкой он отличался злобным характером, какого не заподозришь в ребенке. Много лет считалось, что он немой и способен общаться неким сверхъестественным образом только со своей сестрицей — девчонкой не от мира сего, его сообщницей по злым выходкам. В приходе почти все считали его слабоумным, но я-то знал, что он — куда более злонамеренное создание, и его недавние подвиги это подтвердили.

С раннего возраста он был склонен издеваться

над животными и птицами и крушил в деревне все подряд. В нем сидело коварство самого дьявола. Один раз, когда ему было лет двенадцать, в сарае моего кузена Энея Маккензи кто-то устроил пожар, уничтоживший ценные инструменты и много зерна. Мальчишку видели неподалеку от сарая, но он отрицал свою вину, и Черный Макрей (его отец, Джон Макрей) поклялся, что сын в то время не исчезал из поля его зрения. Поэтому Родрик Макрей избежал наказания, но виновником, как и в случае многих других происшествий, наверняка был он.

Его отец — такой же слабоумный субъект, скрывающий свой идиотизм под рьяной приверженностью Библии и раболепствующий перед священником.

Меня не было в Калдуи в день убийств, и я услышал о них, только вернувшись вечером того же дня.


В ЭППЛКРОСС
ШКОЛА
ЦЕРКОВЬ
КАМУСТЕРРАЧ
АРД-ДАБ
КАЛДУИ
1
2
3
ДОРОГА НА ТОСКЕЙГ
ЗЕМЛЯ ПОД РАСПАШКУ
ДОРОГА
ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА
1 — ДОМ РОДРИКА МАКРЕЯ
2 — ДОМ КЕННЕТА МЁРЧИСОНА
3 — ДОМ ЛАКЛАНА МАККЕНЗИ

* * *

Отчет Родрика Макрея

Я пишу это по просьбе моего адвоката, мистера Эндрю Синклера. С тех пор как меня заключили в тюрьму в Инвернессе, он обращается со мной с любезностью, которой я никоим образом не заслуживаю. Моя жизнь была короткой и малозначительной, и я не испытываю желания избавиться от ответственности за недавно совершенные мною дела. Поэтому я вверяю эти слова бумаге лишь для того, чтобы отблагодарить моего адвоката за его доброту.

Мистер Синклер велел мне как можно четче изложить обстоятельства, сопутствовавшие убийству Лаклана Маккензи и остальных, что я и сделаю по мере сил. Заранее извиняюсь за мой бедный словарный запас и примитивный стиль.

Начну с того, что я совершил эти поступки с единственной целью — избавить отца от несчастий, от которых он в последнее время страдал. Причиной несчастий был наш сосед, Лаклан Маккензи, и именно за «улучшение» нашего семейного земельного надела я и убрал его из этого мира. Далее должен заявить, что с момента

моего появления на свет я был для своего отца сплошным разочарованием, и то, что я исчезну из его семьи, станет для него лишь благословением.

Меня зовут Родрик Джон Макрей. Я родился в 1852 году и всю жизнь провел в деревне Калдуи в Росшире. Мой отец, Джон Макрей, арендатор небольшой фермы, пользуется хорошей репутацией в приходе и не заслужил того, чтобы его опорочили позорные поступки, ответственность за которые несу я один.

Моя мать, Уна, родилась в 1832 году в деревушке Тоскейг, милях в двух от Калдуи. Она умерла, рожая моего брата Иана в 1868 году, и я нисколько не сомневаюсь, что это событие отмечает начало наших бед.

* * *

Калдуи — поселок, состоящий из девяти домов, расположенный в приходе Эпплкросс. Поселок находится примерно в полумиле к югу от Камустеррача, где есть церковь и школа, в которой я получил образование. Поскольку в деревне Эпплкросс имеются гостиница и рынок, немногие путешественники суются до самого Калдуи. У Эпплкросс-бэй стоит Большой Дом, где проживает лорд Миддлтон и во время охотничьего сезона

принимает там гостей.

В Калдуи нет зрелищ или развлечений, которые стали бы приманкой для чужих. Дорога, проходящая мимо нашего поселка, ведет в Тоскейг, и никуда больше, поэтому у нас мало контактов с внешним миром.

Калдуи лежит в трехстах ярдах от моря, прильнув к подножью Карн нан Уайгхеан[12]. Между деревней и дорогой есть полоса плодородной пахотной земли, а выше, в горах, — торфяники, снабжающие нас топливом, и летние пастбища. От жестокой погоды Калдуи отчасти защищает полуостров Ард-Даб, который вдается в море, образуя природную гавань. В деревне Ард-Даб плохо с пахотной землей, и люди там по большей части добывают себе пропитание с помощью рыбной ловли.

Между двумя общинами существует кой-какой обмен продуктами труда и товарами, но, если не считать таких необходимых контактов, мы сторонимся друг друга. По словам отца, люди Ард-Даба неряшливы и безнравственны, и он имеет с ними дело только из снисходительности. В общем и целом все мужчины, занимающиеся

---

[12] Примечания: 12

Карн нан Уайгхеан переводится как «груда могильных камней». — *Прим. авт.*

рыбным промыслом, предаются необузданному потреблению виски, в то время как их женщины пользуются дурной славой распутниц. Я учился вместе с детьми из той деревни и могу поручиться, что, физически мало отличаясь от нас, они жуликоваты и им нельзя доверять.

В том месте, где проселочная тропа соединяет Калдуи с дорогой, стоит дом Кенни Смока, самый прекрасный дом в деревне, единственный, который может похвастаться шиферной крышей. Остальные восемь домов сложены из скрепленных дерном камней, у них соломенные крыши и одно или два застекленных окна. Дом моей семьи самый северный в деревне и стоит слегка под углом: в то время как другие дома смотрят на залив, наш смотрит на деревню. Дом Лаклана Брода находится на другом конце деревенской улицы, он второй по величине в деревне после дома Кенни Смока. Не считая тех, кого я уже упомянул, в деревне живут две семьи клана Маккензи, семья Макбет, мистер и миссис Джилландерс, у которых умерли все дети, наш сосед мистер Грегор с семьей и миссис Финлейсон, вдова. Кроме девяти домов в поселке есть всякие дворовые постройки, многие очень грубо сбитые — в них держат скот, хранят инструменты и так далее. Вот какова

наша община.

В нашем доме две комнаты. Бóльшая его часть отведена под коровник, а справа от двери находятся жилые помещения. Пол слегка наклонен в сторону моря, что мешает навозу животных сползать в наши комнаты. Коровник разделен перегородкой, сделанной из собранных на берегу деревянных обломков. Посреди жилой комнаты есть очаг, а за ним стоит стол, за которым мы едим. Не считая стола, из мебели у нас есть две крепкие скамьи, стул моего отца и большой деревянный кухонный шкаф, принадлежавший семье моей матери до того, как та вышла замуж. Я сплю на койке вместе с моим младшим братом, а младшая сестра — в дальнем конце комнаты. Вторая жилая комната находится в задней части дома и служит спальней для отца и моей старшей сестры Джетты: она спит на складной кровати, специально для этого сколоченной отцом.

Я завидую кровати сестры и часто мечтаю о том, чтобы лежать там вместе с ней, но в главной комнате теплее, и в черные месяцы[13], когда животные в доме, мне нравятся негромкие звуки, которые они издают. Мы держим двух молоч-

[13] Примечания: 13
Черные месяцы — зима. — *Прим. авт.*

ных коров и шесть овец — больше мы не можем прокормить на нашем участке общинного пастбища.

Я с самого начала должен заявить, что между моим отцом и Лакланом Маккензи существовала давнишняя вражда, возникшая задолго до моего рождения. Не могу сказать, что послужило ее первоисточником, потому что отец никогда об этом не говорил. Я не знаю, по чьей вине она возникла; не знаю также, появилась ли она на их веку или зародилась из-за какой-то стародавней обиды. В наших краях нередко бывает так, что недовольство тлеет еще долго после того, как забывается его причина. К чести отца надо сказать — он никогда не пытался увековечить эту вражду, привлекая сторонников на свою сторону и на сторону своих домочадцев. Поэтому я считаю, что он желал забыть любые обиды, разделившие наши две семьи.

В раннем детстве я страшно боялся Лаклана Брода и избегал соваться за перекресток в конец деревни, где было полно членов клана Маккензи. В придачу к Лаклану Броду там жили семьи его брата Энея и его кузена Питера, и вся троица пользовалась дурной славой за свои кутежи и частые свары в гостинице Эпплкросса. Все они

— громадные могучие парни, и им нравится, что люди отходят в сторону, чтобы дать им пройти.

Однажды, когда мне было пять или шесть лет, я запускал воздушного змея, которого отец сделал для меня из обрывков дерюги. Змей упал в какие-то посевы, и я, совершенно ни о чем не думая, побежал, чтобы его достать. Я стоял на коленях, пытаясь выпутать бечевку из пшеницы, как вдруг почувствовал, как мое плечо стиснула громадная рука, и меня грубо выволокли на тропу. Я все еще сжимал своего змея, и Лаклан Брод вырвал его у меня и швырнул на землю. Потом он ударил меня ладонью плашмя по голове, сбив с ног. Я так испугался, что потерял контроль над своим мочевым пузырем, чем очень повеселил нашего соседа. Меня подняли и протащили по деревне к дому, где Брод устроил разнос моему отцу за ущерб, который я нанес его посевам.

Моя мать, услышав шум, подошла к дверям, и Брод выпустил меня. Я удрал в дом, как испуганный пес, и съежился в коровнике.

Тем же вечером Лаклан Брод вернулся в наш дом и потребовал пять шиллингов компенсации за уничтоженную мной часть его посевов. Я спрятался в задней комнате, прижав ухо к двери, и слышал, как мама отказалась платить, сказав,

что если посевам и нанесен ущерб, то лишь потому, что Брод протащил меня через свой риг[14]. Тогда он пожаловался констеблю, но тот не принял жалобу.

Однажды утром, несколько дней спустя, отец обнаружил, что ночью кто-то истоптал огромную часть наших посевов. Кто это сделал, так и не узнали, но никто не сомневался, что виновники — Лаклан Брод и его родня.

Когда я стал старше, я никогда не совался в дальний конец деревни без дурного предчувствия, и эти ощущения никогда меня не покидали.

* * *

Мой отец родился в Калдуи и мальчиком жил в доме, который мы занимаем и сейчас. О его детстве мне известно мало, только то, что он редко посещал школу и терпел нужду, не известную моему поколению. Я никогда не видел, чтобы отец писал что-либо, помимо своего имени, и, хотя он утверждает, что умеет писать, он неуклюже сжимает перо в кулаке. В любом случае писать ему приходится редко — нечего вверять бумаге. Отец имеет привычку напоминать, как нам повезло,

---

[14] Примечания: 14

Риг — полоса очищенной от корней земли. — *Прим. авт.*

что мы растем в нынешние времена и пользуемся такими предметами роскоши, как чай, сахар и другие товары, купленные в магазине.

Отец моей матери был плотником, он делал мебель для торговцев в Кайл-оф-Лахлаше и Скае и развозил свои товары морем по всему побережью. Несколько лет отцу принадлежала треть рыбачьей лодки, стоявшей на якоре в Тоскейге. Двумя другими ее третями владели его брат Иан и брат моей матери, тоже Иан. Лодка называлась «Олуша», но ее всегда называли «Два Иана», что раздражало отца, поскольку он был старшим из троих и считал себя главой предприятия.

Когда мама была девочкой, ей нравилось ходить на пирс и встречать «Двух Ианов». Она якобы отправлялась поприветствовать брата, но больше всего ей хотелось другого: понаблюдать, как отец выходит из лодки, как его нога замирает над водой в ожидании волны, чтобы направить судно к причалу. Потом он привязывал канат к кнехту и подтягивал лодку к пирсу, будто совершенно не подозревая, что за ним наблюдают. Отец не был красивым человеком, но то, как неторопливо он пришвартовывал лодку, восхищало мою мать. Она любила говорить нам, что в его мерцающих темных глазах было нечто такое, от чего у нее

трепетало в горле. Если отец в таких случаях оказывался поблизости, он приказывал матери прекратить болтовню, но его тон выдавал, что ему приятно это слышать.

Наша мать была главной красавицей прихода и могла выбирать лучших молодых людей, вот почему отец слишком смущался, чтобы сказать ей хоть слово.

Однажды вечером, к концу сезона ловли сельди 1850 года, разразился шторм, и маленькое судно разбилось о скалы в нескольких милях к югу от гавани. Мой отец сумел доплыть до безопасного места, но оба Иана пропали без вести. Отец никогда не говорил об этом несчастном случае, но с тех пор ни разу не ступал на борт лодки и не разрешал садиться туда своим детям. Людям, не знавшим о том, что случилось в его прошлом, наверное, казалось, что он испытывает иррациональный страх перед морем. Именно из-за того происшествия в наших краях стало считаться дурным знаком затевать какое-либо предприятие вместе со своим тезкой, и даже мой презиравший предрассудки отец избегал иметь дело с теми, кто носил такое же имя, что и он.

На поминках после похорон моего дяди отец подошел к моей матери, чтобы выразить свои со-

болезнования. Заметив, какой у нее несчастный вид, он сказал, что с радостью занял бы в гробу место ее брата. То были первые слова, с которыми он когда-либо к ней обратился. Мама ответила, что рада, что выжил именно он, и молится, прося прощения за свои нечестивые мысли. Они поженились три месяца спустя.

Моя сестра Джетта родилась через год после свадьбы, и я последовал за ней из материнской утробы так быстро, как только позволяет природа. Из-за этого мы с сестрой с годами стали очень близки — и вряд были бы ближе, если б родились близнецами, хотя внешне не могли бы отличаться друг от друга сильнее. Джетта унаследовала длинное тонкое материнское лицо и большой рот; у нее были вытянутые, голубые, как у матери, глаза, а волосы — желтые, как песок. Когда сестра выросла, люди говаривали, что мать, глядя на Джетту, должно быть, принимает ее за своего двойника.

Я же пошел в отца — тяжелый лоб, густые черные волосы и маленькие темные глаза. Кроме того, у нас с ним похожее сложение: мы ниже среднего роста, с выпяченной грудью и широкими плечами.

Наши характеры также в точности копировали

родительские — Джетта была очень веселой и общительной, а я слыл неразговорчивым и мрачным мальчиком. Джетта не только походила на мать внешностью и нравом, но и разделяла ее дар, остро чувствуя Иной Мир. Не могу сказать, родилась она с этим даром или потихоньку училась у матери, но им обеим являлись видения, и они очень увлекались знамениями и оберегами.

В то утро, когда погиб ее брат, мать увидела, что место на скамье, где ему полагалось бы сидеть и завтракать, пустует. Боясь, что овсянка остынет, она вышла и позвала его. Не получив ответа, мать вернулась в дом и увидела, что брат сидит за столом на своем месте, закутанный в бледно-серый саван. Когда она спросила, где он был, брат ответил, что не двигался с этой скамьи. Она умоляла его не выходить в тот день в море, но он посмеялся над ее советом. Зная, что с промыслом Божьим не поспоришь, она ничего больше не говорила.

Мать часто рассказывала нам эту историю, но только если ее не слышал отец, поскольку тот не верил в сверхъестественные события и не одобрял разговоры о подобных вещах.

Жизнью моей матери каждый день правили ритуалы и обереги, призванные отвратить несча-

стья и не подпустить злых существ. Двери и окна нашего дома были украшены веточками рябины и можжевельника, а в волосы она незаметно для отца вплетала косички из цветной пряжи.

Лет с восьми я в черные месяцы посещал школу в Камустерраче и ходил туда каждое утро, держась за руки с Джеттой. Нашей первой учительницей была мисс Гэлбрейт, дочь священника — молодая и стройная; она носила длинные юбки и белые рубашки с пышными воротниками, заколотыми у горла брошью с изображением женского профиля, и опоясывалась фартуком, которым обычно вытирала руки после того, как писала на грифельной доске. У нее была очень длинная шея, и, задумавшись, она возводила глаза к потолку и склоняла голову набок, отчего шея ее начинала напоминать ручку кас хрома[15]. Волосы учительница закалывала на макушке булавками. Во время урока она, бывало, распускала волосы и, держа булавки во рту, снова закалывала прическу. Она проделывала это три или четыре раза на дню, и мне нравилось втайне

[15] Примечания: 15

Кас хром — ножной плуг с длинной ручкой. — *Прим. авт.* — Термин «кас хром» («ножной плуг») бытует на западе Шотландии. Инструмент, напоминающий изогнутый заступ, — им возделывают землю там, где она слишком каменистая, чтобы ее можно было обработать обычным плугом. — *Прим. пер.*

наблюдать за нею. Мисс Гэлбрейт была добрая и говорила тихим голосом. Когда старшие мальчики плохо себя вели, она не могла с ними сладить, и ей удавалось их успокоить только благодаря угрозе привести своего отца.

Мы с Джеттой никогда не разлучались. Мисс Гэлбрейт часто говорила, что я забрался бы в карман фартука своей сестры, если б мог. Первые несколько лет я говорил очень мало, и, если ко мне обращались мисс Гэлбрейт или кто-нибудь из одноклассников, за меня отвечала Джетта. Удивительно, как точно она выражала мои мысли. Мисс Гэлбрейт потворствовала этой привычке, часто спрашивая Джетту:

— Родди знает ответ?

Наша тесная близость отдалила нас от товарищей по школе. Не могу говорить за Джетту, но сам я не испытывал желания подружиться с другими детьми, а они не выказывали желания подружиться со мной.

Иногда одноклассники собирались вокруг нас на игровой площадке и нараспев затягивали:

Вот стоят Черные Макреи, грязные Черные Макреи,

Вот стоят Черные Макреи, мерзкие

Черные Макреи.

Отец говорил, что его семью прозвали «Черными Макреями» оттого, что они были смуглыми. Отцу очень не нравилось это прозвище, и он отказывался на него отзываться, но тем не менее все знали его как Черного Макрея. Деревню забавляло, что моя мать с ее соломенными волосами стала известна как Уна Черная.

Я тоже не любил это прозвище, а по отношению к моей сестре оно казалось особенно несправедливым. Если к концу перемены никто не прерывал напевы наших одноклассников, я бил любого, что оказывался передо мной, что еще больше веселило наших мучителей. Меня толкали на землю, и, получая пинки и удары мальчишек, я радовался, что отвлекаю внимание от Джетты.

Черный Родди, Черный Родди,
Получил, дурак, по морде!

Странно, но мне нравилось оказываться в центре внимания даже таким образом. Я понимал, что отличаюсь от одноклассников, и развивал именно те свои черты, которые отделяли меня от них. Во время перемен, чтобы избавить Джетту от насмешек, я отцеплялся от нее и стоял или сидел на корточках в углу игровой площадки. Я наблю-

дал, как другие мальчики, жужжащие, словно мухи, гоняются за мячом или дерутся друг с другом. Девочки тоже играли, но их игры казались не такими жестокими и глупыми, как мальчишечьи; и у девочек не было маниакальной привычки приниматься за игру, едва высыпав на площадку, не останавливаясь даже после того, как звонок мисс Гэлбрейт подаст сигнал к концу перемены. Временами девочки затихали и собирались в укромном углу, где ничего не делали, а только беседовали приглушенными голосами.

Временами я искал их компании, но меня упорно избегали. В классе я мысленно передразнивал товарищей, когда те поднимали руки, чтобы дать учительнице ответ на самые очевидные вопросы, или старались прочесть простейшие предложения.

Когда мы с сестрой стали старше, я начал перегонять ее в знаниях. Однажды на уроке географии мисс Гэлбрейт спросила, может ли кто-нибудь сказать, как называются две половины Земли. Никто не ответил, и она повернулась к Джетте:

— Может быть, Родди знает ответ.

Джетта посмотрела на меня и сказала:

— Простите, Родди не знает, и я тоже не знаю.

У мисс Гэлбрейт сделался разочарованный вид,

и она повернулась, чтобы написать слово на доске. Не подумав, я встал со стула и под смех своих одноклассников крикнул:

— Полушарие!

Мисс Гэлбрейт повернулась, повторила это слово, и я сел. Учительница кивнула и похвалила меня за ответ. С того дня Джетта перестала отвечать за меня, а поскольку мне не хотелось отвечать самому, я совершенно замкнулся.

Мисс Гэлбрейт вышла замуж за человека, приехавшего в поместье лорда Миддлтона на охоту, и уехала из Камустеррача, чтобы жить в Эдинбурге. Мисс Гэлбрейт очень мне нравилась, и мне было жаль, что она уехала.

После нее появился мистер Гиллис. Это был высокий и худой молодой человек с тонкими светлыми волосами, совершенно не похожий на уроженца наших мест — местные по большей части невысокие и коренастые, с густыми черными волосами. Он чисто брился и носил овальные очки. Мистер Гиллис был очень образованным человеком, учившимся в городе Глазго. Помимо чтения, письма и арифметики, он преподавал нам естественные науки и историю и иногда рассказывал о монстрах и богах из греческой мифологии. У каждого бога имелось имя, некоторые

из них были женаты и имели детей — тоже богов. Однажды я спросил мистера Гиллиса, как может существовать больше одного Бога, а он ответил, что греческие боги не такие, как наш, а всего лишь бессмертные существа. Слово «мифология» означает то, чего на самом деле не было, а мифы — всего лишь рассказы для развлечения.

Моему отцу мистер Гиллис не нравился. Тот был слишком умен и не учил детей заниматься подходящей для мужчины работой. Я никак не мог представить себе мистера Гиллиса режущим торф или орудующим флэфтером[16], но мы со школьным учителем отлично находили общий язык. Он вызывал меня, когда никто из моих товарищей не мог ответить, и прекрасно понимал, что если я решал не поднимать руку, то не потому, что не знал ответа, а потому что не желал выглядеть умнее одноклассников. Мистер Гиллис часто задавал мне другие задания, не те, что остальным ученикам, и я старался изо всех сил, чтобы сделать ему приятное.

Однажды в конце последнего урока он попросил меня задержаться. Я остался сидеть на своем месте в задних рядах, пока остальные шумно вы-

[16] Примечания: 16

Флэфтер — лопата с треугольным остроконечным лезвием. — *Прим. авт.*

ходили из класса. Потом учитель поманил меня к доске. Я не мог припомнить, что я сделал не так. Зачем же тогда меня отделили от остальных? Может, сейчас меня начнут обвинять в том, чего я не делал? Я решил ничего не отрицать и принять любое наказание, какое мне назначат.

Мистер Гиллис положил перо и спросил, какие у меня планы. Таких вопросов обычно не задают людям из наших краев: составлять планы — значит, оскорблять провидение. Я ничего не ответил. Мистер Гиллис снял свои маленькие очки.

— Я имею в виду, что ты собираешься делать, когда закончишь школу? — спросил он.

— Только то, что мне предназначено, — ответил я.

Мистер Гиллис нахмурился.

— И что же, по-твоему, тебе предназначено?

— Не могу сказать, — ответил я.

— Родди, несмотря на то что ты всячески пытаешься это скрыть, Бог наградил тебя необычными дарованиями, и было бы грешно ими не воспользоваться.

Меня удивило, что мистер Гиллис изложил свои доводы именно в таких словах, потому что обычно он не вел разговоров на религиозные темы. Я не ответил, и учитель прямо перешел

к делу:

— Ты думал о том, чтобы продолжить образование? Я не сомневаюсь, что у тебя хватит способностей, чтобы стать учителем или священником… Или еще кем-нибудь, кем ты захочешь стать.

Конечно, я думал над такими вариантами, о чем ему и сказал.

— Может, тебе следует обсудить это со своими родителями, — продолжал учитель. — Можешь сказать им, что я верю: у тебя есть необходимый потенциал.

— Но я нужен на нашей ферме, — ответил я.

Мистер Гиллис длинно вздохнул и как будто собирался еще что-то добавить, но передумал, и я почувствовал, что разочаровал его.

По дороге домой я размышлял над его словами. Не могу отрицать, я был благодарен учителю за этот разговор и за время пути между Камустеррачем и Калдуи вообразил себя в прекрасной гостиной в Эдинбурге или Глазго, одетого как джентльмен, беседующего о важных материях. Тем не менее мистер Гиллис ошибся, полагая, что для сына Калдуи возможно такое будущее.

* * *

Мистер Синклер попросил, чтобы я изложил то, что он называет «цепью событий», которая привела к убийству Лаклана Брода. Я тщательно обдумал, каким же может быть первое звено этой цепи. Могу сказать одно — все началось с моего рождения или даже еще раньше, когда мои родители встретились и поженились или когда затонула лодка «Два Иана», что и свело их вместе. Но — хотя если б любое из тех событий не произошло, Лаклан Брод и вправду сегодня был бы жив (или, по крайней мере, не умер бы от моей руки), — все-таки можно представить себе и другой поворот событий. Например, последуй совету мистера Гиллиса, я мог бы уехать из Калдуи прежде, чем произошли изложенные здесь события. Поэтому я попытался найти тот миг, когда смерть Лаклана Брода сделалась неизбежной, начиная с которого я не мог представить себе никакого другого исхода.

Полагаю, такой момент наступил со смертью моей матери примерно восемнадцать месяцев тому назад. То был источник, из которого проистекало все остальное. Теперь я описываю это событие не для того, чтобы возбудить жалость

читателя. Я не хочу и не нуждаюсь ни в чьей жалости.

Моя мать была живой и добродушной женщиной, которая всеми силами старалась поддержать жизнерадостную атмосферу в доме. Она выполняла ежедневную работу напевая, а если заболевала сама или болезнь касалась кого-нибудь из детей, всячески старалась относиться к этому легко, чтобы мы не растравляли себя.

Люди часто заглядывали в наш дом, где их всегда радушно встречали и подносили струпач[17]. Если за нашим столом собирались соседи, мой отец, в общем, вел себя гостеприимно, но редко к ним присоединялся, предпочитая стоять, а потом объявлял, что если у них нет работы, то у него — есть; замечание, неизменно заставлявшее собравшихся разойтись. Для меня загадка, почему моя мать вышла замуж за такого хмурого человека, как мой отец, когда могла выбирать среди стольких мужчин прихода. Тем не менее благодаря ее усилиям мы в то время, должно быть, напоминали более или менее счастливую семью.

Отец удивился, когда мать забеременела в

---

[17] Примечания: 17

Струпач — котелок чая или пива. — *Прим. авт.*

четвертый раз. Ей было тридцать пять лет, и прошло два года после рождения близнецов. Я совершенно отчетливо помню тот вечер, когда начались ее роды. Вечер был очень бурным, мать убирала после ужина глиняную посуду, и тут у ее ног появилась лужа. Тогда мать дала знать отцу, что время пришло.

Послали за повитухой, жившей в Эпплкроссе, а меня отослали в дом Кенни Смока вместе с близнецами. Джетта осталась помогать с родами. Прежде чем я покинул дом, она позвала меня в заднюю комнату, чтобы я поцеловал мать. Мама сжала мою руку и сказала, что я должен быть хорошим мальчиком и присматривать за сестрами и братом. Лицо Джетты было мертвенно-бледным, глаза затуманились от страха. Когда я все это вспоминаю, мне думается, что им обоим явилось предзнаменование того, что ночью нас посетит смерть, но я никогда не обсуждал этого с Джеттой.

Ночью я совсем не спал, хотя лежал на выданном мне матрасе с закрытыми глазами, а утром Кармина Смок с плачем сказала мне, что моя мать скончалась ночью из-за каких-то осложнений при родах. Ребенок выжил, и его отослали в семью матери в Тоскейг, чтобы его выкормила мамина

сестра. Я никогда не встречался с этим своим братом и не имею желания с ним встречаться.

В нашей деревне все открыто изливали свое горе, потому что присутствие моей матери было сродни солнечному свету, лелеющему посевы.

После этого события очень многое в нашей семье изменилось. Главное — на наш дом опустилось ощущение беспросветности и повисло в нем как густой зловонный пар. Отец изменился меньше остальных домочадцев, в основном потому, что никогда не был склонен веселиться. Если мы когда-нибудь и наслаждались минутами общего веселья, его смех всегда стихал первым, и он опускал глаза, будто стыдился этого мгновения радости. Но теперь его лицо стало вечно унылым, как будто затвердело из-за изменившегося ветра. Я не хочу описывать отца как бессердечного или бесчувственного, и не сомневаюсь, что он мучительно переживал смерть жены. Просто мой отец лучше был приспособлен к несчастьям, и то, что ему больше не требовалось изображать удовольствие от этого мира, стало для него облегчением.

После похорон наш дом месяц за месяцем часто навещал преподобный Гэлбрейт. Вид у священника впечатляющий: он неизменно облачен в черный сюртук и застегнутую до воротничка бе-

лую рубашку без галстука или шарфа, его белые волосы коротко пострижены, на щеках растут густые бакенбарды, но остальное лицо гладко выбрито. У него маленькие темные глазки, и люди часто говаривают, что они как будто способны проникать в разум другого человека. Сам я избегал его взгляда, но не сомневался, что священник может распознать злые мысли, которые я часто лелеял. У преподобного звучный, мерный голос, и, хотя его проповеди часто превыше моего понимания, нельзя сказать, что их неприятно слушать.

На службе в день похорон моей матери он подробно рассуждал на тему мук. Человек, сказал он, не только повинен в грехе, но и есть раб греха. Мы отдали себя на службу Сатане и носим на шее цепи греховности. Мистер Гэлбрейт попросил нас оглянуться на мир вокруг и на его бесчисленные страдания.

— Что означают, — спросил он, — болезни и недовольство, бедность и боль смерти, свидетелями которых мы становимся каждый день?

Ответ, по его словам, заключается в том, что все зло — плод нашей греховности. Без посторонней помощи человек бессилен сбросить ярмо своего греха, поэтому мы нуждаемся в спасителе, в изба-

вителе, без которого все погибнем.

После того как мою мать предали земле, все растянулись в торжественной процессии через торфяники. День, как часто бывает в наших краях, был совершенно серым. Небо, горы Разея и вода Саунда демонстрировали лишь малейшие вариации этого оттенка. Отец не пролил слез ни во время службы, ни после нее. Его лицо приобрело ожесточенное выражение, которое в дальнейшем редко его покидало. Я не сомневаюсь, что он принял слова мистера Гэлбрейта близко к сердцу; что касается меня, я был совершенно уверен, что мать забрали не из-за грехов моего отца, а из-за моих собственных грехов. Я размышлял над проповедью мистера Гэлбрейта и тогда же, топча ногами серый дерн, решил, что, когда представится такая возможность, стану для отца избавителем и освобожу его от того жалкого положения, в которое его ввергла моя греховность.

Несколько месяцев спустя мистер Гэлбрейт сделал отца церковным старостой, поскольку тот признал, что его страдания — всего лишь возмездие за греховную жизнь. Страдания отца были полезны для членов паствы, им полезно было видеть его в церкви в качестве яркого веществен-

ного доказательства. Полагаю, мистер Гэлбрейт очень радовался смерти моей матери, поскольку она послужила подтверждением доктрины, которую он проповедовал.

Близнецы непрерывно плакали по маме, и когда я думаю о тех временах, то думаю об их беспрестанных завываниях. Из-за разницы в возрасте я никогда не чувствовал к младшим брату и сестре ничего, кроме безразличия, но теперь они будили во мне настоящую враждебность. Если один из них на мгновение утихал, другой принимался плакать, опять подстрекая первого. Отец не хотел мириться с плачем малышей и старался утихомирить их с помощью побоев, но только снова заставлял их реветь. Я хорошо помню, как они с ужасом цеплялись друг за друга на матрасе, когда отец шагал к ним через комнату, чтобы поколотить их. Я предоставлял разбираться с этим Джетте, и если б не ее вмешательство, вполне могу себе представить, что отец забил бы бедняг до смерти. Ему предлагали отправить в Тоскейг и близнецов, но отец и слышать ничего не хотел, настаивая, что Джетта уже достаточно взрослая, чтобы заменить им мать.

Моя дорогая сестра Джетта очень сильно изменилась, как будто за одну-единственную

ночь ее место занял двойник. Вместо веселой и очаровательной девушки появилась мрачная, задумчивая личность с сутулыми плечами, облаченная, по настоянию отца, в одежду вдовьего черного цвета. Джетту заставили играть роль матери и жены, готовить еду и прислуживать отцу так, как раньше это делала мать. Именно тогда отец объявил, что Джетта должна спать в задней комнате вместе с ним, поскольку теперь она женщина и заслужила некоторое уединение от братьев и сестры. Однако в общем отец обращался с ней пренебрежительно, как будто из-за ее сходства с матерью ему было больно на нее смотреть.

Как самая жизнерадостная из нас, Джетта должна была острее остальных ощущать уныние, охватившее нашу семью. Я не знаю, предвидела ли она смерть матери — она никогда со мной об этом не говорила, — но вместо того, чтобы забросить ритуалы и обереги, не сумевшие отвратить беду, она вцепилась в них пуще прежнего. Я не видел в таких вещах никакого проку, но понимал, что Джетте открыты таинственные указания из Иного Мира, к которым сам я невосприимчив. Отец еще более рьяно принялся читать Библию и чурался самых скромных удовольствий, которые

раньше себе позволял, как будто верил, что Бог наказывает его за каждый редкий глоток спиртного. Однако мне смерть матери лишь показала нелепость верований и сестры, и отца.

Шли недели, и никто из нас не хотел первым нарушить уныние шалостью или куплетом песни, и чем больше времени проходило, тем больше мы погрязали в такой мрачной жизни.

* * *

Мама умерла в апреле, а несколько недель спустя я сидел один на пастбище и присматривал за пасущимися там овцами и другим скотом.

День выдался очень теплым, небо — ясным, и холмы на другом берегу Саунда окрасились в разные оттенки пурпурного. Воздух был таким неподвижным, что я слышал, как море набегает на берег или как время от времени кричат дети, играя далеко внизу, в деревне. Животные, за которыми я присматривал, поддались жаре и час за часом не отходили далеко друг от друга. Телята-однолетки лениво отмахивались хвостами от слепней.

Я лежал на спине в вереске, наблюдая, как медленно плывут по небу облака. Хорошо было убраться с фермы, подальше от отца. Когда я ухо-

дил, он стоял, опершись на рукоять кромана[18] и попыхивая трубкой, и я вообразил, что мать рядом с ним нагнулась и пропалывает посевы, как всегда напевая себе под нос, и волосы падают ей на лицо. Лишь несколько мгновений спустя я понял, что ее тут нет, что сейчас она под землей на кладбище Камустеррача. Я часто набредал на трупы павших животных и теперь задумался, охватило ли уже разложение ее тело…

Тут я остро ощутил, что никогда больше ее не увижу, и закрыл глаза, чтобы удержаться от слез. Я попытался мысленно сосредоточиться на шелесте травы и блеянии овец, но не мог изгнать из головы образ разлагающегося тела матери.

Насекомое, опустившееся на мое лицо, заставило меня очнуться от этих мыслей. Я смахнул его и приподнялся на локтях, моргая от солнечного света. Тут на мое предплечье села оса. Я не отдернул руку, а медленно поднял ее к глазам, и мне показалось, что крошечное существо крупнее скота, пасущегося в отдалении. Однажды мистер Гиллис, нарисовав на доске схему, рассказал нам, как называются части тела насекомых, и теперь я повторял те увлекательные слова: головогрудь,

[18] Примечания: 18

Кроман — ручной инструмент для рыхления земли, похожий на одностороннюю киркомотыгу или мотыгу. — *Прим. авт.*

дыхальце, жгутик, яйцеклад, жвало. Оса пробиралась через темные волоски у меня на руке так, словно не была уверена, что опустилась в правильном месте. С отстраненностью ученого я наблюдал, как существо остановилось и опустило брюшко к моей коже. Затем прихлопнул осу рукой и смахнул со своей руки маленький труп. Брюшко осы оставило в моей коже крошечное жало, и вокруг него быстро вспухал розовый волдырь.

Я решил подняться к водопаду, чтобы промыть укус, и пошел вверх по склону Карна, время от времени бросая взгляд через плечо, чтобы проверить — как там стадо. Водопад скрывался в группе берез, и там, куда он падал, был глубокий пруд. Среди деревьев царила прохлада, бегущая вода за века отполировала камни. Я погрузил сложенные чашечкой ладони в пруд, чтобы напиться, потом поплескал на лицо и голову, разделся и шагнул в воду. Закрыв глаза, позволил себе поплавать на спине. Сквозь веки просачивался оранжевый мерцающий свет; я слышал рев воды, бьющей о воду, и чувствовал, что, когда я выйду из пруда, Калдуи, Ард-Даб и все остальное исчезнет, и я останусь в мире совершенно один. Я желал лишь одного — чтобы, когда я открою глаза, Джетта

стояла на камне, чтобы она перешагнула через свою одежду и присоединилась ко мне в пруду.

Открыв глаза, я стал наблюдать, как капельки воды взлетают вверх, словно искры костра. Я был бы счастлив оставаться здесь до конца дня, но понимал, что обязан присматривать за скотом. Дав солнцу высушить мое тело, я оделся и пустился вниз по склону холма.

Когда рев воды стих, я услышал блеянье овцы. Овцы обычно имеют привычку беседовать друг с другом, но то было болезненное блеяние одного животного, напоминающее звук, который издает овца, потерявшая своего ягненка. Я встал на холмик и оглядел склон, но не увидел, кто же блеет. Примерно в сотне ярдов выше крутой склон холма уступал место невидимому снизу болотистому плоскогорью, где мы резали торф. Я полез туда. Блеяние становилось все громче.

Перевалив через гребень, я нашел испуганного барана, лежащего на боку и наполовину увязшего в трясине.

Даже летом болото остается липким и предательским. Люди постарше обычно предупреждали деревенских детей: если они забредут в болото, их засосет в недра земли, где их пожрут тролли. Ребенком я принимал это на веру и, хотя

больше не верил в троллей, продолжал опасаться болота.

Животное тщетно било свободными ногами, но в результате только все глубже погружалось в топь.

Держась безопасных зарослей вереска и шепча что-то ласковое в попытках успокоить увязшую скотину, я приблизился к ней. Баран повернулся в мою сторону, как больной старик, слишком слабый, чтобы приподнять голову с подушки. Я не чувствовал к нему жалости, только отвращение к его глупости.

На ближайший пригорок опустилась большая ворона и принялась с интересом рассматривать нас.

Я прикидывал, как будет лучше поступить. Во-первых, можно вернуться в деревню, чтобы принести веревку, и позвать кого-нибудь, кто поможет вытащить животное из трясины. Эту идею я отбросил — ведь даже если баран не утонет до моего возвращения, ворона и ее собратья наверняка накинутся на него. К тому же тогда станет известно, что баран забрел в болото, будучи под моим присмотром, а этого мне хотелось избежать. Оставалось одно: спасать его без посторонней помощи.

Не откладывая дело в долгий ящик, я опустился на колени на краю болота и, как можно равномернее распределив свой вес, потянулся к ляжкам барана. Грязь пахла кислым. Облака мух взлетели со зловонной поверхности воды. Я сумел ухватить барана за копыто, но не настолько крепко, чтобы как следует потянуть. Проверив землю между нами, я осторожно перевернулся на задницу, и грязь просочилась мне в штаны. Ворона с интересом наблюдала за моими усилиями. Наконец, я сумел ухватиться за изогнутый рог барана, лег на спину и потянул, чувствуя, как напряглись мускулы на моих бедрах. Баран забил ногами с новой силой и издал испуганное блеяние, а потом болото со скользкой отрыжкой отпустило животное.

Я рухнул на спину на вереск, забрызганный черной грязью, и от облегчения в голос рассмеялся.

Освобожденное животное попыталось встать, но тщетно, и я увидел, что его задняя нога, которая только что была погружена в болото, вывихнута и торчит под самым неестественным углом.

Баран рухнул на бок, продолжая непрерывно блеять, его поврежденная нога заболталась в воздухе. Ворона издала резкое карканье, словно издеваясь над моими усилиями. Я зачерпнул

пригоршню грязи и швырнул ее в сторону злой птицы, но та просто посмотрела, как грязь плюхнулась в болото, и снова надменно уставилась на меня.

У меня не оставалось иного выхода, кроме как быстро избавить барана от страданий.

Джентльмену легко прикончить оленя или тетерева, спустив курок ружья, но предать животное смерти голыми руками или хотя бы инструментом, как бы хорошо он ни подходил для данного случая, — совершенно другое дело. Я всегда увиливал даже от того, чтобы свернуть шею курице, и не понимал, почему образованные люди считают убийство живых существ спортом. И все-таки в данных обстоятельствах моим долгом было прикончить раненое животное.

Я подумывал сесть на барана верхом, ухватить за рога и, вывернув его голову назад, сломать ему шею, но не знал, хватит ли у меня для такого сил. Потом заметил торчащую на другом краю болота лопату для резки торфа. Я принес ее и, вернувшись, пугнул ею ворону, которая взлетела на несколько футов в воздух, а после запрыгала на свой прежний наблюдательный пункт.

— Как тебе там, удобно? — спросил я.

Ворона ответила, прокаркав, что я должен по-

спешить со своей работой и что ей не терпится попировать.

Лезвие лопаты было увесистым. Баран посмотрел на меня. Я окинул взглядом склон холма, но никого не увидел. Без дальнейших проволочек я поднял лопату над головой и, собрав все силы, опустил. Наверное, животное шевельнулось или я неправильно рассчитал траекторию, потому что удар попал только по морде, и лезвие лопаты расщепило кость. Баран фыркнул, подавившись кровью и костью, и сделал еще несколько жалких попыток встать. Я нацелился во второй раз и опустил лопату на макушку животного с такой силой, что ноги мои оторвались от земли. Кровь брызнула в воздух, окропив мое лицо.

Лезвие вошло в череп барана, и потребовалось много усилий, чтобы вытащить его. Выдернув лопату, я отвернулся и изверг содержимое своего желудка, опершись одной рукой о черенок.

Когда я оправился, ворона уже сидела на голове мертвого животного и проворно расправлялась с его глазами. К ней присоединились две товарки и, расхаживая вокруг, методично обследовали труп.

Метка на шерсти показала, кому принадлежал баран, и я вернулся в деревню, преисполненный

ужаса.

Тем же вечером в доме Кеннета Мёрчисона состоялось разбирательство.

Мистера Мёрчисона все знали как Кенни Смока, потому что его никогда не видели без трубки во рту. Это был дородный мужчина, которому приходилось нагибаться, чтобы пройти в дверь, с широким красивым лицом, с черными, густыми, как веники, усами. Своим зычным голосом он обращался к женщинам так же громко и весело, как если б говорил с мужчиной. Я никогда не видел свою мать такой оживленной, как тогда, когда к нам заходил Кенни Смок. Он отлично умел рассказывать истории, мог по памяти декламировать длинные отрывки стихов, и в черные месяцы именно в его доме устраивались сейлидхи[19] с музыкой и танцами.

Когда я был мальчиком, меня зачаровывали его истории о привидениях и коварных существах. Мой отец настороженно относился к Кенни Смоку, как и ко всем мужчинам, чьи мозги, как он говорил, полны мирских вещей.

Жена Кенни, Кармина, была поразительной женщиной с прекрасными чертами лица, боль-

---

[19] Примечания: 19

Сейлидх — встреча, на которой поют и рассказывают истории. — *Прим. авт.*

шими темными глазами и стройной фигурой. Ее отец торговал в Кайл-оф-Лахлаше, и Кенни Смок познакомился с ней на тамошнем рынке. В деревушке Калдуи никто никогда не женился на подобной женщине, и здесь часто говаривали (хотя я не понимал, что это значит), что Кенни Смок, наверное, очень щедро одарен природой, раз сумел сманить ее из такого крупного города.

У Смоков было шестеро дочерей, что считалось большой неудачей. Целый ряд старух-прихожанок предлагал средства от такого злосчастья, но Кенни Смок выгнал их всех, заявив, что каждая из его дочерей стоит десяти сыновей любого другого мужчины.

Дом Смоков был огромным и просторным, с трубой на коньке крыши. Кенни Смок соорудил большой очаг, вокруг которого стояло несколько обитых стульев, а на шкафу, сделанном плотником в Кайле и привезенном в Калдуи на лодке, красовалась прекрасная глиняная посуда.

Кенни Смок и его жена спали в задней комнате, а у их дочерей были отдельные комнаты. После женитьбы Кенни Смок арендовал еще землю и построил коровник для своего скота, говоря, что ни одна из его девочек не будет жить под одной крышей с коровами. Он всегда упоминал о своей

жене как об одной из своих девочек, и летними вечерами часто видели, как они рука в руке идут к Ард-Дабу. Если мой отец замечал их, он обычно бормотал: «Ей приходится держать его за руку, чтобы помешать ему делать работу дьявола».

Посреди дома Смоков стоял длинный стол, за которым они обедали, и в тот раз вокруг стола устроились мы с отцом, Лаклан Брод — хозяин барана, которого я убил, и брат Лаклана, Эней. Сам Кенни сидел во главе стола. Сейчас в комнате не было и следа той праздничной атмосферы, которой обычно сопровождались сборища в доме Смока.

Лаклан Брод отказался от предложения Кенни Смока глотнуть спиртного и сидел совершенно прямо, сложив руки на столе перед собой, обхватив правой кулак левой и сжимая и разжимая пальцы, так что его руки смахивали на бьющееся сердце. Он смотрел на шкаф, который стоял позади меня и моего отца. Надо сказать, Брод был самым впечатляющим представителем человеческой расы, ростом в шесть футов, с широкими плечами и огромными мясистыми руками. Все знали, что однажды он пронес через всю деревню тушу оленя, которую едва смогли приподнять двое мужчин. С узкими бледно-го-

лубыми глазами, с огромной головой, с густыми, ниспадающими до плеч желтыми волосами — говорили, волосы у него такого цвета потому, что по материнской линии в нем течет норвежская кровь, — он как будто никогда не чувствовал холода и даже в черные месяцы расхаживал в распахнутой рубашке. Его и так ни с кем нельзя было перепутать, но в придачу он имел обыкновение носить завязанный на горле желтый платок.

Его брат был поменьше, пухлый, с красным лицом и маленькими птичьими глазками. Сам он мало что мог сказать, но обычно ревел, как осел лудильщика, в ответ на любое замечание, сделанное его родственником. Эней сидел плечом к плечу с братом, положив левую лодыжку на правое колено и сосредоточенно соскабливая перочинным ножиком грязь со своего башмака.

Кенни Смок тихо попыхивал трубкой и постоянно приглаживал огромные усы большим и средним пальцами. Мой отец не вынул трубку из кармана; он держал обеими руками чашку и пристально смотрел на стол перед собой. Мы ждали появления Калума Финлейсона, лодочника из Камустеррача, который в то время занимал

должность приходского констебля[20].

На улице все еще было ясно и солнечно, что только подчеркивало мрачную атмосферу в доме.

Вскоре появился мистер Финлейсон и жизнерадостно приветствовал всю компанию. Кенни Смок встал, сердечно пожал ему руку и задал несколько вопросов насчет того, хорошо ли поживает его семья. Констебль согласился выпить чашку чая, и позвали Кармину Смок, которая занялась приготовлениями и поставила перед каждым из нас блюдце и чашку, хотя чая хотел только мистер Финлейсон. Лаклан Брод внимательно наблюдал за миссис Мёрчисон, будто оценивая скот на рынке. Когда чай был налит и Кармина Смок вернулась в заднюю комнату, Калум Финлейсон открыл разбирательство.

— Давайте посмотрим, сможем ли мы уладить это дело полюбовно, джентльмены, — сказал он.

Кенни Смок серьезно кивнул.

— И то верно!

---

[20] Примечания: 20

Деревенский или приходской констебль официально избирался членами общины, чтобы служить посредником между фактором и народом. Он был обязан улаживать разногласия и заботиться о том, чтобы арендаторы соблюдали условия аренды. Фактор, в свою очередь, являлся управляющим или агентом, нанятым для того, чтобы вести дела имения от имени своего господина. Обычно фактор не пользовался популярностью, его боялись. — *Прим. авт.*

Лаклан Брод шумно выдохнул через нос, а его брат по-ослиному заржал. Калум Финлейсон, не обратив внимания на этот грубый звук, ласково попросил меня как можно точнее описать, что случилось днем. Я очень нервничал в компании собравшихся мужчин, но, как мог, рассказал всю историю, упустив лишь эпизод у водопада, который вполне могли бы расценить как мое пренебрежение обязанностями пастуха. Я подробно описал, как меня ужалила оса, рассудив: люди могут решить, что это меня отвлекло и поэтому я не заметил, как баран отбился от стада. Еще я заявил, что, когда нашел барана, у него уже были выклеваны глаза — чтобы подчеркнуть страдания животного и отстутствие у меня выбора.

Когда я закончил, мистер Финлейсон поблагодарил меня за рассказ. Я все время смотрел на стол перед собой, но тут, решив, что испытание подошло к концу, поднял глаза. Лаклан Брод шевельнулся на стуле, пренебрежительно фыркнул и подался вперед, словно собираясь заговорить, но мистер Финлейсон показал на него пальцем, веля помолчать.

— Разве ты не был обязан, Родди, — сказал он, — следить за животными во второй половине дня?

— Обязан, — ответил я.

— И ты за ними следил?

— Следил, мистер Финлейсон.

Я вдруг испугался, что кто-то мог видеть, как я иду к водопаду, и что этого человека вот-вот выведут вперед, чтобы он опроверг мой рассказ.

— Как же тогда могло случиться, — по-прежнему мирным тоном спросил мистер Финлейсон, — что баран сумел забрести в болото?

— Не знаю, — ответил я.

— Может быть, ты отвлекся?

— Если баран ушел, пока я охранял стадо, значит, я отвлекся, — ответил я с облегчением: никакой свидетель не появился, чтобы дать показания против меня. — Я хочу сказать, что сожалею о страданиях барана и готов сделать все, что нужно, чтобы возместить мистеру Маккензи его потерю.

Мистер Финлейсон кивнул, как будто удовлетворенный моими словами. Кенни Смок вынул трубку изо рта и сказал:

— Все мы знаем, что невозможно уследить за пятьюдесятью овцами на склоне холма. Мальчик сказал, что сожалеет, разве не следует на этом закрыть дело?

Лаклан Брод посмотрел на него.

— Вот что я скажу, мистер Мёрчисон, — не

вашего барана забили до смерти, и, хотя все мы ценим ваше гостеприимство, я не вижу, какое отношение ваше мнение имеет к данному делу.

Его брат захихикал и заерзал на стуле.

Мистер Финлейсон поднял руку, чтобы предотвратить дальнейший спор, и обратился к Лаклану Броду:

— Тем не менее мистер Мёрчисон совершенно прав, заявляя, что нелегко уследить за скотиной, и если была допущена ошибка, то непреднамеренная и без злого умысла.

— Злого умысла в этом мальчишке хоть отбавляй, — сказал Брод, направив на меня толстый палец.

Мистер Финлейсон заявил, что мы здесь не для того, чтобы делать оскорбительные замечания, но если мистер Маккензи желает задать мне какие-нибудь вопросы, он волен так поступить.

Брод ограничился тем, что пробормотал что-то о невозможности вытянуть из меня хоть слово правды.

Мистер Финлейсон подождал, пока в комнате несколько мгновений простоит тишина, а потом заявил, что если все удовлетворены услышанным, он должен вынести решение по этому делу.

— Я предлагаю, — сказал он, — чтобы Джон

Макрей заплатил Лаклану Маккензи за потерю барана компенсацию в тридцать пять шиллингов — такова рыночная цена животного.

— А как насчет зимней кормежки и трудов, которые я потратил, чтобы вырастить его? — спросил Брод.

Калум Финлейсон, похоже, всерьез задумался над его вопросом.

— Если б ты продал животное на рынке, тебе не возместили бы эти расходы. К тому же в придачу к тридцати пяти шиллингам у тебя теперь будет шерсть и мясо твоего барана.

— Ага — то, что от них останется после того, как над ним потрудились вороны, — сказал Брод.

Мистер Финлейсон не обратил внимания на его слова и повернулся к моему отцу, чтобы спросить, устраивает ли его такое решение. Отец коротким кивком дал понять, что устраивает.

— Сдается мне, вы отпускаете мальчишку без наказания, — настаивал Лаклан Брод. — Наверняка он должен быть еще как-то наказан.

— Что ты предлагаешь? — спросил констебль. — Публичную порку?

Отец уже как можно основательней поколотил меня перед сестрами и братом, но я не думал, что в моих интересах это разглашать. И отец тоже не

счел нужным упомянуть об этом.

— Я могу придумать и кое-что похуже, — сказал Брод, в упор уставившись на меня. — Возможно, мы смогли бы выбить правду из коротышки.

— Ага, выбить правду из коротышки, — повторил Эней Маккензи.

Калум Финлейсон встал и наклонился через стол к этим двоим.

— Я пришел сюда не для того, чтобы слушать сквернословие и оскорбления, — сказал он. — Мальчик откровенно признался в своих поступках, за что его следует похвалить. Я предложил уладить дело в твою пользу, но если такое решение для тебя неприемлемо, я предлагаю препоручить дело полиции.

Лаклан Брод зверем уставился на него. Предложение было почти неосуществимым, поскольку означало путешествие в семьдесят миль в Дингуолл; кроме того, к любому отказу согласиться с решением констебля плохо отнеслись бы в общине.

— Может быть, фактор заинтересовался бы случившимся.

— Могу заверить, что фактора интересуют более важные дела, чем потеря барана, — сказал мистер Финлейсон. — Поскольку мистер Макрей

принял мое предложение, советую тебе сделать то же самое.

Лаклан Брод жестом дал понять, что соглашается с приговором. Мой отец, который едва ли подал голос во время разбирательства, поднял морщинистый палец. Констебль спросил, хочет ли он что-нибудь сказать.

— Насчет оплаты, — сказал отец.

— Да? — переспросил мистер Финлейсон.

С некоторым трудом отец объяснил, что, хотя согласен с приговором, в данное время у него нет тридцати пяти шиллингов, даже близко нет.

Это очень развеселило Лаклана Брода и его брата.

— Жаль такое слышать, Джон Черный, — сказал Лаклан. — Может, мне забрать вместо денег твою мрачную дочурку? Уверен, что смогу заставить ее улыбнуться.

— Мы оба сможем заставить буку улыбаться, — с глупым хихиканьем вставил Эней Маккензи.

Кенни Смок встал и наклонился через стол.

— Я не потерплю таких разговоров в моем доме, Лаклан Брод.

— Может, ты предпочитаешь, чтобы я взял одну из твоих дочерей? — спросил тот. — Старшая уже совсем созрела.

Кенни Смок побагровел, и я не сомневался, что он бросится на Лаклана, но Калум Финлейсон встал и положил ладонь ему на грудь.

Лаклан Брод разразился смехом, скрестив руки на груди. Кенни Смок еще несколько мгновений стоял, сердито глядя на Брода, а тот в ответ самодовольно ухмылялся. Отец пристально смотрел на стол перед собой. Я видел, как под столом его руки теребят грубую ткань его бриджей.

В конце концов Кенни Смок снова сел, и мистер Финлейсон, без сомнения, желая закрыть обсуждение, продолжал:

— Учитывая стесненные обстоятельства мистера Макрея, я предлагаю, чтобы сумма выплачивалась по одному шиллингу в неделю до тех пор, пока не будет выплачена целиком.

Лаклан Брод пожал плечами.

— Пусть будет так, — издевательски сказал он, — я бы не хотел послужить причиной каких-нибудь затруднений для моего бедного соседа.

На том обсуждение и закончилось.

Лаклан Брод отодвинул свой стул и дважды хлопнул брата по бедру в знак того, что они уходят.

После их ухода Кенни Смок длинно вздохнул и произнес ругательство, которое я не в силах

здесь повторить. Мистер Финлейсон сказал мне, что я хорошо держался. Кенни Смок подошел к шкафу и принес бутылку виски и четыре стакана, которые расставил на столе между нами. Я был благодарен, что он поставил стакан и для меня, но, прежде чем виски было разлито, отец встал и поблагодарил мистера Финлейсона за честное разбирательство, хотя мне невольно подумалось, что он с радостью согласился бы на предложение Лаклана Брода выпороть меня. Кенни Смок умолял отца остаться и выпить вместе со всеми, но тот отказался. Потом ткнул меня в руку, и мы ушли.

Я боялся, что дома меня ждет новая порка, но меня просто оставили без ужина.

Я лежал на спине, воображая, как Кенни Смок и Калум Финлейсон пьют виски и смеются над этим происшествием, а отец в это время в надвигающихся сумерках посасывает свою трубку.

* * *

Моя камера в Инвернессе имеет пять шагов в длину и два в ширину. Пара досок, привешенных к стене и покрытых соломой, служит мне постелью. В углу стоят два ведра — над одним я моюсь, в другое справляю нужду. Высоко в стене

напротив двери прорублено незастекленное окно размером с человеческую голову. Стены толстые, и только прижавшись спиной к двери, я вижу прямоугольник неба. Думаю, окно здесь не для того, что позволить обитателю камеры что-то увидеть, а скорее для того, что впустить сюда немного воздуха. Тем не менее, когда тебя ничто больше не отвлекает, просто удивительно, сколько развлечений может доставить наблюдение за медленными изменениями маленького кусочка неба.

Мой тюремщик — огромный грубый парень, такой массивный, что ему приходится поворачиваться боком, чтобы войти в мою камеру. Он носит кожаный жилет, грязную рубашку поверх штанов и тяжелые башмаки, которые громко стучат, когда он расхаживает туда-сюда по каменным плитам коридора. Штаны парень крепко завязывает шнурками на лодыжках. Меня озадачивает, что я не вижу тут никаких мышей или паразитов, но я не расспрашивал его, почему так, и не спрашивал, как его зовут.

Тюремщик обращается со мной без доброты, но и без презрения. По утрам он приносит мне кусок хлеба и воду и, если ведро полно, уносит его. В первые дни я несколько раз пытался завязать с

ним беседу, но он не отвечал. Когда мне принесли стул и стол, за которым я пишу свой отчет, тюремщик ничего не сказал по этому поводу, но он не немой, поскольку иногда я слышу, как он беседует с кем-то в коридоре.

Полагаю, я совершенно его не интересую и не отличаюсь от тех, кто сидит в других камерах, выходящих в коридор. В любом случае здесь мало тем для разговора. После его ухода я слышу, как он занимается в других камерах тем же, чем занимался в моей. Я не видел никого из других заключенных и не имею ни малейшего желания видеть, поскольку не хочу водиться с преступниками. Ночью мужчины часто выкрикивают грубейшие слова или колотят по дверям своих камер кулаками, заставляя остальных кричать, чтобы они умолкли. Некоторое время продолжается шум и гам, а потом совершенно внезапно все стихает, и я слышу только тихие ночные звуки снаружи.

Каждый второй день меня выводят из камеры и разрешают размять ноги на мощенном булыжником дворе.

Когда меня вывели туда впервые, я не знал, чем там заняться. Из-за высоких стен солнечный свет не проникает во двор, и его булыжники

скользкие, поросшие мхом. Я заметил вокруг двора истоптанную дорожку, поэтому начал расхаживать по ней.

Тюремщик все время стоит у входа, но у меня нет впечатления, что он за мной наблюдает. Мне слегка жаль его: похоже, жизнь у него здесь не приятней моей, и после того, как я покину это место, он еще долго будет тут.

Окружность двора составляет двадцать восемь шагов, и я обычно делаю полных шесть кругов за то время, что мне разрешают тут пробыть — примерно расстояние между Калдуи и Камустеррачем, — и пытаюсь вообразить, что именно туда я и иду.

Позже мне приносят миску супа, кусок хлеба или баннок[21].

Бóльшую часть времени в камере я провел, трудясь над этим документом. Вряд ли кто-нибудь заинтересуется тем, что я пишу, но я рад, что могу хоть чем-то заняться.

В первые дни моего заключения у меня было мало времени, чтобы привыкнуть к новой обстановке, потому что на меня так и сыпались бесчисленные визиты офицеров полиции. Меня

---

[21] Примечания: 21
Баннок — пресная лепешка из овсяной муки. — *Прим. авт.*

часто отводили в комнату в другой части тюрьмы, чтобы допросить насчет того, что я совершил. Я столько раз выслушивал одни и те же вопросы, что мне уже не приходилось думать над своими ответами. Часто у меня создавалось впечатление, что моих собеседников порадовало бы, если б я придумал какие-то другие версии событий или попытался оправдаться в том, что натворил; но я этого не делал. Все обращались со мной вежливо, и мне хотелось бы отплатить за такую доброту, но я не видел смысла лгать. Часто, когда я повторял свою историю в третий или четвертый раз, присутствующие переглядывались, будто я чем-то изумлял их или ставил в тупик. Однако, вспоминая все это, я думаю, что те джентльмены больше привыкли иметь дело с преступниками, не склонными признавать свою вину.

В конце концов я рассказал всю историю в присутствии клерка и, после бесчисленных предупреждений, что не обязан этого делать, поставил свое имя под показаниями.

Теперь, если не считать визитов моего адвоката, мистера Синклера, я мало общаюсь с людьми. Однако нынче утром мои труды прервал визит тюремного доктора — добродушного краснощекого человека со всклокоченными бачками. Он

представился как доктор Мунро и сообщил, что должен проверить состояние моего здоровья. Я ответил, что совершенно здоров, но он все равно попросил меня снять рубашку и тщательно меня обследовал. Пока он деловито расхаживал вокруг меня, я чуял его дыхание, в котором ощущалась сладкая вонь свежего навоза, и почувствовал облегчение, когда он закончил осмотр и отошел. Потом доктор задал ряд вопросов насчет моих преступлений, а я дал на них обычные ответы. Время от времени он вынимал из кармана пальто оловянную фляжку и отпивал из нее. Доктора как будто совершенно не возмутил мой рассказ, и он записал мои ответы в маленьком блокноте. Покончив с вопросами, Мунро скрестил руки на груди, с легким интересом уставился на меня и спросил, сожалею ли я о том, что сделал. Я ответил, что не сожалею, и в любом случае не так уж важно, сожалею я или нет, — что сделано, то сделано, и этого уже не изменить.

— Совершено верно, — сказал он.

И спустя несколько мгновений добавил:

— Вы такой интересный человек, Родрик Макрей…

Я ответил, что сам себе я не интересен и, наверное, настолько же неинтересен ему, как он

— мне. На это доктор весело рассмеялся, и я не в первый раз удивился, как любезно здесь со мной обращаются, будто я виновен лишь в том, что стянул кружок масла.

* * *

В конце желтых месяцев[22] мистер Гиллис нанес визит моему отцу. Был ранний вечер, и Джетта убирала тарелки после ужина. Появление учителя, который возник в дверях, все еще держа в руках поводья своего пони, застигло отца врасплох. Меня послали на улицу привязать пони, и, сделав это, я побыл с ним еще несколько минут, поглаживая его шею и шепча ему в ухо.

Когда я вошел в дом, мистер Гиллис сидел на скамье у стола, и Джетта готовила для него чашку чая. На тарелку перед ним положили баннок. Отец неловко стоял посреди комнаты, вертя в руках трубку, не желая садиться в присутствии человека, занимающего более высокое положение, чем он сам. Мистер Гиллис задавал Джетте разные вопросы и говорил отцу, каким удовольствием было ее учить. Увидев меня в дверях, он весело сказал:

---

[22] Примечания: 22
Желтые месяцы — лето. — *Прим. авт.*

— А вот и мальчик!

Потом спросил отца, не присядет ли тот, и отец занял место во главе стола.

— Я заметил, что, когда снова начались занятия, Родди не вернулся в школу.

Отец размеренно попыхивал трубкой.

— Он не ребенок, — ответил он.

— Совершенно верно, поэтому посещать школу ему больше не требуется, — сказал мистер Гиллис. — Но, может быть, Родди говорил вам о беседе, которую мы с ним вели в конце прошлого учебного года?

Отец ответил, что я не рассказывал ему ни о каких беседах. Мистер Гиллис бросил взгляд на меня и пригласил меня тоже сесть за стол.

Когда я уселся, он продолжал:

— Наш разговор касался будущего вашего сына, того, чтобы он продолжил свое образование. Он вам об этом не упоминал?

— Не упоминал, — ответил отец.

Мистер Гиллис посмотрел на меня и нахмурился.

— Что ж, — жизнерадостно сказал он, — во время учебы в школе ваш сын продемонстрировал замечательный потенциал — с моей точки зрения, такой потенциал было бы стыдно растра-

тить впустую.

Отец сердито уставился на меня, как будто я совершил какое-то преступление или был повинен в том, что за его спиной вступил в заговор с учителем.

— Растратить впустую? — повторил он, словно эти слова были ему совершенно незнакомы.

Мистер Гиллис оглядел наше мрачное жилище, отлично понимая, какую ловушку приготовил ему мой отец, и отхлебнул чаю, прежде чем ответить.

— Я просто имею в виду: если он продолжит учиться, в будущем его ждет больше путей, из которых он сможет выбирать.

— Каких именно путей?

Отец прекрасно понимал, какие пути имеет в виду мистер Гиллис. Я был уверен, что отец смутно осознает мои успехи в учебе, хотя никогда ими не интересовался и никогда меня не хвалил.

— Я не сомневаюсь, что Родди смог бы подняться до… — Тут мистер Гиллис возвел глаза к стропилам, словно впервые обдумывал этот вопрос. — …До священника или учителя. Или стать еще кем-нибудь — кем захочет.

— То есть кем-нибудь вроде вас? — грубо спросил отец.

— Все, что я имею в виду, мистер Макрей, это что перед ним будут открыты определенные возможности.

Отец шевельнулся на скамье.

— Вы имеете в виду, что он может стать кем-то получше фермера-арендатора.

— Я бы не сказал «получше», мистер Макрей, но определенно кем-то другим. Я заговорил об этом только для того, чтобы убедиться: вы отдаете себе отчет в возможностях, которые открываются перед вашим сыном.

— Здесь нет толка от таких возможностей, — сказал отец. — Мальчишка должен работать на ферме и своим трудом зарабатывать деньги для семьи.

Мистер Гиллис ответил, что, может быть, лучше спросить меня, чем бы я предпочел заниматься. Тогда отец встал.

— Этого мы делать не будем, — сказал он.

Мистер Гиллис остался сидеть.

— Если сложность в деньгах, — сказал он, — можно предпринять определенные шаги.

— Мы не нуждаемся в вашей милостыне, мистер Учитель.

Мистер Гиллис открыл рот, чтобы заговорить, но передумал. Он кивнул, словно соглашаясь с

тем, что вопрос закрыт, встал, шагнул к отцу и протянул руку, но тот отказался ее пожать.

— Я не хотел оскорбить вас, мистер Макрей.

Отец не ответил, и мистер Гиллис ушел, пожелав доброго вечера мне и Джетте, которая во время этой беседы мыла тарелки.

Я вышел вместе с ним под тем предлогом, что собираюсь помочь ему с пони. Мне хотелось, чтобы он знал, как я благодарен за этот визит, но, если б спросили моего мнения, я бы согласился с отцом — сейчас мне нужно работать на благо семьи, и такой труд необязательно должен нравиться. В любом случае, никто из мальчиков прихода в моем возрасте не ходил в школу, и я чувствовал бы себя глупо, сидя среди детей. И мне не хотелось стать таким мужчиной, как мистер Гиллис с его слабыми чертами лица и розовыми дряблыми руками. Он поблагодарил меня за то, что я отвязал его пони, и сказал: мол, если я пожелаю вернуться в школу, меня там примут очень радушно и можно будет устроить так, что моя учеба будет оплачиваться.

Уверен, он не ожидал еще раз меня увидеть — и был прав. Я наблюдал, как он садится на пони и медленно выезжает из деревни. Его ноги почти доставали до земли, поэтому он представлял

собой очень комическое зрелище. Гаррон[23] тащился характерным аллюром хайлендского пони, словно боясь в любой момент удариться головой о низкую балку.

Отец напрасно строил планы насчет того, что я буду вносить вклад в доходы нашей семьи.

Вскоре после беседы с мистером Гиллисом он раздобыл для меня место на время охотничьего сезона. Мне полагалось с первыми лучами солнца явиться в домик егеря, что я и сделал.

Егерь был высоким человеком с узкими глазами и густой жесткой бородой, тронутой сединой. Он носил твидовые бриджи, толстые шерстяные чулки и крепкие башмаки, ходил в расстегнутом жилете и держал в левой руке трубку с изогнутым черенком. Егерь спросил, как меня зовут, и я ответил — Родрик Макрей из Калдуи. Он смерил меня взглядом с головы до ног и велел ждать на заднем дворе Большого Дома.

Я пошел по имению, несмотря на разрешение егеря чувствуя себя так, будто вторгся сюда незаконно, но меня никто не окликнул. Во двор вела каменная арка справа от главного входа, и, пройдя под ней, я очутился на мощенном бу-

---

[23] Примечания: 23
Гаррон — шотландский пони. — *Прим. авт.*

лыжником дворе: с одной его стороны тянулись конюшни, на другую выходили окна кухонь господского дома. Я не хотел прижиматься носом к стеклу, но по звукам понял, что на кухнях царит большая суета.

Прислонившись к стене справа от кухонной двери, я изо всех сил постарался сделать вид, будто мне тут самое место. Я слышал, как в стойлах переминаются с ноги на ногу и тихо ржут лошади, и вообразил, что это огромные чистокровки. Мне страстно хотелось войти в конюшни и посмотреть на них, но я не сделал этого из страха получить нагоняй.

Вскоре появился еще один парень, чуть постарше меня. Он ничего не говорил, но открыто на меня таращился. Прислонившись к стене конюшни, этот парень прижал к ней подошву правого башмака, так что нога его образовала треугольник. Благодаря этой позе казалось, что он чувствует себя здесь совершенно непринужденно, поэтому я скопировал ее. Спустя несколько минут парень вынул из кармана куртки маленькую трубку, тщательно осмотрел ее, сунул черенок в рот и принялся громко сосать. В трубке не было табака, а если даже и был, парень не делал никаких попыток ее разжечь. И все-таки

я воспринял такие повадки как подтверждение его опытности, и они произвели на меня большое впечатление. Позже, когда во время похода через узкую горную долину мы разговорились, он объяснил, что не нужно разжигать трубку, чтобы получить наслаждение от табака. Поскольку трубкой раньше пользовались, требовалось только энергично ее сосать.

Некоторое время спустя появились двое мужчин и вошли в конюшни, и я услышал, как они готовят лошадей. Когда лошадей вывели, я разочарованно увидел, что это не рослые жеребцы, а пони — такие же приземистые гарроны с тяжелыми, низко опущенными головами, как те, которых держали в деревнях. Одновременно из кухонь вынесли разные припасы и охотничьи принадлежности и сложили на булыжниках. Мальчику с трубкой и мне велели навьючить первого пони. Второй остался без поклажи, чтобы перевезти с гор любую добытую дичь.

Когда с приготовлениями было покончено, из кухни вышла крепкая женщина в платье без рукавов и в переднике, неся поднос с четырьмя чашками чая. Это была жена Лаклана Брода, Мими, которая работала у лорда Миддлтона в желтые месяцы. Она пожелала мне доброго

утра так, будто не удивилась, увидев меня здесь. Обычно я не пью чай, поскольку отец считает, что он годится только для женщин, но, не желая выделяться, я взял предложенную чашку. То, что мы вместе выпили чай, и вправду как будто породило в нас чувство товарищества. Напиток оказался подслащен сахаром и вкуснее, чем я ожидал. Пока мы пили, один из мужчин впервые обратился ко мне:

— Значит, ты сын Черного Макрея?

Я ответил, что я сын Джона Макрея из Калдуи, и двое мужчин переглянулись, для меня осталось загадкой — почему. Меня смутило то, что этим двум незнакомцам известно имя моего отца, и меня, похоже, судят на основании некоего мнения о нем.

Мими Брод вернулась, чтобы забрать чашки, и спросила, принес ли я с собой какую-нибудь еду, ведь мы пробудем в холмах весь день. Джетта дала мне две картофелины, и Мими кивнула, давая понять, что я правильно сделал, подготовившись подобным образом. Пони провели по булыжникам к передней части дома, где мы стали ждать охотничий отряд.

Один из мужчин показал на большой деревянный сундук, который мне полагалось нести, трех

футов в ширину и двух в глубину, перевязанный по диагонали толстым кожаным ремнем шириной в человеческую руку. Весил сундук немало, и одному из работников пришлось поднять его над моей головой и перебросить ремень через мое плечо. Потом он сказал, что важно не трясти и не наклонять мою ношу, иначе содержимое разобьется. Я не спросил, что внутри, но почувствовал, что мне доверили задачу огромной важности, и решил добросовестно ее выполнить. К тому времени, как к нам присоединился егерь, ремень уже начал врезаться мне в плечо, но я всеми силами старался не подавать виду.

Егерь бегло проверил пони и сделал людям одно-два замечания. На его согнутой руке лежало ружье. Спустя несколько минут из дома вышли четыре джентльмена, все одетые в твид, держа ружья так же, как егерь. Эти люди были совершенно не похожи на обитателей наших краев: высокие, с прямыми спинами, светлыми волосами и лицами розовыми, как у моего бывшего учителя. Егерь пожал руку самому старшему (насколько я понял, это был лорд Миддлтон), потом поздоровался по очереди с другими и объявил, что сегодня прекрасное утро и он не сомневается — они вернутся с гор с оленем. Потом

егерь обрисовал, как пройдет этот день, и дал пару наставлений насчет того, как обращаться с оружием и вести себя в горах. Джентльмены внимательно слушали, а я был глубоко впечатлен — ведь, несмотря на свою прекрасную одежду, егерь был шотландским горцем, но обращался к людям выше его по положению без малейшего намека на почтительность. В конце его маленькой речи лорд Миддлтон хлопнул его по плечу и, повернувшись к своим товарищам, сказал:

— Не бойтесь, он лает злее, чем кусает.

Это ужасно развеселило всех, кроме самого егеря, который вынул из кармана жилета серебряные часы и объявил, что пора в путь.

Мы двинулись к горной долине: впереди — егерь и лорд Миддлтон, за ними — трое джентльменов, потом — конюхи, ведущие под уздцы двух гарронов, и, наконец — мы, два замыкающих шествие мальчика.

Утро было теплым и пасмурным. Прошло немного времени, и сундук начал больно бить меня сзади по коленкам. Мой товарищ, который нес похожий сундук, хотя и явно полегче, показал мне, как надо идти, откинув плечи назад и положив руки на бока, чтобы сундук не подпрыгивал. Этот разговор сломал между нами лед, и мальчик

сказал, что его зовут Арчибальд Росс и что он старший из шести братьев и сестер. Я рассказал, как моя мать недавно умерла, рожая моего младшего брата, и каким нелегким испытанием это стало для нашей семьи. Арчибальд Росс ответил, что для людей вроде нас нет других путей в жизни, кроме трудных. Меня очень впечатлила эта реплика, и я подумал, что мой новый друг — самый умный человек, которого я когда-либо встречал.

Когда мы покинули тропу, тянувшуюся посреди долины, и начали подниматься по склону холма, стало невозможно держать сундук так, чтобы тот не болтался туда-сюда, и я смирился с тем, что испорчу груз и навлеку на себя ярость егеря. Арчибальд Росс продолжал непрерывный монолог, рассказывая забавные истории про своих братьев и сестер и соседей в Эпплкроссе. Он открыто заявил, что его отец считает людей с Пойнта ленивыми и недоразвитыми существами, особенно жителей Ард-Даба, которых держит за грязных лжецов. Росс лез из кожи вон, дабы подчеркнуть, что не разделяет отцовского мнения, но я все равно напомнил, что я из Калдуи, а не с Ард-Даба.

Арчибальд собирался, как только станет старше и накопит деньги на дорогу, эмигрировать в Канаду. Там, сказал он, молодые люди вроде нас

могут процветать. Нас ждут огромные полосы плодородной земли, и там за год человек может зашибить больше денег, чем наши отцы за целую жизнь ухитряются заработать здесь, на фермах. Его двоюродный брат, уехавший всего лишь с мешком овса, теперь живет в доме вдвое больше до́ма Миддлтона. Арчибальд предложил нам вдвоем отправиться сколачивать состояние, и меня очень захватила эта идея. Он заговорщицким тоном сказал, что если я особенно услужу джентльменам, они могут в конце дня бросить мне пенни или даже шиллинг. Перспектива получить такие деньги удвоила мою решимость не обращать внимания на боль, которую доставлял мне сундук.

Прошло, наверное, часа два, прежде чем мы добрались до плоскогорья над долиной и остановились. У меня никогда еще не было причин забредать так высоко в горы. Там перед нами открылся грандиозный вид на залив Эпплкросс, уходящий к горам Разея и Ская[24].

Конюхи сняли с первого пони два пледа и расстелили на земле. С меня сняли сундук и вынули из него глиняную посуду, стаканы и бутылки с

---

[24] Примечания: 24

Разей и Скай — острова на западе Шотландии. — *Прим. пер.*

вином. На блюдах разложили много холодного мяса, овощей, приправ и хлеба. Джентльмены объявили, что впечатлены таким размахом, и принялись за еду, не прочитав молитвы. Двое работников, разложив еду, околачивались рядом с гарронами.

Я уселся на пригорке и стал медленно есть первую картофелину. У меня было искушение съесть и вторую, но, зная, что мне предстоит еще много времени провести в горах, я решил приберечь ее на потом. Арчибальд, усевшись неподалеку, неторопливо жевал баннок, который вынул из кармана куртки. Он предложил кусок и мне, но я отказался, не желая делиться с ним своей картошкой.

Егерь ел вместе с джентльменами, но не присоединялся к их беседе и не принял бокал вина. Джентльмены без стеснения много пили и состязались друг с другом в том, кто красноречивей опишет открывающийся перед ними пейзаж. Один из них потер виски́ и пошутил насчет того, что слишком злоупотребил гостеприимством лорда Миддлтона прошлой ночью. Его товарищ поднял свой бокал и объявил: «Собачья

шерсть!»[25] — чем удивил меня.

Лорд Миддлтон, выпив один маленький стакан, негромко заговорил с егерем. Тот заметил, что джентльмены не настреляют много оленей, если будут поглощать столько вина, и, хотя это было сказано шутливым тоном, я понял, что он говорит совершено серьезно и недоволен их поведением. Однако джентльмены как будто не замечали неодобрения егеря и втроем прикончили три бутылки.

Когда они объявили, что наелись, посуду и еду снова упаковали и, к моему облегчению, мне было сказано, что я не должен дальше нести сундук, поскольку смогу забрать его на обратном пути.

Мы вернулись на тропу. Я был в отличном расположении духа, и оно стало еще лучше, когда один из работников, желая набить трубку, попросил меня повести его гаррона. Я ужасно возгордился таким повышением, как будто оно означало, что люди меня приняли. Мы повернули на юг между двумя пиками, и я воображал, что наш отряд — исследователи, углубившиеся в еще

---

[25] Примечания: 25

В Средние века верили, что можно излечиться, если приложить к укусу шерсть бешеной собаки, которая тебя укусила. Английское выражение «собачья шерсть» подразумевает, что небольшое количество алкоголя должно избавить от похмелья. — *Прим. пер.*

неоткрытые земли.

Гости лорда Миддлтона, будучи в прекрасном настроении, громко разговаривали друг с другом, и егерю пришлось велеть им говорить потише, иначе в этот день охоты не будет. Меня поразило, что егерь обращался к джентльменам отрывисто и грубо, но лорд Миддлтон как будто совершенно не оскорбился. Джентльмены с очень присты-женным видом продолжали идти уже молча. Теперь егерь возглавлял отряд и через каждые несколько ярдов давал нам знак остановиться, вытягивая в сторону руку. Мы стояли, едва дыша, пока он осматривал склон и как будто нюхал воздух, прежде чем новым жестом безмолвно направить нас в ту или в иную сторону. Спустя примерно час мы подошли к гребню, и егерь велел нам затаиться.

Я улегся на живот в вереск. Теперь наша компания была настроена довольно серьезно. Под нами паслось стадо в сорок-пятьдесят оленей — все самки стояли головами в одну сторону, опустив их к дерну и медленно двигаясь, словно группа женщин, сеющих зерно. Мы находились так близко, что видели мерное движение их челюстей. Во главе группы был олень с рогами, похожими на пару воздетых к небу узловатых рук. Животные и

не подозревали о нашем присутствии.

Егерь молча велел одному из охотников выступить вперед. Этот джентльмен безмолвно и довольно умело зарядил ружье и направил на оленя, прижавшись щекой к прикладу. То был очень торжественный момент. Я лежал так близко от джентльмена, что видел, как его палец двинулся к спусковому крючку. Я снова взглянул на оленя — и мне стало ужасно стыдно оттого, что он должен умереть ради того, чтобы этот человек водрузил его голову на стену своей гостиной. Палец джентльмена согнулся вокруг крючка.

Не успев ни о чем подумать, я вдруг вскочил и прыгнул через гребень горы, размахивая руками, как огромная птица, и кукарекая по-петушиному. Олень внизу бросился бежать, и заряд джентльмена ушел в воздух.

Егерь прыгнул вперед, схватил меня за руку и грубо швырнул на землю. В тот миг я был потрясен своим поступком не меньше, чем он, и тут же пожалел о том, что натворил. Егерь выдал залп крепких ругательств, и, боясь, что он отлупит меня прикладом, я прикрыл голову руками. Но он ничего такого не сделал, а я продолжал лежать ничком на вереске, чувствуя себя ужасно глупо.

Двое работников смеялись от всей души, но

суровый взгляд егеря заставил их замолчать.

Лицо лорда Миддлтона густо побагровело, уж не знаю — то ли от горного воздуха, то ли от ярости. Трое джентльменов изумленно уставились на меня. Я вообразил, что егерь заставит меня бежать в долину, чтобы гости могли пострелять по мне вместо сорванной мной охоты, но ничего подобного не случилось. Лорд Миддлтон шагнул вперед и спросил егеря, как меня зовут.

— Это Родрик Макрей, сын Джона Макрея из Калдуи, — ответил тот.

Лорд Миддлтон кивнул и сказал:

— Позаботьтесь о том, чтобы его больше не нанимали в поместье.

Потом он повернулся и извинился перед своими гостями. Если б мне предоставили такую возможность, я сделал бы то же самое, но меня отослали с горы вниз, напомнив, что я должен забрать сундук и вернуть его на кухни. Я встал, благодарный лорду Миддлтону за столь мягкое наказание.

Когда я покидал отряд, Арчибальд Росс отвел взгляд, не желая быть товарищем такого слабоумного, как я.

Вернувшись тем вечером домой, я ничего не сказал о случившемся в горах. На следующее

утро я ушел из дома с двумя картофелинами в кармане, как будто ничего плохого не произошло, и весь день слонялся среди озер на Карне. Когда вечером я вернулся, отец уже получил весть о моем преступлении, и я получил заслуженное и основательное битье.

* * *

Спустя некоторое время после случая с бараном пронесся слух, что Лаклан Брод посетил фактора. Неясно, откуда пошел этот слух. Несколько жителей Эпплкросса заявили, что видели, как Брод шел в сторону дома фактора, но само по себе это вряд ли могло считаться доказательством. Было неслыханным, чтобы человек посетил фактора по собственному желанию, а если кого-то туда вызывали, извещение доставлялось через констебля, но Калум Финлейсон не доставлял никаких извещений. Мой отец мрачно пробормотал, что, скорее всего, источником слухов был сам Лаклан Брод. В любом случае благодаря многократным повторениям история стала восприниматься как факт.

Что я знаю наверняка, так это то, что вскоре после предполагаемого визита к фактору вызвали самого Калума Финлейсона. Срок его пребывания

в должности констебля через несколько месяцев подходил к концу, и, что случалось очень нечасто, он успешно отбыл назначенное время на нежеланном посту, не оттолкнув от себя соседей.

Как фактотум[26] фактора, констебль находится в незавидном положении. Если ему не удается следить за порядком в округе, он навлекает на себя ярость фактора, а если слишком рьяно печется о соблюдении условий аренды, от него отворачивается община. Мистер Финлейсон успешно избежал последнего, спокойно привлекая внимание к любому проступку за струпачом, вместо того, чтобы при первой же возможности спешить к фактору. Подобным же образом он везде, где только можно, поощрял арендаторов самостоятельно разрешать споры, а если требовался арбитраж, Финлейсон, по общему мнению, неизменно сохранял беспристрастие. Бóльшая часть общины желала, чтобы он сохранил свой пост, но понимала, что лишь от его доброты зависит, согласится он на такое или нет.

После аудиенции у фактора Калум Финлейсон сообщил: ему дали знать, что он не выполняет свою роль с должным рвением. Оставалось лишь

---

[26] Примечания: 26
Фактотум — доверенное лицо. — *Прим. пер.*

предположением, привлек ли к этому внимание Лаклан Брод, но в результате Финлейсон остаток своего срока на посту был вынужден следить за порядком гораздо строже, чем раньше. Чтобы вынудить его проявить рвение, фактор приказал взыскать определенное количество штрафов за оставшиеся месяцы службы. Если сумма не будет собрана, констеблю придется заплатить недостающее из собственного кармана. Мистера Финлейсона это ужасно расстроило.

В доме Кенни Смока состоялось собрание, на котором присутствовали большинство обитателей нашего поселка. Было решено, что для того, чтобы избавить мистера Финлейсона от обязанности взимать штрафы со своих соседей, условия аренды будут выполняться как можно скрупулезнее. Было решено также, что семьи, которые в состоянии себе такое позволить, внесут по пять шиллингов в общий фонд, чтобы собрать затребованную фактором сумму. Менее зажиточные смогут внести суммы в соответствии со своими средствами.

После собрания люди в приподнятом настроении пели и пили много виски, хотя и были вынуждены, как выразился Кенни Смок, набить карманы фактора.

Лаклан Брод и его родственники не присутствовали на собрании и позже отказались вносить деньги в фонд. Мой отец не одобрял этой задумки по той причине, что речь шла об обмане и неповиновении сильным мира сего. Тем не менее он внес шиллинг в знак своего уважения к Калуму Финлейсону.

Поскольку никто не хотел, чтобы против его имени поставили черную отметку за нарушение условий аренды, было решено, что штрафы запишут как полученные в равных долях со всех семей прихода. Таким образом, ни какую-либо семью, ни какого-либо отдельного человека не смогут выделить, чтобы наложить на них новые наказания.

Когда лето начало подходить к концу, принятый план, несмотря на трудности, связанные с лишними тратами, превратился в источник веселья. Штрафы накладывались за все более незначительные проступки. Вложенный моим отцом шиллинг был записан в счет наказания за то, что отец позволил своему петуху кукарекать в ночные часы. Кенни Смока оштрафовали за то, что тот не справился о здоровье фактора, а Мэгги Слепую, вдову из Камустеррача, — за то, что она шагнула в церковь с левой ноги.

Когда мистеру Финлейсону пришло время передать деньги фактору, тот должен был заподозрить, что здесь что-то не так, но вряд он мог обвинить своего констебля в недостаточно усердном исполнении долга.

В общем, люди были восхищены успехом плана, видя в том маленькую победу над властями, но мой отец считал, что люди не должны радоваться, отдавая свои деньги фактору, и я разделял его точку зрения.

К концу лета Лаклан Брод дал знать, что собирается выдвинуть себя на пост констебля, который вскоре освободится. Было неслыханно, чтобы кто-нибудь добровольно захотел занять такую неблагодарную должность. Даже те, кто умел радоваться власти, которую давал этот пост, были слишком хорошо с ним знакомы, чтобы его принять. Все считали, что Лаклан Брод будет наслаждаться, властвуя над своими соседями, поэтому втихомолку искали другого кандидата.

Хотя отец не был всеобщим любимцем, в общине его уважали, и однажды вечером несколько человек, в том числе и Кенни Смок, явились в наш дом, чтобы уговорить его выдвинуть свою кандидатуру. Отец спросил каждого по очереди, почему они не предложат себя, если считают, что

так важно противостоять Лаклану Броду, и у каждого нашлись причины этого не делать. К тому времени, как высказался последний, отцу уже не требовалось объявлять, что он отказывается.

То, что у Лаклана Брода имелась встреча с фактором, реальная или воображаемая, заставило всех почувствовать, будто он — человек фактора, и именно поэтому никто не хотел идти против него. В конце концов единственным, кого смогли уговорить на такое, стал Мудро Петух, слабоумный, живший в хижине на Ард-Дабе и, как говорят, питавшийся лишь моллюсками и совенсом — грубой кашей из овсяной шелухи и отрубей.

Голосование состоялось в доме пастора в Камустерраче. В назначенный вечер там собрались мужчины трех деревень, засунув шапки в карманы курток или сжав их перед собой.

Преподобный Гэлбрейт приветствовал каждого входящего, задавая общие вопросы насчет его семьи и отмечая любое недавнее отсутствие в церкви. Атмосфера в комнате царила подавленная.

Фактор встал между двумя кандидатами и коротко обратился к собравшимся. Он поблагодарил их за присутствие и напомнил о важной

роли констебля в успешном управлении поместьем. Он не порекомендовал ни одного из людей, отметив только их общественную активность и выразив уверенность, что люди выберут самого способного кандидата. Преподобный Гэлбрейт воспользовался возможностью пригласить людей к молитве.

Когда дело дошло до голосования, никто не поднял руку, чтобы противостоять Лаклану Броду.

Брод недолго пробыл в своей новой роли, когда однажды вечером, вскоре после своего назначения, явился в наш дом. Джетта только что закончила убирать посуду после ужина и вязала, отец сидел на своем стуле у окна, я оставался за столом. Было еще светло, и я несколько минут смотрел на открытую дверь, наблюдая, как Лаклан Брод и его брат приближаются к нашему дому. Только когда они миновали дом соседа, я понял, что они сбираются заглянуть к нам, но к тому времени было уже поздно предупреждать отца, что они вот-вот явятся.

Массивная фигура Брода заполнила дверной проем. Он не произнес ни слова приветствия, и, полагаю, только потускневший свет заставил отца поднять глаза от книги.

Вот тогда новый констебль пожелал нам доб-

рого вечера. Отец встал, но даже не попытался изобразить радушие. Эней Маккензи остался снаружи, скрестив руки на груди, как будто стоял на страже и следил, чтобы никто сюда больше не вошел. Лаклан Брод сделал два шага по комнате и заявил, что, будучи новоиспеченным констеблем, посещает все дома, находящиеся под его юрисдикцией.

— Итак, мы теперь под твоей юрисдикцией, вот так? — лукаво спросил отец.

— Вы под юрисдикцией помещика, — ответил Лаклан Брод, — а поскольку его фактору передоверено управление поместьем, а я теперь представитель фактора в этих поселках — да, вы под моей юрисдикцией.

Потом он показал на стол и спросил:

— Мне в этом доме не рады?

Отец жестом пригласил его сесть и велел Джетте заняться вязанием где-нибудь в другом месте, но не предложил Броду подкрепиться, как предложил бы другому гостю. Лаклан проводил взглядом Джетту, удалившуюся в заднюю комнату, а потом сел на скамью и пожелал мне доброго вечера. Я как можно вежливее ответил на приветствие — ведь если б я высказал то, что и вправду было у меня на уме, он наверняка на-

ложил бы на нас штраф.

Когда отец занял место во главе стола, Лаклан Брод начал уверять, что он благодарен за поддержку общины в своем избрании на должность констебля. После чего прочитал подробную лекцию об ответственности отдельных лиц за соблюдение условий аренды. Правила, сказал он, существуют не для развлечения или выгоды помещика, они существуют для блага всех людей общины.

— Если б не было правил, — сказал Лаклан, — мы бы жили в анархии, разве не так?

Во время своей речи он стучал тремя пальцами правой руки по столу; этот звук напоминал далекий стук копыт скачущего галопом пони. Его пальцы были толстыми и натертыми, ногти — обломанными, с забившейся под них грязью. Пока Брод говорил, его взгляд все время упирался куда-то между шкафом и стропилами, как будто он обращался к собранию прихожан. Несколько мгновений он помолчал, словно давая отцу возможность ответить, а когда отец этого не сделал, продолжал говорить.

Брод полагал, что в последнее время наша община опозорила себя отсутствием приверженности правилам и расхлябанностью, с которой

эти правила соблюдались. Мы вели себя, сказал он, словно школьники, когда учитель поворачивается к ним спиной, и в этом нам потворствовал представитель власти — он слишком желал всем нравиться и плохо служил своей общине. Однако теперь констеблем избрали Брода, и это говорит о том, что люди хотят исправиться. Поэтому он пользуется возможностью напомнить всем арендаторам об их ответственности за соблюдение условий арендных договоров. Если дела не изменятся к лучшему, придется принять меры.

Он снова помолчал несколько мгновений и добавил (как будто только что об этом вспомнив), что говорит, будучи наделен фактором всеми полномочиями.

Отец с самого начала слушал Брода, не меняя выражения лица, но теперь вынул трубку изо рта и принялся вновь набивать ее табаком из кисета. Покончив с этим, он зажег ее и несколько раз медленно затянулся.

— Тебе не нужно приходить, чтобы напоминать мне о моих обязанностях, Лаклан Маккензи. Я никогда не нарушал правил и напротив моего имени никогда не ставили черной отметки.

— Мне жаль это говорить, мистер Макрей, но ваш ответ лишь подтверждает, в какую анархию

за последнее время мы впали. Мы настолько пренебрегаем правилами, что больше не замечаем, когда нарушаем их.

И Брод добавил:

— В любом случае не вам и не кому-нибудь другому знать, стоят напротив ваших имен черные отметки или нет.

Отец размеренно попыхивал трубкой. Редко можно было узнать, о чем он думает, но в тот момент по его явно жесткому взгляду я чувствовал, что он недоволен.

Брод перестал барабанить пальцами и положил на стол плашмя левую руку, которая до сих пор покоилась на его колене. Я подумал, что он собирается встать и уйти, но Лаклан ничего подобного не сделал. Вместо этого выяснилось, что все его предыдущие высказывания были лишь предисловием к настоящей цели его визита.

— Кроме всех этих общих вопросов, — сказал он, — есть еще одно дело, касающееся именно вашего хозяйства.

Его пальцы снова застучали по столу. Я решил, что Брод собирается заново открыть вопрос об убийстве барана и с помощью своей недавно обретенной власти увеличить наложенный на отца штраф или, по крайней мере, потребовать

немедленной его выплаты, но я ошибся.

— Было решено, — продолжал Лаклан Брод, — что размер арендуемого вами участка следует уменьшить.

Выражение отцовского лица не изменилось.

— После смерти вашей жены количество ваших домочадцев уменьшилось, и, предполагая, что вы не собираетесь жениться еще раз, оно и останется таким. Следовательно, размер вашего земельного участка надо уменьшить на одну пятую. Есть другие семьи, побольше, чьи участки меньше вашего; им и отойдет ваша земля.

— Ты имеешь в виду — она отойдет тебе, — сказал отец.

Лаклан Брод издал негромкое нетерпеливое восклицание и покачал головой, как будто оскорбленный таким предположением.

— Наверняка не мне, мистер Макрей. Это было бы злоупотреблением моей должностью. Земля отойдет подходящему семейству.

— Ни один из моих соседей ее не примет, — сказал отец.

Лаклан Брод поджал губы.

— Посмотрим, — ответил он. — Никому не нужно, чтобы земля осталась невозделанной.

— До меня на этой земле работали мой отец

и дед.

— Да, — сказал Лаклан Брод, — но она им не принадлежала, и вам тоже не принадлежит. Она принадлежит помещику, и лишь по его милости вы имеете привилегию на ней работать.

— А что насчет ренты?

Я мысленно выругал отца, поскольку его вопрос ясно говорил о его намерении смириться с уменьшением надела. Будь жива мать, она тут же выгнала бы Лаклана Брода из дома, обрушив на него поток оскорблений, но отец был сделан из другого теста.

— А что такое с рентой? — спросил Брод.

— Если участок станет меньше, конечно, и рента должна стать меньше, — сказал отец.

Констебль слегка фыркнул, чтобы показать, насколько нелепа эта идея.

— Ваша рента, насколько я знаю, вот уже несколько лет выплачивается с опозданием, — заявил он. — И, если позволите дать совет, — не провоцируйте сильных мира сего, прося ее снизить.

Отец встал и, упершись в стол костяшками кулаков, подался к Лаклану Броду.

— Я попрошу встречи с фактором, чтобы обсудить этот вопрос, — сказал он.

Брод, оставшийся сидеть, раскинул руки.

— Воля ваша, — ответил он, — но могу заверить, что я говорю с ведома фактора. Я уверен, вы не захотите приобрести репутацию одного из тех, кто рвется агитировать против бесперебойной работы поместья, управление которым, напоминаю, осуществляется в интересах общества, а не отдельного человека. Как вы сами заявили, вы не хотите, чтобы напротив вашего имени появились новые черные отметки.

Тут Лаклан Брод встал и сказал как о чем-то уже решенном:

— Переразделучастков состоится весной, чтобы у вас была возможность убрать урожай этого года. Можете решить сами, какую часть земли вы желаете отдать, и, когда придет время, известить меня.

Потом он сообщил, что в будущем к нему следует обращаться «констебль Маккензи» или просто «констебль», чтобы мы не забывали о его официальном положении.

Отец не стал искать встречи с фактором, и весной часть нашего надела, самая дальняя от дома, была отдана нашему соседу, Дункану Грегору, который жил со своей пожилой матерью, женой и четырьмя детьми. Мистер Грегор заглянул к

нам, чтобы заверить, что никогда не стремился получить эту землю и не желает наживаться за счет моего отца. Он предложил, чтобы две семьи работали на том куске надела сообща и делили между собой урожай, но отец отказался от этого щедрого предложения, сказав, что не хочет возделывать землю, которая ему не принадлежит, и в любом случае мистер Грегор больше нуждается, чем он. Мистер Грегор некоторое время спорил с отцом, но тот был непоколебим. Он не примет никакой компенсации за свою потерю.

* * *

Суть правления Лаклана Брода вскоре стала ясна. В прежние годы люди, занимавшие пост констебля, делали это неохотно и выполняли свои обязанности только под нажимом, однако Брод ринулся играть свою роль со рвением лисы в курятнике. Он с важным видом разгуливал по деревням, находившимся под его юрисдикцией, с записной книжкой в руке и с карандашом за ухом, часто в сопровождении своего слабоумного брата, кузена или их обоих. Состояние ферм, троп, канав и проселочных дорог — все стало объектом его пристального осмотра. И он не ограничивался осмотрами мест, находившихся в общинном

пользовании. Он запросто и бесцеремонно входил в соседские дома и царапал заметки в своей маленькой книжке, содержимое которой не разглашал никому. Результатами этих заметок не было немедленное наложение штрафов. Люди знали только, что констебль что-то записал и что когда-нибудь в будущем записи могут быть использованы против них. В результате все подчинялись Лаклану Броду, когда тот просил поработать на его участке или выполнить другие задачи, от которых его отвлекали самовольно возложенные на себя обязанности.

Лаклан Брод объявил, что дороги и тропы между нашими домами и деревнями пришли в непозволительно плохое состояние. Был составлен план работ, и здоровым мужчинам прихода было поручено отработать десять дней в назначенное констеблем время. Тем, у кого хватило храбрости усомниться, что они обязаны трудиться задарма, сообщили, что в соответствии с условиями аренды им полагалось поддерживать общественные дороги и тропы сухими и в хорошем состоянии. Только по мягкости и снисходительности деревенских жителей не штрафуют за недосмотр, а всего лишь просят выполнять обязанности, которыми они раньше пренебрегали.

Несмотря на ворчание по поводу деспотических замашек Лаклана Брода, все признали, что введенные им улучшения пойдут на общее благо.

Поддерживать доброе имя констеблю помогали его многочисленные родственники из деревень, находившихся под его юрисдикцией. Как и члены других кланов, Маккензи, само собой, были склонны бросаться на защиту своих, и всем стало известно (или, по крайней мере, считалось, что это всем известно), что пренебрежительные высказывания о Броде ему передадут. Поэтому люди считали благоразумным держать свои мысли о констебле при себе.

Однажды вечером отец дышал свежим воздухом на скамье возле нашего дома. К нему присоединился Кенни Смок, и они несколько минут сидели в молчании, посасывая трубки. По тропе, которая тянулась от дороги к деревне, шел Лаклан Брод, внимательно осматривая канавы. Кенни Смок вынул трубку изо рта, подался к моему отцу и пробормотал:

— Лаклан Брод — тупая задница, но нельзя отрицать, что за деревней стали присматривать лучше.

Отец не ответил. Он не одобрял подобных выражений.

Влияние Лаклана Брода распространилось на все аспекты деревенской жизни.

В конце черных месяцев, как только позволяет погода, в наших краях режут и сушат торф. Вся деревня, как единое существо, берется за выполнение этой задачи, поскольку семьям нет смысла резать торф только для себя. Работа трудная, но обычно ее выполняют добродушно, с пением и закусками в складчину. Однако в этом году, несмотря на то что торф успешно добывали с незапамятных времен, констебль взялся наблюдать за процессом. Было составлено расписание дежурств, назначены уполномоченные (обязательно из родственников Брода), чтобы надзирать за работой в каждой из деревень, находившихся под его юрисдикцией. Сами уполномоченные не трудились, но проводили весь день, рыская по болотам, выкрикивая приказы резчикам торфа и решая, когда можно сделать перерыв и подкрепиться.

Все это вызывало огромное возмущение, поскольку стало казаться, будто то, что деревни раньше делали по собственному желанию, выполняется теперь только по приказу властей. Вот почему на сей раз не было никакого пения и благодушного настроения, обычно сопровождав-

ших подобный труд. За мной наблюдали особо, потому что после случая с бараном считалось, что мне нельзя доверять лопату для резки торфа. Я был вынужден работать на некотором расстоянии от остальных, и, если останавливался, чтобы вытереть пот со лба, Эней Маккензи орал, чтобы я прекратил бездельничать. Признаю́, я бы с радостью обрушил лопату на его череп, но, не желая доставлять лишних проблем отцу, работал изо всех сил. Каждый вечер, когда я возвращался с горы, мои руки и икры ныли от напряжения.

Однажды утром — торф резали уже несколько дней — я спохватился, что забыл банноки, которые собрала для меня Джетта. Ничего не сказав товарищам, отдыхавшим на краю болота, я зашагал вниз по склону холма.

Был теплый солнечный день, и после утренней работы у меня вспотела спина. Идя по склону, я подумал, что могу несколько минут отдохнуть на скамье у нашего дома за чашкой молока. В деревне было тихо. Большинство мужчин поднялись в горы, а женщины, скорее всего, занимались своими домашними делами. Мой отец, у которого к тому времени не хватало сил целый день резать торф, работал кас хромом в конце нашего участка. Понаблюдав за его невеликими

усилиями, я подумал, что, когда с резкой торфа будет покончено, моей следующей задачей будет как следует взрыхлить то, что осталось от нашего надела.

Мгновение я постоял на пороге дома. После яркого солнечного света мои глаза не сразу привыкли к полумраку внутри, хотя от тлеющего очага исходил слабый свет и в окно проникал тонкий луч.

Меня застало врасплох то, что кто-то стоял спиной к двери, у торца нашего стола. Мое удивление усилилось, когда по сложению и желтому шейному платку я узнал Лаклана Брода. Он словно старался передвинуть стол: стиснув его с двух сторон, уперся ногами и туловищем в столешницу. Это поставило меня в тупик, потому что я не мог понять, с чего бы констеблю пытаться двигать нашу мебель; кроме того, стол был настолько тяжелым, что даже человеку с телосложением Лаклана Брода пришлось бы постараться изо всех сил, чтобы его поднять. Я как раз собирался объявить о своем присутствии, когда увидел две ноги, торчащие по сторонам бедер Лаклана Брода. Эти ноги висели в воздухе, слегка согнутые в коленях, почти параллельно земляному полу комнаты. По черным башмакам я узнал ноги своей сестры, а

потом разглядел посередине стола вторую пару рук, крепко вцепившихся в его края.

Молча стоя у двери, я несколько минут наблюдал, как Лаклан Брод все больше напрягается у стола. Он издавал какие-то животные звуки, а потом совершенно внезапно затих, сдвинув стол не больше чем на несколько дюймов.

Отступив от стола, Брод повернулся к окну. Я увидел его член, торчащий из штанов, сильно налитый кровью и твердый, как палка метлы. Он взял член рукой и запихал в штаны. Брод тяжело дышал от напряжения, на лбу его выступил пот. Я не издал ни звука, но он повернул голову ко мне, как будто с самого начала сознавал, что я здесь, и пожелал мне доброго утра, словно в его присутствии в нашем доме не было ничего необычного. Потом развязал шейный платок и промокнул им лоб и шею, прежде чем неторопливо пригладить волосы, убрав их с лица. Брод взглянул вниз, на Джетту, чьи руки теперь отпустили стол, и зашагал ко мне.

Я отступил в сторону, чтобы дать ему пройти.

В дверях он остановился и спросил:

— Разве ты не должен резать торф, мальчик?

Я никогда не любил, чтобы меня называли «мальчиком» — так обращался ко мне отец, если

бывал недоволен, — и выпалил:

— Я не ваш мальчик, мистер Маккензи!

Я тут же пожалел о своем порыве, подумав, что он сообщит отцу о моем неуважительном отношении и возьмет с нас шиллинг штрафа. Но вместо этого он сжал мой затылок, приблизил свое лицо к моему и сказал:

— Когда ты станешь старше, ты поймешь, что человек должен где-то удовлетворять свои потребности. Особенно теперь, когда твоей дорогой матери нет с нами.

Брод грубо расхохотался и ушел.

Я наблюдал, как он шагает по деревне, крутя шейный платок в правой руке, и ненавидел его от всей души.

Джетта осталась лежать на столе. Ее грудь вздымалась и опадала, и мой взгляд привлекло темное место между ее расставленными бедрами. Не отрывая спины от столешницы, она опустила юбки и нижнюю сорочку, обмотавшиеся вокруг пояса. Потом села и просидела так несколько минут — ее ноги болтались, не доставая до пола, лицо покраснело, на лбу выступили капли пота. Я не знал, что сказать, поэтому не сказал ничего. В конце концов она встала, оправила одежду и спросила, что я здесь делаю, и я сказал, что за-

был свои банноки. Джетта принесла их мне из кухонного шкафа (я все еще стоял у двери). Щеки ее пылали, как будто она только что бежала или танцевала. Она велела мне ничего не говорить отцу о том, что я видел. Я кивнул и спросил, не найдется ли для меня чашка молока.

Взяв банноки, я сел на скамью возле дома. Джетта принесла мне чашку молока и без единого слова вернулась внутрь. Отец, стоя спиной к дому, не оглядывался. Я наблюдал, как он с трудом орудует плугом, его нога часто соскальзывала с колышка. Он работал упорно, но земля от этого мало менялась. Я не мог сказать, видел ли он, как Лаклан Брод вошел в наш дом и вышел оттуда. За те несколько минут, что я за ним наблюдал, отец не разу не оторвал глаз от своей работы.

Когда я вернулся на торфяное болото, Эней Маккензи подозвал меня и сказал, что доложит брату о моей отлучке с горы. Я ответил, что в том нет необходимости — я уже виделся с ним; больше на эту тему я ничего не услышал.

* * *

Примерно в то же время я завел знакомство с Флорой Маккензи, старшей дочерью Лаклана Брода. Мы с ней вместе ходили в школу, но из-за

моей нелюдимой в ту пору натуры по-настоящему познакомились только сейчас. Флора была примерно на год младше меня, и из-за этого — и из-за давнишней вражды между нашими семьями — мы мало общались. В школе она всегда сидела в первом ряду, и, хотя я не мог видеть ее лица, я воображал, что оно — само напряженное внимание. Она всегда первой вызывалась вытереть для мистера Гиллиса школьную доску и крайне гордилась, когда он награждал ее этой привилегией. Если в то время у меня и сложилось о ней какое-то мнение, то как о глупой девчонке, слишком старающейся ублажить тех, у кого есть власть.

Однажды днем мне поручили взрыхлить землю на участке Лаклана Брода. Флора подметала возле дома и присматривала за своим маленьким братом Дональдом. Хотя я стоял к ней спиной, я сознавал, что она за мной наблюдает. Несколько минут я продолжал трудиться, все время чувствуя на себе ее взгляд, потом сделал паузу и повернулся в ту сторону, где она стояла. Флора опиралась на ручку метлы, даже не пытаясь скрыть, что наблюдает за мной. Я оперся на ручку лопаты, скопировав ее позу, и тоже уставился на нее. Так мы простояли несколько мгновений, увлекшись

этой игрой. Потом она пожала плечами и вошла в дом, как будто внезапно вспомнила о каком-то неотложном деле. Некоторое время спустя Флора появилась снова и принесла мне чашку молока.

— Я подумала, может, ты хочешь пить, — сказала она, протягивая мне чашку.

Я взял чашку, осушил одним глотком, сказал: «Спасибо» — и вытер рот тыльной стороной ладони.

Флора забрала у меня чашку и вернулась в дом, покачивая бедрами, как будто переступала через борозды.

Несколько дней спустя, вечером, я вышел из сарая за нашим домом. Притворив деревянную дверь, я стал обматывать веревку вокруг подгнившего упора, как вдруг ощутил, что неподалеку кто-то стоит. Я закончил обматывать веревку так, будто не знал, что тут кто-то есть. Не знаю, почему я пошел на этот маленький обман; разве что мне не хотелось, чтобы человек подумал, будто я занимаюсь чем-то тайным. Наверное, я решил, что это Джетта, хотя у нее не было никаких причин молча за мной наблюдать. То, что это не отец, я знал наверняка — он после ужина уселся у окна, а в таких случаях он редко вставал с места, пока не отправлялся в постель. Но я совершенно точно

не ожидал увидеть Флору Брод у угла дома Грегора. Наверное, по моему лицу стало видно, как я удивлен, потому что она захихикала и поднесла ладонь ко рту, словно с самого начала задумала меня напугать и была довольна, что ее замысел увенчался успехом.

Я не знал, что сказать, поэтому просто смотрел на нее. Флора заметно изменилась с тех пор, как мы учились в школе. Ее лицо не было таким детским, нос и рот сделались больше. Волосы она завязала в один узел, как завязывают женщины, а не заплела в детские косички. Фигурка ее округлилась, и грудь мило натягивала лиф ее платья. Юбка Флоры не доставала дюйма-другого до лодыжек, и из-под подола виднелась оборчатая кайма нижней юбки. На ее ногах были аккуратные черные ботинки, и я задумался — не куплены ли они на те шиллинги, которые мы выплатили ее отцу в качестве компенсации за барана. Она изучала меня, склонив голову набок, как диковинку на передвижной выставке.

Флора пожелала мне доброго вечера и спросила, чем я занимаюсь. Я ответил, что это не ее дело и что я могу задать ей тот же вопрос. Она заявила, что если я не расскажу, что делал в сарае, значит, я затевал какое-то озорство, и добавила, что ее

отец считает меня непутевым и велит держаться от меня подальше. Я не удивился, услышав, что Лаклан Брод обо мне плохого мнения, но меня поразило, что Флора сказала это не столько для того, чтобы оскорбить меня, сколько для того, чтобы дать понять: она искала меня, идя наперекор желаниям отца.

— И что ты скажешь отцу, если он узнает, что ты сейчас со мной разговариваешь? — спросил я.

Флора пожала плечами и широко раскрыла глаза, как будто для нее это вообще было неважно.

— На месте твоего отца я бы крепко тебя вздул, — сказал я.

— Может, вместо этого он вздул бы тебя, — ответила она.

— Не сомневаюсь, это доставило бы ему огромное удовольствие.

Флора захихикала, как будто ее позабавила перспектива увидеть, как меня бьют, и снова спросила, что я делал в сарае. Чувствуя, что теперь между нами возникли некие узы, я сказал, что ухаживал за птенцом, найденным два или три дня назад на том самом месте, где она стоит, и показал на гнездо на коньке крыши над ее головой, из которого выпал птенчик.

— Почему же ты не положил его обратно в гнез-

до? — спросила Флора.

Я не знал, что на это ответить. Я просто хотел спасти птаху, а ведь положить ее обратно и в самом деле было бы проще всего. По правде сказать, я часто возился с ранеными птицами или животными, но делал это тайком, поскольку отец считал мое увлечение пустой тратой времени или, хуже того, вызовом Божьей воле. В любом случае мои подопечные чаще всего погибали. Однако пару лет назад я вырастил птенца, которого нашел, принося с холма торф. Когда у него отросли перья, я понял, что это ворона, и назвал его Черныш. Однажды вечером я отправился в сарай, чтобы покормить своего питомца, а тот вылетел, и я решил, что он уже достаточно окреп, чтобы жить в мире самостоятельно. Я не знал, остаются ли эти птицы поблизости от места, где вылупились, но всякий раз, видя ворону, расхаживающую по стерне нашего надела или сидящую на ограде дороги Тоскейга, я гадал — не Черныш ли это и не мелькает ли в его глазах узнавание.

В наших краях ворон не жалуют, поскольку они считаются предвестниками несчастья. Люди Ард-Даба, которых больше всего остального заботит рыбная ловля, особенно не любят этих

птиц и при виде вороны, примостившейся на одной из лодок, страшно пугаются. Я был свидетелем того, как рыбаки швыряли большие камни в раздражающую их птицу, не считаясь с тем, что могли бы повредить лодку. Можно было подумать, что, отогнав символ несчастья, они отвратили бы само несчастье, предзнаменованием которого считается ворона. Но я никогда не видел, чтобы житель Ард-Даба, или, если уж на то пошло, житель других мест, отказался бы после такого предупреждения от своих планов. Люди в наших краях считают, что если кому-то суждено повстречаться с бедой, то встречи уже не избежать: если команда не выйдет на рыбную ловлю, в тот же день одного из них может ударить в доме по голове упавшее стропило. Невозможно угадать заранее, какая беда произойдет, — значит, бесполезно делать что-то другое вместо того, что ты собирался делать с самого начала. Все это делает швыряние камней в предвестника беды еще более загадочным. Кроме того, ворон здесь очень много и можно провести добрую часть дня в попытках их отогнать. Сдается, если на человека обрушится беда, он вполне сможет вспомнить ворону, сидевшую тем утром на коньке его крыши, что не придает рациональности вере в связь

между этими двумя событиями.

Я спросил Флору, не хочет ли она посмотреть на раненую птицу, и та ответила, что хочет. Я быстро огляделся по сторонам, чтобы дать понять: то, что мы собираемся сделать, — секрет, который доверяется только ей одной. Потом я развязал веревку, и Флора вошла вслед за мной в сарай, а я притворил за нами дверь. Свет проникал сюда только через прорехи в дощатых стенах и через маленькое окно высоко во фронтоне крыши. Я хотел было взять Флору за руку и подвести к балке, на которой спрятал своего подопечного, но ничего такого не сделал. Вместо этого мы постояли рядом друг с другом, давая нашим глазам привыкнуть к полумраку. Я слышал тихое дыхание Флоры.

Потом я повел ее в угол и подтащил табурет для дойки, на который вставал, чтобы позаботиться о своем питомце. Я сделал знак Флоре встать на табурет и посмотреть на птичку. Она подошла ближе, протянула руку, чтобы, шагнув на табурет, сохранить равновесие, и приподнялась на цыпочки маленьких башмачков, аккуратно зашнурованных на лодыжках. Ее пальцы на мгновение сцепились с моими, прежде чем она положила обе руки на балку. Я соорудил импрови-

зированное гнездо из веточек и травы и выложил его куриными перьями, а в придачу положил на птичку несколько полосок ткани, чтобы сымитировать тепло ее матери. Флора тихо вздохнула, увидев голову птенца, торчащую из тряпок. Она простояла так несколько минут, хотя птенец спал и там особо не на что было смотреть.

— Чем ты его кормишь? — прошептала она.

— Насекомыми, — ответил я. — И червяками с нашего участка.

Флора протянула руку назад, чтобы я смог ее поддержать, и шагнула с табурета. Потом пошла обратно к двери. Я поставил табурет в дальний угол сарая, чтобы отец не увидел его и не начал гадать — с чего бы ему стоять под балкой. Мне хотелось еще побыть в сарае вместе с Флорой, но я не мог придумать для этого никакого предлога. Отворив дверь, я высунул голову, чтобы проверить — не видит ли нас кто-нибудь, прежде чем вывести Флору на улицу.

— Спасибо, что показал мне птицу, — сказала она.

— Я рад был это сделать, — ответил я.

Она шагнула в сторону.

— Я лучше пойду. Отец будет ломать голову, куда я подевалась.

— И тебя хорошенько вздуют.

— Если я скажу ему, где была, вздуют тебя, — слегка улыбнувшись, ответила она.

Потом Флора исчезла за углом дома, а я снова покрепче завязал веревку вокруг упора, пошел к фасаду дома и, сев на скамью, стал наблюдать, как Флора идет по деревне. У нее была такая походка, будто тело ее пело песню. К тому времени уже начало темнеть и над водой низко висел пар.

Вскоре Джетта вышла из дома и села рядом со мной со своим вязанием. Некоторое время я слушал приятное пощелкивание ее спиц в неподвижном воздухе, потом спросил, что она вяжет. Она как будто не услышала вопроса и сама поинтересовалась, с кем это я разговаривал в сарае. Я почувствовал, как у меня покраснели щеки, и ответил:

— Ни с кем.

Джетта положила вязание на колени и серьезно посмотрела на меня.

— Вот что, Родди, ты очень хорошо знаешь, что с кем-то разговаривал, и очень хорошо знаешь, что я знаю, что ты с кем-то разговаривал.

— Тогда ты должна знать, с кем я разговаривал, — ответил я.

— Но мне бы хотелось, чтобы ты сам мне рас-

сказал.

Я оглянулся на дверь дома и очень тихо ответил:

— С Флорой Брод.

— С Флорой Брод! — воскликнула Джетта, как будто на нее снизошло великое откровение. — С маленькой хорошенькой Флорой Брод!

Я шикнул на нее:

— Отец услышит!

— Итак, теперь ты бегаешь за Флорой Брод, — продолжала она. — Джетты тебе теперь мало?

— Я за ней не бегаю, — сказал я.

— Но ты должен был заметить, какая она хорошенькая и как мило теперь ее обтягивают платья.

— Я ничего подобного не заметил, — ответил я и снова покраснел.

Джетта засмеялась. Я был этому рад, потому что за последние месяцы у нее находилось мало поводов для смеха. Потом лицо ее омрачилось, как всегда, когда она сердилась на какую-нибудь неудачу.

— Бедный Родди, — проговорила сестра. — Я знаю, ты не хотел ничего плохого, но я вынуждена сказать — ничего путного из этого не выйдет, и ты должен держаться от Флоры Брод подальше.

Я опустил глаза, расстроенный тем, что Джетта решила так быстро испортить нам настроение. Я не сомневался, что ее совет основан на каком-то указании из Иного Мира, но никак не мог изменить того, чему суждено было случиться. В тот момент я и не хотел ничего менять.

* * *

Спустя несколько дней мы с отцом встали рано, чтобы поймать отлив. Было сырое тихое утро. Дым из домов окутывал землю, как саван, обильная роса лежала на пахоте нашего надела. Тем утром мы хотели набрать бурых водорослей, которые вместе с зимним навозом скота удобрят наши посевы.

Мы добрались до береговой линии, часто поскальзываясь на склизких камнях. У отца из-за ревматизма плохо гнулись суставы, поэтому мне пришло в голову срезать водоросли со скал — и я принялся за работу. Работа оказалась не из легких. Клинок моего кромана был тупым, и на каждую пригоршню срезанных со скал водорослей я тратил много усилий. Отец оперся о вилы, наблюдая, как я тружусь, и часто отпуская комментарии — дескать, я должен по-другому взяться за инструмент или выпрямить спину. Я

никак не отвечал на его советы.

Когда я собрал внушительную кучу, отец принялся перетаскивать ее по берегу выше линии прибоя. При каждой ходке он терял с зубцов вил половину ноши, но не беспокоился о том, чтобы остановиться и подобрать ее. Не раз он полностью терял равновесие, и тогда полные вилы водорослей взлетали в воздух, а сам он костлявой кучей валился на камни. Хотя в таких случаях плоды нашего труда пропадали впустую, я не мог удержаться от смеха. Отец напоминал перевернутого краба, напрасно размахивающего в воздухе лапами, пока, наконец, не ухитрялся снова встать на ноги.

Тем не менее к концу утра мы обрели некий ритм. Когда начался прилив, я без передышки продолжал работать выше по берегу, и ходки отца стали короче. Он даже принялся слегка напевать себе под нос. То было странное пение, скорее разговор, чем музыка, понятный только ему самому, но все-таки пение, и я рад был его слышать. К полудню мы собрали кучу в четыре фута высотой, которой хватило бы, чтобы покрыть половину нашей земли.

Отсюда водоросли можно было перевезти на ферму на ручной тележке — несложная задача.

Отец уселся на камень рядом с собранной нами грудой, вынул из кармана куртки трубку и разжег ее, что я воспринял как сигнал к концу утренней работы. Несколько минут мы сидели молча, чувствуя некое общее удовлетворение результатами своих трудов. Потом отец велел мне идти в дом и принести молока и банноков.

Возвращаясь по ригу обратно, я увидел Лаклана Брода и его брата, шедших по дороге туда, где сидел мой отец. Остановившись, они пожелали отцу доброго дня, но тот не ответил — по крайней мере, я не слышал его ответа. Он сидел спиной ко мне, и я видел завитки дыма, поднимающиеся из его трубки: поскольку ветра не было, они зависали вокруг его шапки, как дымы, недавно маячившие вокруг домов. Я боялся, что Лаклан Брод собирается пожаловаться на мои встречи с его дочерью, и поспешил к ним, как будто мог таким образом его остановить. Я протянул отцу чашку молока и услышал, как Лаклан Брод говорит:

— Вижу, вы собираете водоросли.

Отец не ответил.

— Могу я узнать — с какой целью?

— С какой, интересно, целью я стал бы собирать бурые водоросли, — отозвался отец.

Он все время смотрел прямо перед собой, на залив. Тюлень, высунув голову из воды, несколько минут глядел на людей, потом молча выгнулся и исчез под гладью моря.

Лаклан Брод сделал жест, как бы предполагавший, что у человека может быть много причин для сбора водорослей, и, выждав некоторое время, продолжал:

— Вы не собираетесь ответить на мой вопрос?

— Я знаю единственную причину для сбора бурых водорослей, — ответил отец. — Поэтому не вижу смысла отвечать на твой вопрос.

Констебль повернулся к брату с недоуменным видом, как будто не мог понять, почему мой отец артачится, не желая отвечать. Эней Маккензи заблеял, словно баран.

— Поскольку вы вынуждаете меня гадать, — сказал Лаклан Брод, — могу я предположить, что вы собираете водоросли для того, чтобы раскидать их по своей земле?

— Ты очень проницателен, констебль, — ответил отец, особо подчеркнув последнее слово.

Тут Лаклан Брод поджал губы и медленно кивнул, якобы обеспокоенный этим ответом.

— Вы ведь сознаете, не правда ли, — сказал он, — что все дары моря на берегу, включая водо-

росли, принадлежат помещику?

Отец вынул трубку изо рта, но ничего не сказал. Лаклан Брод гнул свое:

— Вы сознаете это, мистер Макрей?

Отец взял молоко и выпил его одним глотком. Сливки повисли на его усах желтой гусеницей и оставались там до конца беседы.

— И на кой помещику несколько пригоршен водорослей? — спросил он.

Он упорно смотрел в сторону горизонта.

Лаклан Брод покачал головой так, как будто отец неправильно его понял, или, вернее, как будто он сам был виноват, что неточно выразился.

— Дело не в том, что помещику могут понадобиться водоросли. Я просто имею в виду, что водоросли — собственность помещика.

Он сделал короткую паузу.

— Я уверен, мне не нужно объяснять благочестивому человеку вроде вас, что никто не должен брать то, что принадлежит другому.

Отец бросил на него быстрый взгляд.

— Как тебе хорошо известно, Лаклан Брод, люди всегда собирали водоросли на своей земле. Так поступал и ты, и твой отец.

— Чистая правда, но мы поступали так только благодаря доброте помещика. И использование

даров земли или моря без разрешения полностью противоречит условиям вашего арендного договора.

Отец встал с камня, на котором сидел, и шагнул к Броду.

— Могу я предположить, что вы не испрашивали такого разрешения? — осведомился констебль.

Отец был на добрых шесть дюймов ниже Брода, но вызывающе задрал подбородок к его лицу. Его грудь находилась всего в нескольких дюймах от груди Лаклана. Эней Маккензи шагнул к брату и издал глупый смешок. Я не сомневался, что он с радостью уложит моего отца на камни, если тот подойдет еще чуть ближе.

Лаклана Брода, похоже, совершенно не смутило, что отец стоит к нему почти вплотную.

— Мистер Макрей, — сказал он, — став констеблем этих деревень, я заявил, что соблюдение правил, регулирующих наше общество, находится в прискорбном состоянии, и это позор для нас всех. А поскольку, если память мне не изменяет, вы не противились моему избранию, остается предположить, что вы придерживаетесь точно такого же мнения.

— Я ничего не знаю о правилах, которые так

вскружили тебе голову, — сказал отец.

Брод тихо засмеялся.

— Думаю, все мы в курсе этих правил, и вам не к лицу притворяться, будто вы ничего о них не знаете.

Отец резко выдохнул через нос. Его трубка была так крепко стиснута в кулаке, что побелели костяшки пальцев.

— Мне жаль, что вы зря трудились все утро, — сказал Брод, — но я вынужден попросить вас вернуть водоросли туда, откуда вы их взяли.

— Ничего подобного я не сделаю, — ответил отец.

Лаклан Брод медленно выдохнул и цокнул языком.

— Как деревенский констебль, я бы посоветовал вам последовать моему предложению. Я даю вам возможность загладить проступок без наложения штрафа, который, насколько мне известно, вы вряд ли сможете заплатить. И я совершенно уверен, что вы предпочли бы уладить дело, не впутывая в него фактора.

Он сделал шаг назад, похлопал отца по плечу и сказал:

— Решать вам. Не сомневаюсь, что вы примете верное решение.

Затем сделал знак своему брату, и они вдвоем зашагали обратно в деревню.

Отец сломал трубку пополам, швырнул обломки на землю и раздавил подошвой башмака. Потом велел мне вернуть водоросли на берег, а сам зашагал обратно к дому.

Тем же вечером нас посетил Лаклан Брод. Отец сидел на своем стуле, глядя в окно, и, наверное, видел, как тот идет, но, когда Брод шагнул через порог, отец опустил глаза в книгу, которую держал на коленях, и притворился, будто не замечает констебля.

Джетта подняла глаза от своей работы и при виде Брода широко распахнула глаза и резко вдохнула; губы ее приоткрылись. Лаклан пристально посмотрел на нее, но не поздоровался. Потом постучал по дверному косяку, чтобы привлечь внимание отца, и спросил, может ли он перемолвиться с ним парой слов. Отец снова посмотрел на книгу, сделал вид, что дочитывает абзац, после чего встал и сделал несколько шагов к Лаклану Броду.

— Без сомнения, если я откажусь впустить тебя в свой дом, — сказал он, — ты заметишь, что это вообще не мой дом, а собственность помещика, и я, таким образом, не имею права тебе мешать.

Лаклан Брод сердечно рассмеялся, как будто отец отпустил забавную шутку.

— Уверен, мы еще не дошли до того, чтобы отказывать друг другу от дома.

Он хлопнул отца по руке, словно они были лучшими друзьями, и, продолжая держать руку выше отцовского локтя, направил его к столу.

— Мне не хотелось бы думать, что утренняя беседа испортила наши добрые отношения.

Отец ничего не ответил, но и не воспротивился Броду.

Оба они уселись за стол: отец — во главе, Брод — на скамье спиной к двери, так что его лицо освещалось оранжевым сиянием очага. Казалось, он хочет побеседовать в дружеской обстановке.

Я остался стоять спиной к шкафу, и, когда Брод спросил о моем здоровье, я, не желая его сердить, ответил, что совершенно здоров. Он спросил, не собираюсь ли я присоединиться к ним за столом. Я посмотрел на отца и, поскольку тот не возразил, так и сделал. Брод махнул рукой в ту сторону, где над очагом висел на цепи котел, и чересчур весело спросил:

— Джетта, не найдется ли струпача, чтобы поприветствовать усталого путника?

Джетта посмотрела на отца, который не подал

ей никакого знака. Тогда сестра взяла на себя приготовление чая, и, пока она этим занималась, Брод самым приветливым тоном задавал ей разные вопросы.

Джетта отвечала вежливо, но весьма односложно и ни разу не подняла на него глаза. Однако я заметил, что ее щеки залились румянцем, когда она поставила перед нашим гостем чашку. Потом, выполняя распоряжение отца, вернулась в заднюю комнату.

Брод отхлебнул чай и благодарно вздохнул, как будто и вправду прошел много миль, чтобы до нас добраться.

— Джон, — начал он, подавшись вперед, — боюсь, что случай на берегу мог пробудить в тебе недобрые чувства. Поэтому я подумал, что благоразумнее будет объяснить мою точку зрения на утреннее происшествие, чтобы ты понял — я не мог поступить иначе.

Отец не ответил, и Брод продолжал:

— Я прошу об одном — чтобы ты обдумал, каковы были бы последствия, если б я разрешил тебе собирать водоросли.

— Все семьи собирали водоросли с незапамятных времен, — сказал отец, — и я не припоминаю никаких «последствий», как ты их называешь.

— Это, конечно, правда, — согласился Брод, — но, возможно, я неясно выразился. Дело не в самом по себе сборе морских водорослей. Дело в отсутствии должных полномочий для такого сбора. Разреши я тебе продолжить сбор нынче утром, разве это не было бы воспринято — личностями менее щепетильными, чем ты, — как указание на то, что водоросли можно собирать когда угодно и как угодно? Вряд ли я могу сегодня позволить тебе продолжить сбор, а завтра попросить мистера Грегора прекратить. Он совершенно справедливо возразил бы, что раз я позволил тебе собирать водоросли, почему он не может поступать точно так же? Уверен, ты согласишься, что правила должны быть едины для всех.

Тут он развел громадными руками, словно давая понять, что привел неопровержимый довод.

— Далее. Хотя я понимаю, как неудобно было вернуть водоросли на берег, я уверен, ты можешь понять: поступи я по-другому, я бы одобрил такой неразрешенный сбор. Как ты правильно заметил, водоросли долгое время беспрепятственно собирались без разрешения. Ты считаешь, что все это не имело последствий, но я бы сказал, что последствия заключаются во всеобщем глумлении над правилами — в глумлении, в котором

повинны все мы. Поскольку меня избрали на пост констебля именно с целью восстановления порядка, то, посмотри я сквозь пальцы на утреннее правонарушение, я превратил бы свою власть в посмешище.

Он помолчал, чтобы отхлебнуть чая, после чего осторожно поставил чашку обратно на блюдце.

Отец проследил взглядом за движением его руки. Воцарилось молчание, которое отец явно не собирался нарушать. Повернувшись ко мне, Лаклан Брод сказал:

— Твой отец — человек принципов, Родди. Боюсь, я не убедил его в своих добрых намерениях.

Я молча опустил глаза на стол, избегая его взгляда. Тогда Лаклан Брод снова обратился к отцу; теперь в его тоне слышалось раздражение:

— Может, ты считаешь, что я фанатично стремлюсь к соблюдению правил или получаю от своей власти какие-то личные выгоды. Могу тебя уверить, что все это очень далеко от истины. Сам по себе сбор водорослей — пустячное дело, совершенно верно, но, если дозволить собирать водоросли на берегу, разве люди не решат справедливо, что позволительно также добывать рыбу в реках или оленей на склонах холма?

— Не вижу, как можно сравнивать такие ве-

щи, — сказал отец.

— Но их можно сравнивать, — ответил Брод, покачивая указательным пальцем, чтобы подчеркнуть свои слова. — Я бы не осмелился наставлять такого набожного человека, как ты, в вопросах теологии, но, полагаю, восьмая заповедь не видит разницы между воровством большого предмета и воровством малого.

— Ты обвиняешь меня в воровстве? — тихо спросил отец.

— Я ни в чем тебя не обвиняю, — махнул рукой Брод. — Но трудно иначе истолковать поступок, когда берешь нечто, не принадлежащее тебе.

Отец подумал несколько мгновений, а потом заявил, что раз уж Брод сказал такое, у него нет причин здесь задерживаться.

Констебль не шевельнулся, чтобы встать со скамьи. Он допил чай и вытер губы тыльной стороной ладони. Его пальцы задержались на лице еще на несколько мгновений, разглаживая усы.

— Я пришел сюда не для того, чтобы обвинять, Джон, — сказал он. — Если я неловко выразился, прости меня. Я пришел, наоборот, для того, чтобы помириться. При обычных обстоятельствах штраф за твое утреннее правонарушение составил бы десять шиллингов. Однако, поскольку, как

ты справедливо заметил, водоросли собирались на берегу с незапамятных времен, и ты вернул их на берег, когда я указал тебе на твою ошибку, я готов в данном случае отказаться от штрафа.

Если Лаклан Брод думал, что мой отец поблагодарит его за жест милосердия, он ошибся.

— Я бы предпочел заплатить десять шиллингов, чем быть у тебя в долгу.

Лаклан Брод кивнул.

— Я уважаю это, но, поскольку платить десять шиллингов не нужно, ты не должен считать это снисхождением, из-за которого надо чувствовать себя в долгу.

Он постучал пальцами по столу, словно сигнализируя об удачном завершении дела. Казалось, Брод собирается уйти, но потом он снова помедлил, будто ему внезапно пришла в голову некая мысль.

— Конечно, тебе все еще нужны водоросли.

— Я не желаю брать то, что мне не принадлежит, — ответил отец.

— Как я пытаюсь объяснить, — сказал Брод, — вопрос не в том, чтобы брать то, что тебе не принадлежит, а лишь в том, чтобы должным образом следовать процедурам.

— За последние несколько месяцев я довольно

наслушался о процедурах и правилах.

— Возможно, но процедуры существуют, и им надо следовать. В данном случае все, что требуется, — это подать фактору заявление, что ты желаешь собрать водоросли на берегу, дабы раскидать их по своему участку. Такое заявление можно подать через представителя фактора.

— То есть через тебя, — сказал отец.

Брод легким кивком дать понять, что имел в виду именно это.

— Учитывая взаимопонимание, которого мы достигли нынче вечером, — сказал он, — я не вижу причин не принять устное прошение и могу заверить, что такое прошение будет принято благосклонно.

Тонкие губы отца дернулись, но он ничего не сказал. Спустя несколько мгновений появилась пухлая курица — ее силуэт возник в дверях — и сунула голову в дом, словно ища своих товарок. Она уже занесла левую лапку, согнув ее под грудью, как иссохшую руку, но, не найдя того, что искала, подалась назад и исчезла из виду.

Лаклан Брод пожал плечами и сказал:

— Насколько я понимаю, у тебя нет желания подавать такое прошение.

Он пожелал нам доброго вечера так, словно

мы только что провели в обществе друг друга веселый час, и ушел.

Я не сомневался, что Брод очень доволен собой, и в тот миг ужасно его ненавидел. Он, несомненно, был умным парнем, куда с ним было тягаться моему тугодуму отцу.

Последний остался сидеть за столом и весь остаток вечера безучастно глядел в сторону пустого коровника. Поскольку мне нечего было сказать о случившемся, я вышел из дома и сел на скамью. Курица, недавно появлявшаяся в дверях, теперь поклевывала что-то на земле между домами.

Несколько минут спустя из дома мистера Грегора появился Лаклан Брод и, не взглянув в мою сторону, зашагал по деревне дальше, после чего зашел в дом Кенни Смока.

На следующее утро после отлива все собирали на берегу бурые водоросли, которые к вечеру оказались раскиданы по всем участкам, кроме нашего. Отец ничего об этом не сказал и занимался своими делами как ни в чем не бывало. Несколько дней спустя я услышал, как он заметил Кенни Смоку, когда они вместе покуривали на скамье возле нашего дома, что невозможно узнать, приносят ли водоросли какую-то пользу посевам. Люди раскидывают их просто в силу

привычки, поскольку так поступали раньше их отцы и деды. Кенни Смок ответил, что то же самое можно сказать о многих наших обычаях.

* * *

Мистер Синклер заглядывает ко мне очень часто, и я стал радоваться его визитам. Когда он вошел в мою камеру впервые, я предложил ему сесть на мою койку, но он посмотрел на нее с легким пренебрежением и остался стоять спиной к двери. И сказал, чтобы я устраивался поудобнее, но я подумал, что неуместно сидеть в присутствии старшего, поэтому встал в углу под высоким окном. На мистере Синклере был твидовый костюм и коричневые кожаные ботинки, совершенно не подходящие к здешнему мрачному окружению; у него был здоровый цвет лица и розовые мягкие руки, и я дал бы ему лет сорок[27]. Он разговаривал взвешенными, изящными фразами джентльмена.

Мистер Синклер сообщил, что его назначили моим адвокатом и он обязан в меру своих сил представлять мои интересы. После чего сказал, что очень рад нашему знакомству. Мысль о

---

[27] Примечания: 27

В то время Эндрю Синклеру было шестьдесят два года. — *Прим. авт.*

том, что джентльмен будет в подобной манере обращаться с негодяем вроде меня, показалась мне до того комичной, что я начал неудержимо смеяться. Подождав, пока я возьму себя в руки, он предупредил: все рассказанное мной адвокату будет конфиденциальным. Потом объяснил, что означает слово «конфиденциальный», таким тоном, каким школьный учитель обращается к отстающему ученику.

Я сказал, что ему не нужно объяснять мне значение этого или какого-нибудь другого слова; более того, я не нуждаюсь в его услугах. Он ответил: если я хочу другого адвоката, это можно легко устроить. Нет, дело не в личности моего адвоката, объяснил я, просто мне вообще не требуются услуги адвоката, поскольку я не собираюсь отрицать возложенные на меня обвинения. Мистер Синклер несколько мгновений серьезно смотрел на меня, а потом сказал, что понимает мою позицию, но закон требует, чтобы кто-то представлял мои интересы в суде.

— Меня не интересуют требования закона, — ответил я. — Закон для меня — ничто.

Не знаю, почему я разговаривал с ним так грубо, — разве что не люблю, когда мне говорят, что от меня требуется, а что нет. В придачу мне

было очень унизительно находиться в обществе джентльмена, когда в ведре у моих ног видно содержимое моего кишечника, и я от всей души желал, чтобы он оставил меня в покое.

Мистер Синклер сжал губы и медленно кивнул.

— Тем не менее, — сказал он, — мой долг сообщить: если вы останетесь без адвоката, это пойдет вразрез с вашими интересами.

Он уселся на мою койку и заговорил уже не так официально. Мистер Синклер объяснил, что я оказал бы ему услугу, если б был так добр и разрешил задать мне несколько вопросов. Слегка устыдившись, я ответил, что не возражаю, и он как будто остался доволен. Этот джентльмен обращался со мной с ничем не оправданной вежливостью, и у меня не было причин доставлять ему какие-то проблемы.

Итак, мистер Синклер принялся задавать общие вопросы о моей семье и о том, как я раньше жил, как будто мы были равными по положению людьми, знакомящимися друг с другом. Я отвечал на вопросы правдиво, но не вдаваясь в детали, поскольку не понимал, чем подробности моей жизни в Калдуи могут заинтересовать его или еще кого-нибудь. Тем не менее мистер Синклер

вел себя спокойно и любезно, и мне начало нравиться его общество. От нашего диалога была хотя бы та польза, что он нарушил монотонное течение дня.

Чем дольше мы говорили, тем больше меня удивляло даже не то, что мистер Синклер беседует со мною так, как будто мы с ним разговариваем при совершенно нормальных обстоятельствах, а то, что он, джентльмен, обсуждает что-то с необразованным убийцей. Я подумал — может, ему не сообщили о моих преступлениях, а может, я вообще не в тюрьме, а в психиатрической лечебнице, и мистер Синклер — один из моих товарищей по заключению. Но, когда общая часть беседы подошла к концу, адвокат перешел к цели своего визита.

— Итак, Родрик, — сказал он, — несколько дней назад в твоей деревне было совершено ужасное преступление.

— Да, — ответил я, не желая слушать продолжение. — Я убил Лаклана Брода.

— А других?

— И их тоже, — сказал я.

Мистер Синклер медленно кивнул.

— Ты говоришь это не для того, чтобы снять обвинение с другого человека? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— И все это ты совершил в одиночку?

— Да. Я действовал один, и, поскольку не собираюсь ничего отрицать, мне не нужны услуги адвоката. Я не раскаиваюсь в своих поступках, и, что бы дальше ни случилось, меня это не волнует.

После моей короткой речи мистер Синклер несколько мгновений смотрел на меня. Я не знал, о чем он думает, потому что нечасто бывал в компании образованных людей, и их манеры сильно отличались от манер моего народа.

В конце концов мистер Синклер сказал, что ценит мою прямоту и просит позволения навестить меня снова на следующий день. Я сказал, что с радостью приму его в любое время, поскольку мне очень понравилось с ним беседовать. Он ответил, что ему тоже понравилось беседовать со мной, дважды постучал ладонью в дверь, и тюремщик, который, должно быть, все время ожидал снаружи, повернул ключ в замке и выпустил его.

Мистер Синклер и вправду продолжал навещать меня, и, должен признаться, я начал предвкушать его визиты и сожалеть о своей грубости в тот первый день. Он готов был не обращать внимания на мои плохие манеры, что

говорило о его превосходном воспитании.

Теперь, когда в моей камере по настоянию мистера Синклера появилась мебель — стол, за которым я мог писать, и стул, — нам стало слегка удобнее беседовать. Мистер Синклер сидит на шатком стуле возле стола, а я — на койке или на полу под окном. Взгляд моего адвоката часто обращается к исписанным мною страницам. Во время своего второго или третьего визита он предложил мне записать события, которые привели к преступлениям, — и, похоже, доволен тем, как усердно я взялся за эту задачу.

Однажды днем, перелистав большим пальцем страницы, он сказал, что ему любопытно узнать их содержимое. Меня смущает мысль о том, что образованный человек будет внимательно читать мой грубый текст, но я ответил, что пишу это только по его просьбе, и он может взять любые листы, какие пожелает. Он ответил, что предпочитает подождать, пока я закончу, и для меня важно продолжать так, будто я пишу все это ни для него, ни для какой-либо другой аудитории.

Мистер Синклер кажется мне человеком огромного терпения. Каждый день он начинает с одних и тех же вопросов о том, удобно ли мне и достаточно ли меня кормят. Он несколько

раз упоминал о возможности получать еду из местной гостиницы, но я отвечал, что полностью привык к простой еде и не нужно беспокоиться на этот счет.

Однако нынче утром наша беседа приняла другой оборот. Мистер Синклер обычно избегал обсуждать детали убийств, но сегодня настойчиво расспрашивал, о чем я думал, когда их совершал. Я отвечал, что моей единственной мыслью было избавить отца от несправедливостей, которые обрушил на него Лаклан Маккензи. Мистер Синклер некоторое время исследовал тему, задавая вопросы то так, то эдак, пока я не почувствовал, что он пытается на чем-то меня подловить — но ему это не удалось.

Потом мистер Синклер спросил, как бы я отнесся к тому, чтобы он на суде подал прошение о признании меня невиновным. Я ответил, что его идея нелепа, поскольку совершенно ясно: я виновен, и я никогда не делал попыток скрыть этот факт.

Тогда мистер Синклер объяснил, что в глазах закона для совершения преступления требуется и физическое действие, и умственное. В данном случае, сказал он, физическое действие явно имело место, но вот было ли умственное — злой

умысел, как он это назвал, — остается вопросом, касающимся содержимого моего ума. Я вежливо выслушал серьезное резюме мистера Синклера, все сильнее ощущая, что иногда, маниакально стремясь воспользоваться своим огромным умом, он полностью пренебрегает очевиднейшими фактами. Но я ответил лишь, что не вижу, какое отношение его слова могут иметь к данному делу.

После чего мистер Синклер заговорил тоном, по которому стало ясно: он не желает задевать мои чувства.

— А если предположить, что в то время у тебя на уме не было того, что, как ты считаешь, там было?

Я довольно грубо рассмеялся, услышав такую глупость.

— Если б у меня на уме было нечто другое, я бы наверняка об этом знал, — ответил я. — Иначе этого не могло бы быть у меня на уме.

Мистер Синклер улыбнулся, услышав такой ответ, и склонил голову набок, словно уступая моему доводу. Он сказал, что я очень умный молодой человек. Я признался, что польщен этими словами, и сейчас краснею, записывая их.

— Как ты думаешь, Родди, — продолжал он, —

возможно ли, чтобы безумец считал себя человеком в здравом уме?

Сперва такое предположение показалось мне настолько же абсурдным, как и его предыдущее заявление, но потом я вспомнил о Мудро Петухе, слабоумном с Ард-Даба — все знали, что он часто спит в своем курятнике и кукарекает. Если б его спросили, безумен ли он, как бы он ответил? Я понял, что мистер Синклер, в своей деликатной манере, предполагает, что я по-своему такой же, как Мудро Петух.

Я отозвался не сразу, понимая, что и в самом деле могу показаться маньяком, если отвечу несдержанно и резко.

— Могу вас заверить, — сдержанно сказал я, — я полностью в здравом уме.

— Именно то, что ты в это веришь, и предполагает обратное, — ответил адвокат.

Наверное, я выглядел глубоко оскорбленным таким заявлением, поскольку он добавил:

— Ты должен понять, Родрик, что мой долг — изучить все возможные способы твоей защиты.

— Но сам я не желаю защищаться! — выпалил я и тут же пожалел, что грубо перебил его.

Мистер Синклер коротко кивнул и встал. У него был слегка опечаленный вид. Я почувствовал, что

задел его, и мне захотелось загладить свою вину.

— Тем не менее, — сказал он, — мне бы хотелось знать, не согласишься ли ты, чтобы тебя обследовал джентльмен, который страстно желает с тобой познакомиться.

Меня снова поразила абсурдность ситуации: благодаря тому, что я стал убийцей, джентльмены ищут теперь моей компании! Но я просто ответил, что буду счастлив познакомиться с кем угодно, с кем он захочет меня познакомить.

— Хорошо, — сказал мистер Синклер и дал обычный знак тюремщику выпустить его.

* * *

Несколько дней спустя после инцидента с водорослями я снова повстречался с Флорой Брод. Я сидел на каменной ограде, отделявшей наш участок от дороги, и дразнил ворон мышью на веревочке. Поскольку сидел спиной к деревне, я не заметил приближения Флоры. Должно быть, она увидела, что я увлечен какой-то игрой, и, появившись рядом, спросила, во что я играю. Я устыдился такой детской забавы и, выпустив веревочку, ответил, что ничего не делаю.

— Похоже, ты всегда занят тем, что ничего не делаешь, — сказала она. — Дьявол найдет работу

для твоих ленивых рук.

— И какую же это работу? — спросил я.

Флора пожала плечами и возвела глаза к небесам. Потом села рядом со мной на ограду. Она несла корзинку, покрытую клетчатой тканью, и теперь поставила ее на колени. Ее юбка коснулись моей ноги. Несколько мгновений спустя брошенная мной веревочка, змеясь, заскользила через траву, и ворона запрыгала прочь, держа в клюве свой приз.

— Ты не боишься, что нас увидит твой отец? — спросил я.

— Это ты должен бояться, — ответила она, — ведь вздуют-то не меня.

И все-таки она оглянулась через плечо на свой дом.

— Я несу эти яйца миссис Маклауд на Ард-Даб, — сказала Флора, приподняв ткань, чтобы показать мне содержимое корзинки.

Брод-Маккензи держали прорву кур — столько, что могли снабжать яйцами гостиницу в Эпплкроссе. Миссис Маклауд была престарелой вдовой, известной под прозвищем Луковица из-за множества слоев своей одежды. Говорили, что с тех пор, как умер ее муж, она ни разу не раздевалась.

Флора спросила, не хочу ли я составить ей ком-

панию, и я ответил — с радостью.

Она шла так медленно, что мне приходилось каждые несколько ярдов останавливаться, чтобы она могла меня догнать. Когда мы добрались до развилки, откуда ответвлялась дорога на Ард-Даб, Флора спросила, не понесу ли я ее корзинку. Я взял корзинку, после чего она пошла побыстрее, как будто тяжесть яиц заставляла ее замедлять шаги.

— Как твой пациент? — спросила она.

Нынче утром я нашел птенчика мертвым на полу амбара под балкой. Флора явно очень огорчилась и сказала, что ей грустно слышать такие новости.

— Это одно из испытаний, которые посылает нам Господь, — монотонно проговорила она.

Я искоса посмотрел на нее. В наших краях часто можно услышать такое заявление.

— Не могу вообразить, что у Бога нет дел поважнее, кроме как испытывать нас, — сказал я.

Флора очень серьезно посмотрела на меня.

— Тогда почему же случаются такие вещи? — спросила она.

— Какие вещи? — спросил я.

— Плохие.

— Священник сказал бы — в наказание за наши

грехи.

— А что сказал бы ты?

Мгновение я колебался, потом ответил:

— Я сказал бы, что такое случается без причины.

Флору, похоже, не очень смутили мои слова, и это меня подбодрило.

— Не думаю, что Бог сильно интересуется мной или, если уж на то пошло, кем-нибудь из нас, — продолжал я.

Флора сказала, что я не должен так говорить, — но, насколько я понял, не потому, что была со мной не согласна, а потому что не годилось высказывать такие мысли вслух.

— Может быть, Бог — всего лишь байка вроде тех, какие обычно рассказывал нам в школе мистер Гиллис, — сказал я, краешком глаза поглядывая на Флору.

Ветер сдул ей на лоб прядь волос, и она подняла руку, чтобы заправить ее за ухо. Дальше мы шли уже молча; Флора смотрела прямо перед собой.

Когда мы добрались до Ард-Даба, Флора взяла у меня корзинку и сунула голову в дверь дома Луковицы. На пороге появилась согбенная старуха. Ее шея была так искривлена, что ей приходилось поворачивать голову вбок, как курице, чтобы

прищуриться на наши лица.

Стоял теплый вечер, и в доме ревел добрый огонь, но она носила толстое пальто, застегнутое до самой шеи и для полноты меры подвязанное на талии куском веревки. Старуха вроде бы обрадовалась при виде Флоры и пригласила ее в дом. Флора сказала, что принесла ей яйца, и протянула корзинку.

— А это кто с тобой? — спросила старуха.

— Сын Джона Черного, — ответила Флора.

— У него есть имя? — Голос старухи был резким, как голос чайки.

— Это Родди, — ответила Флора.

Луковица несколько мгновений вглядывалась в меня, а после сказала, что ей жаль, что моя мать умерла, хотя с тех пор и прошло больше года. Она взяла у Флоры корзину и исчезла в дымном полумраке своего дома. Пока мы ждали, Флора тихо замурлыкала себе под нос песню, и это напомнило мне, как моя мама пела в полях. Старуха вернулась с пустой корзиной и поблагодарила Флору за яйца.

На обратном пути в Калдуи я предложил снова понести корзинку, но Флора объяснила, что корзинка вовсе не была тяжелой — просто ей хотелось, чтобы я ей помог.

Во всяком случае, теперь, избавившись от яиц, мы стали разговаривать более непринужденно. Флора сделала несколько пренебрежительных замечаний о том, как пахнет миссис Маклауд, а я сказал, что моему отцу не нравятся обитатели Ард-Даба, потому что они грязные и едят моллюсков. Флора весело засмеялась, услышав это. Отсмеявшись, она сказала:

— Иногда я думаю, что твой отец не такой, как остальные.

— Он и вправду не такой, — ответил я, согнулся и изобразил, как отец прихрамывает со своей палкой. — Не сомневайся, что грехи твои тебя найдут, — пробормотал я, помахивая согнутым пальцем перед лицом Флоры. — Ты на пути к вечному огню, юная леди!

Она остановилась на дороге и приложила свободную руку ко рту, чтобы скрыть смех. Потом я выпрямился — мне внезапно стало стыдно, что я вот так потешаюсь над отцом.

— Изобрази снова, — сказала она.

Но я почувствовал себя глупо и снова зашагал по дороге.

Когда мы добрались до развилки, где встретились, я велел Флоре идти по дороге дальше, чтобы нас не заметили вместе. Она не запротестовала.

Несколько мгновений мы стояли, глядя друг на друга. Потом Флора сказала, что мы сможем увидеться снова в какой-нибудь другой вечер, повернулась и пошла по тропе, размахивая пустой корзинкой.

А я зашагал по дороге и забрался на ограду в конце нашего участка, чувствуя себя так легко, будто у меня совершенно внезапно забрали корзину торфа.

Идя через наши чахлые посевы, я увидел, как Джетта торопится по тропе от дома Лаклана Брода — на ее голову был накинут шарф, она горбилась, как вдова. Я невольно задумался, какое дело привело ее в тот конец деревни, и задержался возле дома, чтобы подождать ее, но сестра поспешила мимо, даже не взглянув на меня.

Отец сидел на своем стуле у окна и курил вечернюю трубку. Я не сомневался, что он спросит, где я был, и, само собой, он так и сделал. Его стул был слегка отклонен от окна, чтобы лучик света освещал книгу, и, поскольку отец запросто мог увидеть, как мы с Флорой расстались на развилке, я напрямик сказал, что ходил с Флорой Брод на Ард-Даб, чтобы отнести туда яйца. Отец спросил, кому предназначались яйца. Я не видел разницы кому, но рассказал и об этом тоже. Он никак не

отозвался на мои слова — значит, он уже прекрасно знал, где я был, и спрашивал только для того, чтобы проверить, скажу ли я правду. Затем отец пару раз затянулся трубкой.

Джетта взяла свое вязание и сделала вид, будто не обращает внимания на наш разговор.

Меня оскорбило, что мне учиняют такой допрос, хотя Джетту ни о чем подобном не спросили.

Отец, вынув трубку изо рта, заявил, что не желает, чтобы я водился с Флорой Брод или другими членами этой семейки. Обычно я с ним не препирался, но не на сей раз. Я сказал, что Флора ничем его не обидела и была благодарна мне за то, что я донес ее корзину. Я не ожидал, что отец вступит со мной в дискуссию, и он действительно не стал этого делать, а только напомнил, что я еще не настолько взрослый, чтобы меня нельзя было отдубасить. Я потупил глаза, изображая раскаяние, но не собирался повиноваться его приказу.

Далеко не в первый раз я чувствовал, что отец слишком строг ко мне и к моим сестрам и брату, но впервые решился ему противостоять. Однако сейчас, имея возможность бросить взгляд в прошлое, я вынужден признать: было бы благоразумнее последовать его совету.

Выйдя из дома, я сел на скамью в надежде, что

сестра присоединится ко мне, но она этого не сделала.

На следующее утро, когда отца не было дома, я спросил Джетту, где та была вчера вечером, и она ответила, не поднимая глаз от работы, что навещала Кармину Смок. Я знал, что это неправда, поскольку она ушла дальше дома Смока, но ничего такого не сказал. Вместо этого я спросил, был ли дома Кенни Смок. Джетта бросила работу и серьезно уставилась на меня.

— У меня уже есть один отец, — сказала она. — Второй мне не нужен. Некоторые вещи тебя не касаются, Родди.

Потом она протянула мне баннок и велела не приставать к ней. Мне было очень грустно, потому что раньше у Джетты не было от меня секретов — хотя, будь у нее привычка их хранить, я вряд ли об этом узнал бы. Может, она чего только от меня ни скрывает.

После этого я несколько дней не видел Флору Брод. Я трудился, претворяя в жизнь планы Лаклана Брода, а вечерами отец придумывал для меня всякие поручения, когда и делать-то было нечего — то ли в порядке наказания, то ли для того, чтобы помешать мне видеться с Флорой. В любом случае последней цели он достиг. Когда

отец оставил меня в покое, я три вечера просидел на ограде, надеясь, что Флора пройдет мимо с каким-нибудь поручением или увидит меня и придумает предлог, чтобы пройти мимо. Но она не вышла, и, признаюсь, хотя мы провели друг с другом немного времени, я мечтал снова с ней поговорить.

Примерно в ту пору я начал бродить по ночам. Мне больше не удавалось легко заснуть, и даже задремывая, я просыпался из-за малейшего шевеления близнецов или животных снаружи. В ночной тишине угли очага или мычание теленка порождали всевозможные видения. Иногда я воображал, будто вижу, как из дыма поднимаются некие фигуры, или слышу, как на улице голоса что-то шепчут, обращаясь ко мне; и я лежал на своей койке, в страхе ожидая появления какого-нибудь кошмара. Поэтому я часто покидал постель и бродил по холмам. Я воображал, будто я — одно из моих видений, силуэт, едва различимый во мраке, то, что человек видит краешком глаза, а после отмахивается от увиденного, как от своей фантазии. У меня появилась привычка исчезать между домами, забираться на Карн и смотреть сверху на поселок.

В желтые месяцы ночи никогда не бывают

полностью темными. Вместо этого мир выглядит так, будто из него высосали все краски, и, когда луна стоит высоко, все становится серебряным, словно изображенным на книжной гравюре. Если я оказывался рядом с окнами соседей, то с завистью смотрел, как они спят. Я отправлялся в такие прогулки с единственной целью — изгнать из ума непрошеные мысли, и добивался этого, до изнеможения скитаясь по холмам.

Не желая, чтобы кто-нибудь прознал о моей ночной деятельности, я всегда возвращался по утрам раньше, чем поднимались отец с сестрой, и проводил день в состоянии легкого одурения. Пару раз я засыпал за работой, и Джетта, думая, что я потерял сознание, бежала ко мне на помощь.

На одной из ночных прогулок я решил проверить, не вернулась ли Флора в Большой Дом. Хотя я жаждал ее увидеть, я надеялся, что лорд Миддлтон снова нанял ее; лучше так, чем если она избегает меня по собственному желанию.

В ту ночь луну закрыли тучи, и от нее исходило лишь самое слабое сияние. Я прошел между дворовыми постройками и поднялся на склон Карна. Отважившись на такое предприятие, я все больше тревожился и хотел остаться незамеченным. Беззвучно ступая, я пригибался до тех пор, пока

не оставил деревню позади, потом пересек склон холма и, наконец, оказался за домом Бродов.

Я еще ни разу не встречал в своих вылазках никого, кроме овец, но теперь в моих висках стучала кровь. Даже при свете дня меня ужасала мысль о том, чтобы сунуться во владения Бродов, но сделать это под покровом тьмы было куда ужасней. Если меня обнаружат, я вряд ли смогу объяснить, зачем я здесь.

С раннего детства я не умел притворяться. Однажды, когда мне было лет пять или шесть, меня послали в сарай за яйцами. Я забыл взять миску, в которой мы их носили, и, вместо того чтобы вернуться в дом, решил, что она мне не нужна. Я собрал яйца, а когда выходил из амбара, держа их кучкой в руках, взлетела птица, напугала меня и заставила выронить свою ношу. Я уставился на месиво из белка и желтка, растекшееся по земле. Мне тут же пришла в голову мысль заявить, что я вспугнул кого-то, кто воровал наши яйца, но когда мама вышла, чтобы поискать меня, я просто ударился в слезы и рассказал, что уронил яйца, потому что забыл взять миску. Она пожалела меня, вытерла мне слезы и сказала: ничего страшного, завтра будут новые яйца. Позже, когда мы сидели и ели, она сказала отцу, что в

этот день яиц не было — и подмигнула мне. Но я не мог рассчитывать, что Лаклан Брод точно так же сжалится надо мной, если вспугнет меня, притаившегося за его домом в глухую ночь.

Тем не менее, наметив план действий, я считал, что обязан его завершить.

Когда я спускался по склону холма, меня озарила идея. Я слышал истории о людях, которые встают, не просыпаясь, и бродят по миру так, будто вовсе не спят. Однако, если обратиться к ним, они ничего не видят, словно перед их глазами стоит другая реальность. Их называют лунатиками, и я решил, что если меня схватят, это станет моей защитой: я буду лунатиком.

В таком настроении я совершенно беспечно приблизился к дому. Я не был знаком с расположением его комнат, но, поскольку в задней стене имелись два маленьких окошка, предположил, что с той стороны могут находиться спальни. К моему удивлению, из второго окна лился слабый свет, и я представил себе Флору в ночной рубашке, ожидающую меня при свете свечи.

Я прижался к стене и медленно-медленно двинулся к первому окну. Камни, которых я касался ладонями, были замшелыми и влажными. Я поколебался, а потом, задержав дыхание, медленно

приблизил лицо к стеклу. В комнате было темно. Спустя несколько мгновений я разглядел кровать и темные очертания людей, завернувшихся в одеяла. Никто не шевелился. В ногах кровати стояла детская кроватка, и я видел желтые волосы маленького братца Флоры. От моего дыхания запотело стекло.

Я сделал три шага в сторону, ко второй комнате и, отбросив всякую осторожность, встал перед окном. В комнате мерцала свеча, а в массивном кресле, закутавшись в одеяла, сидела не Флора, а древняя старуха — мать Лаклана Брода, калека, долгие годы не выходившая из дома. Ее глаза были открыты и устремлены на окно, но она ничем не показала, что заметила меня. Она казалась мертвой, и при виде ее у меня защипало кожу на голове под волосами.

Справа от нее стояла пустая небольшая кровать, и мне подумалось, что на ней может спать Флора. Несколько мгновений я наблюдал за каргой, пока не увидел, что ее одеяла слабо приподнимаются и опадают. Потом она медленно заморгала, будто восстанавливая зрение, из-под одеял появился костистый палец и показал на меня. Ее губы беззвучно зашевелились.

Я повернулся и стремглав ринулся обратно на

холм. Где-то залаяла собака, и я представил себе, как Лаклан Брод зашевелился, проснулся и неуклюже вылезает из постели, чтобы проверить, что его потревожило.

Бросившись на влажную траву позади поросшего вереском пригорка, я некоторое время лежал и ждал, пока отдышусь.

Ничто не шевельнулось в домах внизу, и я, никем не замеченный, вернулся домой. Остаток ночи я провел, лежа на своей койке без сна и думая о пустой кровати Флоры. Я чувствовал себя бесконечно довольным из-за того, что моя вылазка завершилась благополучно.

* * *

Тем летом наши посевы поднимались плохо — то ли потому, что земля требовала водорослей, то ли по какой-то другой причине. Отец решил, что урожай будет скудным, поэтому ухаживал за участком не так прилежно, как обычно. Когда Кенни Смок заметил, что на наших бороздах растут сорняки, отец пожал плечами и ответил:

— Что с того? Земля истощена.

Мне казалось, что это истощена не земля, а сам отец.

Я проводил много дней, работая над проектами

Лаклана Брода. Первые дни я трудился потому, что такова была моя обязанность, а позже — вместо отца, потому что из-за слабого здоровья он не мог в полную силу участвовать в тяжелых работах. В придачу ко всему я иногда работал за полшиллинга в день, подменяя других, занятых более выгодными делами. Все заработанное я отдавал отцу и радовался, что вношу некоторую лепту в семейный доход.

И все-таки трудиться на Лаклана Брода было утомительным делом. Редко выдавался миг, когда констебль или его брат не расхаживали рядом с напыщенным видом, словно огромные петухи, следя за тем, чтобы никто из нас не остановился перевести дыхание или вытереть пот со лба. Даже если Брод отсутствовал, мы работали без передышки, боясь, что он вдруг появится и назначит нам за нерадивость еще один трудовой день.

Из-за такого непрестанного тяжелого труда у меня оставалось мало времени, чтобы заботиться о собственных посевах, а это означало, что в черные месяцы у нас будет меньше еды.

Однажды вечером Лаклан Брод явился к нам, чтобы сказать: до его сведения довели, что наш участок приходит в запущенное состояние. Это сделалось его любимым выражением — дескать,

то-то и то-то «довели до его сведения», из-за чего складывалось впечатление, будто любые слова или поступки заметят и доложат о них ему. Благодаря такому мнению люди подчинялись любому его распоряжению, к тому же стали косо поглядывать на своих соседей и общаться с ними с настороженностью, до сих пор не ведомой в наших местах.

На сей раз Брод наложил на моего отца штраф в десять шиллингов и напомнил, что надлежащий уход за участком входит в условия его арендного договора, и если он не сможет выполнять свои обязанности, у фактора не останется иного выхода, кроме как пересмотреть сроки этого договора. Чтобы собрать средства на уплату штрафа, мне и дальше пришлось трудиться на дорогах и тропах, вследствие чего наш участок пришел в еще более постыдное состояние.

Несколько дней спустя после визита констебля отец остался сидеть за столом, когда Джетта убрала с него посуду. Я почувствовал, что он собирается о чем-то объявить, и не ошибся. Отец набил и зажег свою трубку и сообщил нам, что будет добиваться встречи с фактором. Я спросил его — с какой целью. Отец, не обратив внимания на мой вопрос, заявил, что желает, чтобы я его со-

провождал, поскольку я умный мальчик и меня не запутают слова фактора.

Когда отец таким образом признал свою ограниченность, я пришел в замешательство и запротестовал, говоря, что он фактору ровня — и, если уж на то пошло, ровня всем остальным. Отец покачал головой и ответил:

— Мы оба знаем, что это неправда, Родрик.

Потом он сказал, что собирается в Эпплкросс через два дня и, если я согласился работать на Лаклана Брода, мне надо найти кого-нибудь себе на подмену или придумать оправдание своему отсутствию. Потом встал и занял место на стуле у окна.

С самого начала я не ждал от затеи отца ничего хорошего. Никто из нашего прихода ни разу не искал встречи с фактором, а когда кого-нибудь к нему вызывали, люди шли туда с огромным трепетом. Отец, возможно, считал, что наша доля уже не может стать хуже, но я не сомневался: когда этот визит привлечет внимание Лаклана Брода, тот обязательно так или иначе отомстит.

Мы с отцом отправились в Эпплкросс рано утром. Стало известно, что Лаклан Брод отправился по каким-то делам в Кайл-оф-Лахлаш, и я понял, почему отец выбрал для нашего визита

именно этот день.

С утра начались резкие перемены погоды, к чему в наших краях давно уже привыкли. К тому времени, как мы добрались до Камустеррача, нас вымочил дождь со шквальным ветром, а потом небеса внезапно прояснились, и наша одежда начала высыхать на солнце. Однако, когда мы добрались до Эпплкросса, небо снова потемнело и дождь начал падать большими тяжелыми каплями. Отец не реагировал на все эти капризы погоды. Честно говоря, не могу с уверенностью утверждать, что он вообще их замечал. Он продолжал идти размеренным шагом, держа руки по швам, глядя на дорогу в нескольких ярдах впереди.

Мы не обсуждали предстоящее дело, поэтому я все еще не совсем представлял, что именно отец собирается сказать фактору и какого участия в предприятии ждет от меня. Я втайне надеялся, что фактора не будет дома или он откажется нас принять, и мы сможем вернуться, не рассердив власти еще сильней.

Дом фактора находился позади Большого Дома. Мы обошли поместье кружным путем — отец явно не хотел, чтобы его обвинили во вторжении в личные владения помещика. Наконец мы до-

брались до двухэтажного дома из серого камня, и отец постучал медным молотком с робостью, которая не предвещала для этой встречи ничего хорошего.

Вскоре появилась экономка. Она поглядела на нас так, будто мы были бродячими ремесленниками, и спросила, что нам нужно.

Отец снял шапку, хотя эта женщина была служанкой и по положению не выше его самого, и ответил, что его зовут Джон Макрей из Калдуи и он хочет поговорить с фактором. Экономка спросила, назначена ли нам встреча. Эта костлявая женщина с поджатыми губами и большим носом явно полагала, что работа в доме фактора делает ее лучше фермера-арендатора. Отец ответил, что встречу нам не назначали. Женщина без единого слова закрыла дверь, оставив нас стоять на пороге. Поскольку все еще шел дождь, мы съежились на маленьком крыльце. Трудно сказать, как долго мы там пробыли — наверняка достаточно долго, чтобы ожили мои надежды на то, что фактора нет дома. Я уже собирался сказать об этом отцу, когда дверь открылась снова, и нас пригласили в дом. Служанка проводила нас в обшитый деревянными панелями кабинет и велела ждать.

В очаге ревел огонь, но мы с отцом не осмели-

лись встать перед ним, чтобы просушить одежду. Вместо этого мы остались посреди комнаты, где наше присутствие было бы не таким оскорбительным.

На стенах по обе стороны камина висели портреты утонченных, прекрасно одетых джентльменов, и на одном из портретов я узнал лорда Миддлтона, сидящего в кресле с охотничьей собакой у ног. Перед нами стоял большой стол из тяжелого темного дерева, на котором лежали письменные принадлежности и несколько гроссбухов в толстых кожаных переплетах. Всю стену слева от нас занимали книжные полки.

Появился фактор и, к моему удивлению, довольно тепло приветствовал отца. Отец отвесил раболепный поклон, нервно крутя в руках шапку. Я стоял у его плеча, пытаясь казаться спокойным и держа шапку перед собой. Фактор был ниже, чем мне запомнился, но с приятным, открытым лицом, обрамленным густыми бакенбардами. Волосы на голове его поредели, а оставшиеся были жесткими и неприбранными, не то что у других образованных людей, с которыми я встречался.

— А это кто такой? — спросил он, показав на меня.

Отец объяснил, и фактор несколько мгновений

с любопытством смотрел на меня, будто уже что-то слышал обо мне — я искренне надеялся, что это не так. Потом он сел за стол и взглянул на отца, ожидая, когда тот объяснит причину своего визита. Отец этого не сделал, и фактор перевел взгляд на меня, но я не мог говорить за отца, поскольку тот не сообщил мне, *что* желает сказать.

Некоторое время длилось молчание. Краешком глаза я видел, что отец исподлобья глядит на фактора.

— Мистер Макрей, — начал фактор все еще веселым тоном, — полагаю, вы прошли весь путь от Калдуи не для того, чтобы погреться у моего очага.

Он слегка посмеялся собственной шутке, прежде чем продолжить:

— Как бы сильно я ни наслаждался игрой в шарады, я не могу догадаться, какое дело вас сюда привело, поэтому должен попросить вас его изложить.

Отец взглянул на меня. Я подумал, что или ему изменила храбрость, или он не понимает, чего от него требуют, но, откашлявшись, он негромко сказал:

— Может, вы слышали о бедах, которые мы терпим в Калдуи?

— Беды? — переспросил фактор. — Я ничего не слышал о бедах. И что же это за беды?

— Самые разные беды, сэр.

— Я не слышал ни о каких бедах. Наоборот, я получал только хорошие вести об улучшениях, происходящих в вашем поселке. Вы разговаривали с вашим констеблем об этих «бедах»? — Последнее слово он подчеркнул особо, как будто оно было иностранным.

— Нет.

Фактор нахмурился и искоса посмотрел на отца.

— Если вы испытываете какие-то трудности, вы должны поговорить с мистером Маккензи. Не могу представить, чтобы он не почувствовал себя ущемленным, узнав, что вы явились ко мне, не обратившись сперва за поддержкой к нему. Такова роль констебля — к нему обращаются с любыми проблемами, какие могут возникнуть. Я не могу иметь дело с мелочами вроде…

Он не договорил, сделав жест, словно отмахивался от чего-то.

Отец ничего не сказал. Фактор забарабанил пальцами по столу.

— Итак?

Отец слегка поднял глаза от своих ног.

— Я не могу поговорить с мистером Маккензи об этих бедах, потому что их причина — сам мистер Маккензи.

Тут фактор разразился смехом, который не показался мне искренним. Скорее таким образом он давал понять, насколько абсурдны слова моего отца. Отсмеявшись, он громко вздохнул.

— Не потрудились бы вы рассказать подробнее?

К моему удивлению, смех фактора не смог совершенно запугать отца.

— Отношения между мной и мистером Маккензи и вправду напряженные, но я не осмеливаюсь впутывать вас в такие дела.

— Хотелось бы думать, что так и есть, мистер Макрей. Насколько мне известно, мистер Маккензи выполняет свои обязанности с самоотверженностью, которой крайне недоставало констеблям прошлых лет. А поскольку, если я правильно помню, его избрали единогласно, могу лишь предположить, что он делает все это при поддержке вашей общины. Если между вами и констеблем есть некие личные разногласия, тогда…

Фактор вскинул руки и громко выдохнул.

— Конечно, — сказал отец.

— Итак, если вы пришли не для того, чтобы излить некую личную обиду, я предлагаю рассказать, зачем же вы здесь.

Веселье фактора уступило место нетерпению.

Отец скрутил в руках шапку, а потом, словно осознав, что это не производит благоприятного впечатления, быстро перестал так делать и вытянул руки по швам.

— Я хочу увидеть правила, — сказал он.

Фактор несколько мгновений с любопытством смотрел на него, а после перевел взгляд на меня, как будто я мог объяснить слова отца.

— Вы хотите увидеть правила? — медленно повторил он, поглаживая бакенбарды.

— Да, — ответил отец.

— О каких правилах вы говорите?

— О правилах, по которым мы живем, — сказал отец.

Фактор резко мотнул головой.

— Извините, мистер Макрей, я не уверен, что уловил вашу мысль.

Теперь отец был полностью сбит с толку. Он явно не ожидал столкнуться с таким непониманием и, само собой, решил, что в этом виноват он сам, поскольку выразился недостаточно ясно.

— Мой отец, — сказал я, — имеет в виду прави-

ла, регулирующие аренду наших участков.

Фактор серьезно посмотрел на меня.

— Понимаю. А зачем, позвольте спросить, вы хотите видеть эти «правила», как вы их называете?

Он перевел взгляд с меня на отца, и у меня сложилось впечатление, что мы его забавляем.

— Чтобы я мог знать, когда мы их нарушаем, — в конце концов отважился ответить отец.

Фактор кивнул.

— Но зачем?

— Чтобы мы могли избежать черных отметок напротив наших имен или штрафов за нарушения, — ответил отец.

Тут фактор откинулся на спину кресла и издал громкое нетерпеливое восклицание.

— Итак, если я правильно вас понял, — он сжал руки под подбородком, — вы хотите свериться с правилами, чтобы иметь возможность безнаказанно их нарушать?

Отец опустил глаза, и мне показалось, что на них наворачиваются слезы. Я проклял его за то, что он поставил себя в такое положение.

— Мистер Макрей, я аплодирую вашей наглости, — заявил фактор, раскинув руки.

— Мой отец не хотел сказать, что стремится

нарушать правила, — проговорил я, — он имел в виду, что, как следует ознакомившись с правилами, он сможет избежать их нарушения.

— Мне кажется, — настаивал фактор, — что человек, желающий свериться с правилами, может желать этого только по одной причине: испытать, до каких пределов правонарушения сойдут ему с рук.

К тому времени отец совершенно потерялся, и, чтобы положить конец его страданиям, я сказал фактору, что наш визит был ошибкой и больше мы его не побеспокоим. Однако фактор отмахнулся от моих попыток закончить разговор.

— Нет, нет, нет, — сказал он. — Так не пойдет. Вы пришли сюда и, во-первых, возвели поклеп на вашего деревенского констебля, а во-вторых, заявили, что ищете способ избежать наказания за нарушение правил. Вы не можете ожидать, что я так и оставлю это дело.

Видя, что мой отец больше не в силах вымолвить ни слова, фактор теперь обращался только ко мне. Он придвинул кресло ближе к столу, выбрал одну из своих бухгалтерских книг и раскрыл ее. Перевернув несколько страниц, он провел пальцем вниз по колонке, прочитал несколько срок, снова посмотрел на меня и спросил:

— Скажи мне, Родрик Макрей, каковы твои цели в жизни?

Я ответил, что моя единственная цель — помогать отцу на участке и заботиться о брате и сестрах.

— Весьма похвально, — сказал фактор. — Слишком многие ваши люди в нынешние дни имеют идеи, которые им не по чину. Тем не менее ты, наверное, задумывался о том, чтобы покинуть здешние края. Разве ты против того, чтобы поискать счастья где-нибудь в другом месте? Умный молодой человек вроде тебя должен понимать, что здесь у него нет будущего.

— Я не хочу будущего нигде, кроме Калдуи, — сказал я.

— Но если в Калдуи у тебя нет будущего?

Я не знал, что на это ответить.

— Одно я скажу тебе откровенно, Родди, — завил фактор, — здесь нет будущего для агитаторов и преступников.

— Я не агитатор и не преступник, — ответил я. — И мой отец — тоже.

Фактор многозначительно посмотрел на лежащий перед ним гроссбух и склонил голову к плечу. Потом с шумом захлопнул книгу.

— Вы задерживаете выплату ренты, — сказал

он.

— Как и все наши соседи, — ответил я.

— Да, но ваши соседи не изображают из себя пострадавшую сторону. Только благодаря снисходительности помещика вы вообще остаетесь на земле.

Я воспринял это как указание на то, что суровое испытание закончено, и подтолкнул отца, который последние несколько минут стоял, словно в трансе.

Фактор встал.

Я повернулся, чтобы уйти, но отец не двинулся с места.

— Значит, насколько я понимаю, правил мы не увидим? — спросил он.

Фактора как будто позабавил, а не рассердил этот вопрос. Он вышел из-за огромного стола, сделал три-четыре шага и оказался всего в нескольких футах от нас.

— Правилам, о которых вы говорите, следовали с незапамятных времен, — сказал он. — И никто не испытывал необходимости «видеть» их, как вы выражаетесь.

— И тем не менее… — сказал отец, поднял голову и посмотрел фактору в глаза.

Тот покачал головой и слегка фыркнул.

— Боюсь, вы заблуждаетесь, мистер Макрей. Если вы не собираете жатву на земле соседа, то не потому, что это запрещено правилами. Вы не воруете урожай, потому что так поступать нехорошо. Вы не можете «увидеть» правила оттого, что никаких правил нет, — по крайней мере, в том виде, в каком вы их, похоже, себе представляете. С тем же успехом вы можете попросить увидеть воздух, которым дышите. Конечно, правила есть, но вы не можете их увидеть. Правила существуют потому, что их существование общепризнанно и без них царила бы анархия. А дело деревенского констебля — интерпретировать эти правила и применять по своему усмотрению.

Потом фактор махнул рукой в сторону двери, отпуская нас.

Но я вдруг почувствовал, что, раз уж отец нас сюда привел, нет смысла уходить, не рассказав должным образом о наших обидах.

— Если позволите вернуться к бедам, о которых говорил мой отец, — сказал я. — На самом деле он имел в виду, что, следя за выполнением правил, Лаклан Брод повел против нашей семьи кампанию запугивания.

Фактор недоверчиво посмотрел на меня.

— «Кампанию запугивания»? — повторил он,

явно весьма довольный этими словами. Он сделал несколько шагов назад и прислонился к столу. — Это крайне серьезное заявление, молодой человек, воистину очень серьезное. Нельзя разрешать злоупотреблять своим положением тем, у кого есть власть, не так ли? Конечно, нельзя и разрешать отдельным личностям бездоказательно обвинять свое начальство. Поэтому лучше вам рассказать, в чем же заключается «кампания запугивания».

Слова фактора ободрили меня, и, кажется, я невольно сделал шаг к столу. Потом изложил — довольно подробно, — как Лаклан Брод при первой же возможности уменьшил размер нашего земельного надела, как позже запретил собирать водоросли для удобрения наших посевов, которые теперь чахли, а после наложил на нас штраф за плохое состояние участка.

Фактор слушал внимательно, не сводя с меня глаз.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

Я хотел рассказать и об общей атмосфере подавленности, в которой мы живем, но не смог придумать, как это выразить. И не счел благоразумным описывать увиденный мной случай с сестрой, хотя бы потому, что он оставался секре-

том для нашего отца.

Фактор, казалось, испытал разочарование, что мне больше нечего добавить.

— И вы описываете это как «кампанию запугивания»? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил я.

— Итак, истинная цель вашего прихода сюда — оклеветать по каким-то личным мотивам официальное лицо, которое, судя по вашему описанию, всего лишь добросовестно исполняет свой долг. Я непременно запишу то, что вы сказали, и когда в следующий раз встречусь с мистером Маккензи, поздравлю его с тем, как он себя ведет.

Я почувствовал ужасную пустоту в животе, но не видел смысла протестовать.

Потом фактор обратился к отцу:

— Надеюсь, вы не сочтете нужным наносить мне еще один подобный визит. Я напоминаю, что на усмотрение лорда Миддлтона остается, будете ли вы и дальше арендовать землю. И на усмотрение его представителя.

Он покачал головой и махнул рукой, веля нам выйти из кабинета.

Всю дорогу до дома отец молчал, и по его лицу нельзя было прочесть, о чем он думает. Дождь прекратился.

Тем вечером я остался дома, ожидая появления Лаклана Брода, но он не появился. Не пришел он и в последующие дни, из чего я сделал вывод, что констебль решил заставить нас беспокоиться по поводу кары, которую обрушит на нас. Несколько дней спустя я работал в канавах рядом с дорогой на Ард-Даб, когда мимо прошел Лаклан Брод. Он остановился, несколько минут понаблюдал, как я работаю, но ничего не сказал и отправился дальше своим путем.

После разговора с фактором я воображал, что тот при первой же возможности доложит о случившемся констеблю, но поскольку этого явно не произошло, я понял, что для таких важных персон наши дела просто не имеют значения.

* * *

Несколько дней спустя, после ужина, я вышел из дома по одной-единственной причине: чтобы спастись от царившей там гнетущей атмосферы. Настроение отца в то время было настолько мрачным, что это кидало тень на весь наш дом. Я уже много дней и недель не видел, чтобы Джетта улыбалась, и с каждым днем она как будто все больше съеживалась, так что держалась, как старая карга. Если малыши вообще играли, то

очень тихо и так, что никто, кроме них, не мог догадаться, что они играют. Когда Джетта к ним обращалась, она делала это шепотом, чтобы не напоминать отцу об их существовании. Сам я, страстно желая увидеться с Флорой Брод, работал под покровом уныния, что только усиливало общее подавленное настроение.

Но, выйдя из дома, я тут же просиял. Флора сидела на ограде у перекрестка дороги на Тоскейг.

У меня было искушение пуститься бегом, но вместо этого я в порыве осторожности покинул деревенскую улицу и прошел по ригу в поле, а после перебрался через ограду и очутился на дороге в двух-трех сотнях ярдов от того места, где сидела Флора. Если кто-нибудь за мной наблюдает, он решит, что я просто брожу туда-сюда без определенной цели. Поэтому, как мне представлялось, наша встреча с Флорой покажется чисто случайной.

Когда я пошел к Флоре, она ни разу не подняла глаз, будто поглощенная чем-то у себя на коленях. Подойдя ближе, я поразился утонченности ее черт. Ветер играл завитками ее волос, но она этого не замечала. Я остановился в нескольких шагах от нее, однако Флора была полностью поглощена — или притворялась, что поглоще-

на, — методическим уничтожением одуванчика, желтые лепестки которого усеивали ее юбку.

Я поздоровался с ней, и она, оторвав взгляд от цветка, ответила:

— Привет, Родди.

Не в силах вилять, я сказал:

— Я искал тебя все последние дни. И жалел, что тебя нигде не было видно.

— Вот как? — спросила она.

Слабая улыбка играла на ее губах; Флора опустила глаза на лепестки на своей юбке, словно мои слова доставили ей удовольствие.

— Я работала в Большом Доме, — сказала она.

Я обрадовался, что Флора решила объяснить свое отсутствие, кивнул и шагнул ближе.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Да никуда, — ответил я.

— Тогда удачно, что ты случайно пошел в эту сторону, когда я тут сижу.

— Да, — согласился я. — Очень удачно.

— Может, я пошла бы с тобой в это «никуда», — сказала Флора и спрыгнула с ограды, смахнув лепестки со своей одежды.

Некоторое время мы шли молча и, не сговариваясь, свернули к Ард-Дабу. Я обрадовался, что у нас, похоже, уже есть традиция, будто мы давно

женатая пара.

Ветер стих, вода в Саунде была совершенно неподвижной. Мы шли так близко друг от друга, что могли говорить даже шепотом, и у меня было чувство, что мы шествуем через мир, который на мгновение отложил свои инструменты, чтобы сделать передышку. Если б некие магические силы внезапно перенесли меня к дому, оказалось бы, что Джетта и отец застыли посреди работы и игры малышей замерли.

Спустя некоторое время я спросил Флору, чем она занималась в Большом Доме. Она рассказала, что из-за большой охотничьей компании понадобились лишние руки и на кухне, и для того, чтобы прислуживать на банкете. Описала блюда с мясом, овощами и сладостями, которые подавались гостям, и какое огромное количество вина было поглощено за столом. Сказала, что никогда еще не видела такого удивительного зрелища. Потом описала прекрасные платья леди, которые были одна другой краше. На самого красивого джентльмена с волнистыми темными волосами бросали взгляды все леди, и он, похоже, руководил тостами в честь гостеприимства лорда Миддлтона. Это была великолепная неделя, сказала Флора, и ей удалось заработать два шиллинга.

Тогда, чувствуя, что между нами не должно быть секретов, я рассказал Флоре о своем недолгом служении лорду Миддлтону. Она не смеялась, но посмотрела на меня очень серьезно и сказала:

— Ты поступил не слишком разумно, Родди.

— Верно, — ответил я, — потому что отец задал мне самую сильную трепку, какую я когда-либо получал.

Флоре и это не показалось забавным. Я пришел в уныние оттого, что она, похоже, осуждает мое поведение, и сказал, что поступил так только потому, что не хотел видеть, как прекрасного оленя убьют на потеху знати. Тогда Флора заявила, что олени живут в горах, чтобы джентльмены на них охотились, и доходы лорда Миддлтона зависят от этих охот. Я ответил, что меня не заботят доходы лорда Миддлтона. Флора резко возразила, что они должны меня заботить, потому что в поместье люди могут получить работу.

— Без благодеяний лорда Миддлтона, — сказала она, — все мы с трудом наскребали бы на жизнь, ковыряясь в земле.

После такого ответа я почувствовал себя круглым дураком и, не желая портить наши отношения, ничего больше не сказал на эту тему. Мы продолжали молча идти к Ард-Дабу, и я ощутил,

что мы с Флорой отдалились друг от друга.

Мы зашагали между беспорядочно стоящих грязных домов и сараев деревни. Луковица сидела на скамье рядом со своим домом, шумно посасывая маленькую трубку, и Флора, остановившись, пожелала ей доброго вечера.

— Нет ли для меня яиц? — спросила старуха.

Флора покачала головой и ответила, что, к сожалению, нет. Потом осведомилась о здоровье старухи. Миссис Маклауд не ответила на вопрос; вместо этого она вынула трубку изо рта и перевела взгляд на меня. Ее дряблые губы все время издавали такие звуки, будто море билось о скалу.

— А это сын Черного Макрея? — спросила она.

— Да, — ответила Флора.

Карга продолжала неодобрительно глядеть на меня.

— Дьявол, что ли, забрал твой язык, Родди Черный? — в конце концов спросила она.

Я не мог придумать подходящего ответа, поэтому молча смотрел на нее. Она сунула трубку в рот и громко ее пососала. Трубка была не зажжена.

— Недавно я видела твою сестру, — сообщила старуха.

Я не знал, с чего бы моей сестре отправляться

на Ард-Даб, о чем и сказал.

— Ну, а она здесь была. Или здесь был ее двойник. Хорошенькая девушка, очень похожая на свою мать.

Последние четыре слова старуха сказала лукаво, и если она собиралась меня рассердить, признаюсь — своей цели она достигла. Не будь рядом Флоры, я бы назвал миссис Маклауд злой старой ведьмой, но сейчас придержал язык.

— А ты очень похож на отца, — сказала она.

— Вы же не знаете моего отца, — ответил я.

— Я достаточно хорошо его знаю. Жесткий, как древесный нарост.

Тут она принялась хихикать себе под нос. Не желая больше ее слушать, я пошел прочь, и Флора последовала за мной, сперва пожелав карге доброго вечера.

— Передай сестре, я надеюсь — ей получшает! — крикнула нам вслед Луковица.

Я притворился, будто не слышу, но, когда мы немного отошли, Флора спросила, что старуха имела в виду. Я ответил, что она всего лишь сумасшедшая старая женщина и не надо обращать на нее внимания.

Мы миновали хижину Мудро Петуха, который, заслышав наши шаги, подошел к двери. Пока мы

проходили мимо, он глазел на нас, подергивая губами так, что все время был виден его единственный зуб. Потом прокричал чайкой и исчез в доме, нырнув в него, как животное в свою нору. Флора слегка задрожала. Я придвинулся ближе и слегка коснулся тыльной стороной руки ее рукава, надеясь, что она возьмет меня за руку, но Флора этого не сделала, и я снова отодвинулся.

Мы очутились на мысу и уселись там на камнях. Несколько лодок слегка покачивались на волнах.

Я рассказал Флоре о рыбачьей лодке моего отца и о несчастном случае, когда утонули два Иана. Еще я рассказал, как моя мать приходила на пирс в Тоскейге, чтобы посмотреть, как отец швартует лодку. Не знаю, зачем я все это выложил — затем разве, чтобы пробудить в ней жалость и больше ей понравиться. Когда я закончил, Флора сказала, что это очень печальная история, и я пожалел о своей откровенности.

Чтобы нарушить затянувшееся молчание, я спросил, собирается ли она в ближайшее время снова работать в Большом Доме.

— Да, если я хорошо себя показала и если я там понадоблюсь, — ответила она.

Тут я вспомнил девочку, за которой наблюдал в

школе, вечно рвущуюся угодить мистеру Гилласу, и почувствовал, что Флора, возможно, не так уж сильно изменилась.

Потом она сказала, что в будущем году, когда ей исполнится шестнадцать, ее пошлют в услужение к торговцу в Глазго — мать нашла ей место через экономку Большого Дома. Флора спросила, бывал ли я когда-нибудь в Глазго, и я ответил — поскольку мой отец боится воды, я никогда не попадал дальше Кайл-оф-Лахлаша. Тут Флора рассказала множество историй о великолепных улицах, рынках и городских домах и спросила, не собираюсь ли я уехать из Калдуи. Я ответил, что нужен отцу на ферме и в любом случае не хочу никуда уезжать, потому что родился в Калдуи и именно здесь хочу провести свои дни. Флора заявила, что в мире есть много других мест, помимо Калдуи, и я наверняка хочу увидеть какие-нибудь из них. Я промолчал — ведь с тех пор, как я с ней познакомился, мне хотелось лишь того, что находилось прямо у меня за порогом. Флора сказала, что надеется: когда она будет в Глазго, попадется на глаза прекрасному молодому человеку, который женится на ней. Я ответил, что в Калдуи наверняка множество молодых людей желали бы того же самого.

Флора посмотрела на меня в искреннем недоумении.

— Ты ведь не себя имеешь в виду? — спросила она.

Я отвел взгляд и посмотрел на море.

— Если ты не о себе, тогда о ком же? — настаивала она шутливо.

Я повернулся к ней… А потом, не успев ни о чем подумать, приблизил свое лицо к ее лицу, и мои губы быстро мазнули ее по щеке. Флора отодвинулась и встала.

— Родди Черный! — сказала она.

Потом глупо захихикала, и я тоже засмеялся, чтобы показать, что сделал это просто в шутку.

Спустя несколько мгновений она опять села рядом со мной. Мы оба молчали. Мне больше всего хотелось сбежать и удариться в слезы.

Флора игриво толкнула мою руку и сказала, что я просто глупый мальчишка, который ничего не смыслит в этом мире. В любом случае, даже в Калдуи есть шесть дочерей Кенни Смока, за которыми я могу ухлестывать. Я не сказал, что у меня на уме, поскольку не хотел, чтобы меня еще больше подняли на смех.

Когда мы шли обратно в Калдуи, на меня тяжело навалилось осознание того, что Флора

собирается отсюда уехать. Я понял, что совершенно невольно вообразил себе будущее, в котором мы с ней вместе. Неизвестно, когда такие мысли впервые пришли мне на ум, но до нашей с ней встречи в сарае я точно ни разу не задумывался о том, чтобы жениться. Моя жизнь до того момента была с отцом и Джеттой, и, пока не познакомился с Флорой, я никогда не желал никакой другой компании.

Я проклял себя за то, что лелеял такие мысли. Я понял, что для Флоры я всего лишь забавное развлечение, которое она может позабыть, как только нога ее ступит на городские улицы. Флора, должно быть, увидела мое угнетенное состояние, потому что попыталась завязать беседу на банальные темы и игриво толкнула меня в плечо, но я сунул руки в карманы и ничего не ответил.

* * *

Когда пришла пора летнего Праздника Урожая, все мы были в неподходящем настроении, но Джетта связала столько шалей для продажи на рынке, что и речи не шло о том, чтобы все пропустить. Отец отказался нас сопровождать, пробормотав только, чтобы я не ввязывался в неприятности. Я заверил, что не собираюсь ни во

что ввязываться.

Отсутствие отца слегка подняло нам настроение, и мы двинулись в путь, свалив товары Джетты на ручную тележку. Близнецов, к их восторгу, усадили сверху. Дорога была забита такими же компаниями; повсюду пели и вообще царила праздничная атмосфера. Джетта ради малышей присоединилась к пению, и для случайного наблюдателя мы, наверное, смахивали на счастливую семью. Меня все еще одолевали мрачные мысли из-за Флоры Брод, но ради родных я решил выбросить их из головы.

Приблизившись к Камустеррачу, мы прошли мимо Луковицы, которая плелась так медленно, что я заметил: она, наверное, вышла из дома два дня назад. Джетта ускорила шаг, когда мы проходили мимо, а после зажала нос и скорчила гримасу. Близнецы засмеялись и повторили ее жест.

Потом мы поравнялись со Смоками, и Джетта завела негромкую беседу с их старшей дочерью. Кармина Смок спросила о моем отце, и я ответил, что тот остался, чтобы позаботиться о посевах. Она скептически взглянула на меня, но ничего больше не сказала. Остаток пути я тащился позади компании, ни с кем не разговаривая.

На дороге между берегом и рядом коттеджей, из которых состояла деревня Эпплкросс, было полным-полно столов на козлах с выставленными на них деревянными поделками, сырами, трубками, безделушками и предметами одежды. Джетта нашла место поближе к концу деревни и разложила свои товары на тележке, а сама уселась на низкую береговую стену. Близнецы играли у ее ног. Я некоторое время слонялся без дела, а после побрел по деревне обратно.

На узкой дороге как будто столпился весь приход. Женщины разоделись в свои лучшие наряды, девушки красиво уложили волосы и украсили их цветами. Я гадал, увижу ли Флору Брод, но не сомневался, что она мной совершенно не заинтересуется. Арендаторы ферм смешались с гостями из Большого Дома, которые громко разговаривали и бесцеремонно показывали на разложенные товары.

Я пристроился за двумя хорошо одетыми джентльменами и подслушал их беседу. Первый громко объявил:

— Легко забыть, что такие примитивные люди все еще живут в нашей стране.

Его товарищ серьезно кивнул и начал гадать, можно ли что-нибудь еще для нас сделать. Пер-

вый джентльмен высказался в том смысле, что трудно помочь людям, настолько не способным что-либо сделать для самих себя. Потом они помолчали, чтобы выпить из фляжки и понаблюдать за проходившей мимо группкой девушек, и, не став ждать, что еще они скажут, я зашагал дальше по улице.

Вдруг я заметил Арчибальда Росса, прислонившегося к косяку на пороге гостиницы. Он был в прекрасном твидовом костюме, коричневых башмаках и бриджах, заправленных в чулки. Я остановился и несколько мгновений глазел на него. Он с головы до ног выглядел юным джентльменом из охотничьей компании. Хотя я стоял всего в нескольких ярдах от него, он как будто меня не узнавал. Я припомнил, что прошел почти год с тех пор, как мы с ним познакомились, и сделал к нему пару шагов. В правой руке он держал трубку, которая, как я увидел, теперь была набита и зажжена. Я подумал, что из-за моего подвига на холме он, возможно, не желает со мной знаться, но тут на его лице мелькнуло узнавание, и он протянул руку, воскликнув:

— Родди, старина!

Мы тепло пожали друг другу руки. Я был благодарен за то, что он как будто не питает ко мне

недобрых чувств.

— Я думал, ты уже в Канаде, — сказал я.

— В Канаде? — переспросил Росс.

— Вместе с твоим кузеном.

Он сделал вычурный жест трубкой.

— В нынешние дни в Канаде делать нечего, дела там идут похуже, чем здесь. Кроме того, я теперь с егерем.

Я кивнул и сказал, что он здорово смотрится в этом наряде. Росс сделал нарочитый жест трубкой, отмахнувшись от моего замечания, потом вернул трубку в рот и усердно запыхтел ею. В тот момент мне очень захотелось иметь собственную трубку.

Потом Росс взял меня за руку и повел в гостиницу. Я оглянулся через плечо, боясь, как бы меня не увидел кто-нибудь из наших соседей. Раньше я никогда не совался в гостиницы: отец считал их логовом греха и обычно заявлял, что их завсегдатаи стоят на пути к вечному адскому огню.

В гостинице было полно мужчин в рубашках без пиджаков, жизнерадостно орущих друг другу в лицо. Арчибальд пробрался сквозь толпу к крошечному столику в углу, на который крепкая женщина в клетчатом платье вскоре поставила две каменные кружки с элем. Арчибальд схва-

тил одну из них и, громко стукнув ею о вторую, объявил:

— За здоровье тех, кто такие же, как мы.

Я взял свою кружку и так удивился ее весу, что чуть не выронил ее. Потом повторил тост, и мы выпили. Эль оказался препаршивым на вкус, и будь я один, выплюнул бы его на пол. Арчибальд сделал второй длинный глоток и ткнул меня локтем в бок, чтобы я не отставал.

— Как здорово с тобой увидеться, старина, — заявил он. — Ты большой оригинал, верно?

Я был в таком восторге, что нахожусь в компании столь прекрасного парня, Арчибальда Росса, что поднес кружку к губам и влил себе в глотку половину ее содержимого. Интересно, что сказал бы отец, если б увидел меня в подобном месте, но к тому времени, как эль добрался до моего желудка, меня это больше не заботило. Двое стоящих слева от нас дородных мужчин, положив руки друг другу на плечи, с жаром запели:

Когда мы жили в Колли-Мюрид,
Не люди там будили ны,
Будили голоса оленей
И птичья музыка весны!

Прошло немного времени, и вся компания

присоединилась к песне. Арчибальд встал и фальшиво заорал:

В стране моей всего довольно,
Она обширна и добра,
Куда ни глянь — везде олени,
Лососи и тетерева!

Тут двое покачивающихся мужчин приземлились ко мне на колени, расплескав остаток моего эля. Арчибальд грубо столкнул их и заказал хозяйке еще две кружки. Песня затихла в куче-мале и смехе.

Были послушно принесены еще две кружки, и Арчибальд снова занял свое место, явно крайне довольный собой.

— Что ж, мистер Макрей, за нас и за тех, кто такие же, как мы!

— За тех, кто такие же, как мы! — повторил я.

Второй эль оказался уже гораздо вкуснее предыдущего, и я пришел к выводу, что первый, наверное, был выдохшимся.

Потом Арчибальд объяснил, что в прошлом году в конце охотничьего сезона егерь предложил ему стать его учеником, и теперь Росс живет в казармах за Большим Домом. Он зарабатывает шиллинг в день и даже больше, если бегает по

поручениям гостей лорда Миддлтона. Мне это показалось огромным богатством, о чем я ему и заявил.

— Я спрошу, нет ли там места для тебя, — сказал Росс, — но, боюсь, у егеря остались о тебе плохие воспоминания.

Тут он замахал руками и пронзительно завопил, изображая, какое представление я устроил на горé, и при этом буйно смеясь. Наверное, Арчибальд увидел, насколько убитый у меня вид, потому что быстро подавил хохот и спросил о моих планах на будущее. Я сказал, что работаю на дорогах и на отцовском участке, и вполне доволен. Росс с серьезным видом осведомился — неужели это предел моих мечтаний? Не желая его разочаровывать, я сказал, что планирую заниматься всем этим лишь ближайшее время, но, как только заработаю достаточно денег, собираюсь поискать счастья в Глазго. Арчибальд одобрительно кивнул, услышав мою ложь.

— Я слыхал, там перед человеком с амбициями открываются огромные возможности, — сказал он.

Я согласился, благодарный за то, что он не стал ни о чем больше расспрашивать, а Арчибальд крикнул, веля принести еще эля.

Теперь мы пребывали в отличном настроении, и Росс рассказал несколько историй о джентльменах, посещавших поместье, для пущего эффекта изображая их характерные черты и манеру речи. Он сказал, что егерь и вполовину не так страшен, как казался сначала: он часто приглашает Арчибальда в свой домик провести вечер, и они сидят у очага, покуривая трубки и вспоминая события дня. Когда нет охотничьих вылазок, егерь учит Арчибальда подкрадываться к дичи, так что теперь Росс может, осмотрев не видимые для неискушенного глаза примятую траву и потревоженный вереск, сказать, есть ли неподалеку олени и в каком направлении они движутся. Арчибальд похвастался, что знает холмы и горные долины лучше, чем комнаты собственного дома, а я признался, что очень завидую его новому положению.

Он принялся заново набивать трубку и спросил, почему у меня нет своей. Я ответил, что сберегаю все деньги на путешествие в Глазго и не хочу тратить их на табак. Арчибальд высказал мнение, что такие привычки сделают меня богачом. На мгновение я вообразил себя богатым торговцем: я сижу у очага великолепного городского дома, а Флора шьет рядом со мной.

Не знаю, как долго мы оставались в гостинице и сколько кружек эля выпили, но потом наступил миг, когда толпа хлынула на улицу. Приближалось великое событие дня — соревнования по шинти[28] между прихожанами Эпплкросса и Пойнта.

Арчибальд оплатил наш счет, к большому моему счастью, поскольку у меня денег не было. Он отмахнулся от моих благодарностей, настаивая на том, что раз пригласил меня выпить, то стал бы мерзавцем, если б позволил мне заплатить.

Я обнаружил, что из-за воздействия эля меня покачивает, но не стыдился своего состояния. Спотыкаясь, я пошел по улице; меня толкали в толпе, прохожие бросали на меня презрительные взгляды.

Арчибальд обхватил меня за плечи, и мы с ним снимали шапки перед всеми вместе и каждым в отдельности, считая себя самыми очаровательными парнями.

Почти добравшись до конца улицы, мы подошли к тому месту, где Джетта разложила свои товары. Похоже, она ужаснулась до глубины души, увидев, как я напился.

---

[28] Примечания: 28

Шинти — жестокая разновидность хоккея, в которую до сих пор играют в Шотландском высокогорье. — *Прим. авт.*

— Надеюсь ради тебя самого, что отец не узнает, в каком ты сейчас состоянии, — негромко проговорила она.

Я проигнорировал ее замечание и, показав на своего товарища, сказал:

— Позволь представить моего друга, мистера Арчибальда Росса.

Арчибальд отвесил замысловатый поклон.

— Я в восторге от нашего знакомства, мисс Макрей, — сказал он. — Во всем приходе не может быть девицы прекраснее.

Он взял ее руку, которую она не протягивала, и поцеловал. Джетта удивленно уставилась на него, без сомнения, гадая, как ее брат мог свести знакомство с таким очаровательным парнем. Арчибальд сделал шаг назад, чтобы осмотреть изделия Джетты. С видом знатока он осторожно пропускал шали между пальцами и одобрительно бормотал. Джетте как будто польстило его внимание, и она сказала, что меньше десяти минут назад продала шаль леди из Большого Дома за шиллинг.

— Шиллинг! — сказал Арчибальд. — Вы недооцениваете свою прекрасную работу, моя дорогая.

Потом он заявил, что купит шаль, которую

сейчас держит, для своей матери, и дал сестре за нее два шиллинга. Джетта была очень довольна и без конца благодарила его. Когда Арчибальд отошел от тележки, она сунула мне шиллинг и прошептала, чтобы я ни слова не говорил отцу о том, что она что-то продала.

Положив монету в карман, я догнал Арчибальда в толпе, довольный, что позже смогу пригласить его в гостиницу, дабы выпить еще эля. Мы пошли за деревню, к Большому Дому, где должен был состояться матч.

— Твоя сестра просто изумительна, но одевается, как старая карга, — дружелюбно сообщил Арчибальд. — Она никогда не найдет мужа, если будет облачаться в такие невзрачные тряпки. Когда парень видит девушку, замотанную в дерюгу, он имеет полное право решить, что у нее имеется веская причина скрывать то, что находится под этими тряпками, ха-ха.

Он сделал знакомый вычурный жест трубкой — жест, который, как я теперь понимал, был призван сделать любое его утверждение неоспоримым. Я вынужден был признать, что в его словах есть некая доля истины, и, смотри я на Джетту беспристрастным взглядом, она произвела бы весьма неприглядное впечатление. Словно

для того, чтобы это подчеркнуть, поблизости было сколько угодно привлекательных девушек, разодетых в симпатичные платья, с волосами, красиво заколотыми вверх, чтобы открыть гладкую, белую кожу их шеек.

Арчибальд взял купленную им шаль, скомкал и сунул в куст. Я пришел в полный ужас и спросил, зачем он это сделал. Он пожал плечами и с ухмылкой посмотрел на меня.

— Старина, такую тряпку я не дал бы даже на подстилку своей собаке. Я приобрел ее только для того, чтобы у твоей сестры было немножко денег и она могла купить себе не такой мрачный наряд.

Я вспомнил, сколько часов сестра трудилась, чтобы связать шаль, и почувствовал себя глубоко задетым бессердечием друга. Подумав, что позже Джетта может увидеть свою работу, брошенную в кусты, я побежал обратно и вытащил шаль. Она застряла в шипах, и мне не сразу удалось отцепить ее от веток. Шаль была вся изорвана, но я как можно аккуратнее сложил ее и сунул за пазуху. Арчибальд весело наблюдал за мной.

— И что ты теперь собираешься с ней делать? — спросил он, когда я его догнал. — Она же вся порвана.

Отвечать мне не хотелось, и несколько минут мы шли молча. Матч шинти, устроенный по желанию помещика, должен был состояться перед Большим Домом в месте, отмеченном опилками. Вокруг отметок уже начали собираться зрители.

Спустя несколько минут мое негодование улеглось, и Арчибальд, наверное, почувствовал это, потому что снова заговорил доверительным тоном:

— Я-то сам еще несколько лет не собираюсь искать жену. Зачем молодым людям вроде нас ограничиваться одним блюдом, когда можно испробовать столько разных? — Он взглянул в сторону группки девушек. — Если твоя сестра с умом потратит деньги, я был бы не прочь прогуляться с ней на зады гостиницы. После того, как я дал ей два шиллинга, она, без сомнения, чувствует себя в долгу передо мной.

Он ткнул меня локтем в бок, и я, лишь смутно представляя, что он имеет в виду, кивнул в знак согласия.

Гости лорда Миддлтона сидели в креслах, расставленных в дальнем конце поля. Это место явно предназначалось для знати, и деревенские жители столпились вокруг остальных трех сторон. Была поставлена большая палатка, и, поскольку

игра еще не началась, большинство мужчин околачивались возле нее. Арчибальд повел меня в палатку и заказал две порции виски. Мы провозгласили тост, выпили, и как только спиртное добралось до моего живота, я совершенно позабыл про инцидент с шалью.

Команды рысцой выбежали на поле, и мы заняли место в толпе, которая теперь столпилась так близко от поля, что в линиях из опилок было мало нужды. Со всех сторон раздались громкие крики.

Само собой, Лаклан Брод занимал ведущее место в команде Пойнта и грубо хлопал по плечам товарищей по команде, чтобы поднять их боевой дух. Он представлял собой импозантное зрелище, когда шагал к центру поля, выпятив грудь и держа каман[29] на плече, как топор. Остальные игроки его команды, кроме Кенни Смока, выглядели жалкой и неряшливой шайкой, и большинство из них, похоже, от всей души желали находиться где-нибудь в другом месте.

С раннего детства я терпеть не мог все игры, а шинти казался мне особенно жестоким и нелепым спектаклем. В школе я болтался на краю поля и, если мяч летел ко мне, удирал от него в

---

[29] Примечания: 29
Каман — клюшка для игры в шинти. — *Прим. авт.*

противоположном направлении. Несмотря на то что в нашем приходе не хватало крепких молодых людей, я играл так скверно, что меня никогда не вербовали для участия в матче.

В центре поля застучали клюшки — игра началась. Двое людей тут же рухнули, и их унесли, пока игра бушевала вокруг них. Лаклан Брод перехватил мяч в центре поля, могучим ударом послал его к воротам Эпплкросса, а потом зашагал по дерну, чтобы выругать Дунки Грегора, которому едва исполнилось двенадцать, за то, что тот не взял его пас. Тем временем мяч швырнули обратно и, под треск костей и палок, вогнали между стоек ворот. Лаклан Брод заставил толпу рассмеяться, толкнув Дунки Грегора на землю, и побежал обратно, чтобы распечь остальную свою команду. Игроки Эпплкросса праздновали гол, поглощая за воротами виски из куэйча[30].

Чем дальше, тем больше матч скатывался в насилие и тем неистовей толпа подстрекала своих игроков нападать на противника.

Джентльмены, сидевшие в дальнем конце поля, явно находили представление чрезвычайно забавным и с удовольствием подбадривали участ-

---

[30] Примечания: 30

Куэйч — традиционная неглубокая чаша для питья. — *Прим. авт.*

ников. Арчибальд тоже со все возрастающим пылом аплодировал каждому натиску. Наивысшее восхищение толпа испытала, когда старуха получила сильный удар каманом по голове и без сознания осела на землю.

В конце концов про мяч совершенно забыли, и команды принялись лупить друг друга каманами по головам и ногам в кольце толпы, тесно сгрудившейся в центре площадки. Потом, безо всякого предупреждения, битва утихла, и болельщики объявили, что победили обе команды. Окровавленных игроков унесли на плечах, а те передавали другу другу сосуд с виски.

Мы с Арчибальдом следовали позади; мой друг восторженно вспоминал самые жестокие моменты игры. Нам в руки сунули куэйч, и мы взахлеб выпили.

После этого толпа закружилась у меня перед глазами, и я предложил Арчибальду вернуться в гостиницу и выпить эля. Он же настаивал на том, чтобы еще побыть возле палатки, потому что там были все деревенские девушки, и мы, как сказал Росс, могли попытать с ними удачи.

Проложив нам дорогу в палатку и заказав еще эля, он вышел, чтобы рассмотреть девушек: те стояли поодаль от толпящихся, толкающихся

мужчин, и шептали что-то друг дружке на ухо с лицами, пылающими от возбуждения при виде такого зрелища.

И тут я заметил Флору Брод, которая задержалась у края поля для шинти. Она стояла рядом с не знакомой мне высокой девушкой, и они обе как будто были поглощены беседой с двумя молодыми джентльменами. Я недовольно заметил, как увлеченно, запрокинув голову, Флора глядит на этих кавалеров. Пальцы ее правой руки непрерывно играли с локоном волос, красиво уложенных по такому случаю. Поскольку я не рвался возобновить наше знакомство, я попытался увлечь Арчибальда дальше в толпу, но он двинулся к группке каких-то девиц. Поскольку те стояли в другой от Флоры стороне, я с радостью последовал за ним. Мне было нелегко переставлять ноги, и к тому времени, как я догнал Арчибальда, тот уже с очаровательным видом представился трем юным особам — все они щеголяли в белых вышитых платьях. Потом он в самых лестных фразах представил меня. Я снял шапку и изобразил нечто вроде поклона, но девушки только захихикали.

— А почему вы не принимали участие в матче? — спросила самая высокая из них.

Арчибальд махнул своей трубкой.

— Мы из тех парней, которые предпочитают одерживать верх над противниками с помощью ума, а не каманов, — объявил он и подтолкнул меня в бок, явно желая, чтобы я подтвердил это заявление какой-нибудь умной репликой, но я смог только глупо ухмыльнуться. Однако Арчибальд был ничуть не обескуражен и принялся рассказывать девушкам, что вскоре я сколочу огромное состояние, сделавшись торговцем в Глазго.

— Но разве это не сын Черного Макрея? — спросила девушка, обвиняюще показав на меня пальцем.

— Верно, он из Черных Макреев, но вот что я вам скажу: мы с ним — не рабы репутации, которую заслужили наши предки, — величественно произнес Арчибальд.

Я почувствовал, что мне нужно внести какой-то вклад в его речь, но смог лишь помахать пальцами и качнуться к девушкам, так что Арчибальду пришлось схватить меня за локоть, чтобы я не упал между ними.

Потом он спросил девушек, не хотят ли те прогуляться вместе с нами вокруг поместья, поскольку, сказал он, трудно беседовать посреди огромного

скопления пьяниц. Девушки запротестовали, и Арчибальд с коротким поклоном отвел меня за руку в сторону. Он явно ничуть не смирился, получив отказ, и принялся уверять: все, что мне нужно, — это выпить еще эля, который развяжет мой язык и уничтожит эффект выпитого виски.

Мы опять очутились в палатке с кружками эля в руке, и я сказал Арчибальду, что эти девушки меня не интересуют, поскольку мое сердце принадлежит другой. Росс спросил, кто она такая, и я рассказал ему кое-что о своих отношениях с Флорой Брод. Когда я закончил, Арчибальд несколько мгновений посасывал трубку, словно серьезно размышляя над моей ситуацией, а после схватил меня за отворот куртки и притянул к себе.

— Могу дать тебе совет, — начал он. — Разве не лучше, отбывая в Глазго, сбросить с себя оковы привязанностей ко всем остающимся здесь? Когда ты окажешься в окружении богатств, которые может предложить город, ты вскоре забудешь эту девушку.

Я ответил, что не смогу ее забыть, да и не хочу. Арчибальд медленно кивнул. Потом, словно приняв внезапное решение, ткнул трубкой в воздух и объявил:

— В таком случае ты должен дать ей знать о

своих чувствах.

И тут я рассказал о нашей беседе на Ард-Дабе, опустив самые унизительные детали.

— Если твои чувства настолько глубоки, насколько ты полагаешь, — сказал Арчибальд, обхватив меня за плечи, — ты должен как-то об этом объявить. По крайней мере, тогда ты будешь точно знать, на что рассчитывать. В любом случае не надо так легко падать духом. Это совершенно обычно для девушки — презрительно отвергать авансы парня, но такие отказы не стоит воспринимать всерьез. На самом деле то, что она не сдалась тебе при первой же возможности, следует расценивать как знак ее уважения к тебе. Она просто испытывает твою решимость. Ты наверняка видел петуха в курятнике — он должен пощеголять своим хвостом. Молодая женщина точь-в-точь как курочка, ее следует добиваться. Ты должен порасхаживать перед ней, Родрик.

И он изобразил петуха, помахивая локтями, как крыльями, и откинув голову назад, словно собирался закукарекать. Кое-кто перестал пить и уставился на него. Закончив свое представление, Арчибальд погрозил мне пальцем.

— Ты хочешь быть петухом или рогонос-

цем[31]? — спросил он, явно гордясь своей сентенцией.

Тут я объяснил, что, даже если б мои чувства нашли отклик, наши семьи разделяет огромная вражда и ее отец никогда не позволил бы нам быть вместе.

— Сдается, — ответил Арчибальд, — ты мысленно воздвиг столько преград, что полностью сдался, даже не приступив к делу.

Он грубо потыкал меня в лоб и сказал, что мне надо меньше пользоваться тем, что у меня между ушами, и больше — тем, что у меня между ног. Именно в этот миг я заметил через плечо Арчибальда, что Флора покинула своих поклонников и под руку с подругой идет вокруг опустевшего поля, где недавно играли в шинти. Я ни словом не ответил на совет товарища, и тот, наверное, заметил, что я впал в ступор.

— По краске на твоих щеках я понимаю, что ты заметил девицу, о которой шла речь, — сказал он, показывая черенком трубки на двух девушек. — Давай решим этот вопрос раз и навсегда.

Я не имел ни малейшего желания решать свои вопросы и горько пожалел, что вообще раскрыл

---

[31] Примечания: 31

Непереводимая игра слов: cock — «петух», cuckold — «рогоносец». — *Прим. пер.*

свои чувства к Флоре, но Арчибальд уже шел к ней, крепко обхватив меня за плечи. Когда мы приблизились к двум подругами, я запротестовал, что сейчас не в состоянии должным образом вести беседу.

Арчибальд отмахнулся от моих возражений.

— Ерунда, — заявил он. — Ты потому и оказался в таком положении, что не смог выразить свои чувства. Раз теперь твой язык развязался благодаря элю, дело пойдет лучше.

Мы пересекли поле напрямик, и к тому времени, как Флора и ее спутница обогнули площадку, как бы совершенно случайно попались им навстречу. Девушки были так погружены в беседу, что не замечали нас до тех пор, пока мы не оказались всего в нескольких ярдах от них. Теперь у них не было никакой возможности уклониться от встречи — разве что убежать. Арчибальд начал громко разглагольствовать о великолепном пейзаже и о том, какое малое место мы в нем занимаем, и притворился ужасно удивленным, когда мы почти столкнулись с нашими жертвами.

— Привет, Родди, — сказала Флора.

Ее как будто ничуть не смутило наше появление, и я вдруг подумал, что, возможно, между нами еще не все потеряно, и она, увидев меня в

компании такого прекрасного парня, как Арчибальд Росс, изменит свое мнение обо мне.

Арчибальд притворился удивленным, что мы с Флорой друг с другом знакомы, и упросил меня его представить. Я так и сделал, а Флора представила свою подругу как Ишбель Фаркуар. Арчибальд отвесил девушкам такой же низкий поклон, как и моей сестре, и заявил: если б он знал, какие хорошенькие цветочки растут в Калдуи, он бы уже давно там поселился. Девушки переглянулись и сообщили друг другу взглядами какие-то тайные мысли. Потом Арчибальд спросил, можем ли мы сопровождать девушек на прогулке по поместью, — и они не стали возражать.

Объяснив, что он ученик егеря, Арчибальд указал на некоторые детали дома и в забавных красках описал кое-какие черты тамошней жизни. Тогда Флора рассказала, что в летние месяцы ее мать работала там на кухне, и она сама туда нанималась. Меня рассердило, что таким образом Флора связала свою жизнь с жизнью, которую вел Арчибальд. Они вдвоем принялись обсуждать разных домочадцев Большого Дома, и Флору очень позабавили описания и истории, которыми поделился мой друг. Мы с Ишбель молча шли сзади, и чем больше Флора хихикала над словами

Арчибальда, тем мрачнее я становился.

Когда мы добрались до дальней границы поля, Арчибальд прервал свой рассказ и предложил пройти дальше, к ручью, который, как он заявил, живописнее всего именно в это время года. Наши спутницы согласились, и мы продолжали идти мимо надворных строений к лесу, окаймлявшему берега реки. Арчибальд спросил, давно ли мы с Флорой знакомы. Флора ответила, что мы всю жизнь жили по соседству, но, поскольку я всегда очень любил уединение, она стала лучше узнавать меня только в последние несколько месяцев. Арчибальд ответил в том смысле, что я большой оригинал и, хотя молодые люди больше всего любят слушать звук собственного голоса, я куда более глубокая личность. Потом он выразил сожаление, что мы с Флорой не имеем шанса познакомиться получше из-за моего скорого отбытия в Глазго. Флора слегка удивилась, услышав это.

— Но как же ферма твоего отца? — спросила она.

— Недавно я передумал, — пробормотал я.

Флора искоса посмотрела на меня.

— И что ты собираешься делать в Глазго?

Арчибальд ответил за меня:

— Для такого предприимчивого молодого парня, как Родди, тамошние возможности безграничны.

Флора и Ишбель переглянулись и начали смеяться.

Мы добрались до каменного моста, перекинутого через ручей. Солнечный свет пробивался сквозь лиственный полог и сверкал на воде. Все мы невольно остановились и несколько мгновений стояли на тропе, глядя друг на друга.

Потом Арчибальд вдруг взял Ишбель за руку и повел на мост, говоря, что хочет кое-что ей показать. Ишбель наклонилась над водой — они стояли очень близко друг к другу — и Арчибальд, показав на реку, что-то тихо сказал.

Мы с Флорой глядели друг на друга. Я чувствовал себя крайне неловко и понимал, как сильно я пьян. Через плечо Флоры я увидел, что Арчибальд кинул взгляд в мою сторону и велел мне действовать, мотнув головой.

Я спросил Флору, не хочет ли она пройтись со мной чуть дальше. Она не возражала, и мы двинулись по тропе вдоль ручья. Пройдя несколько ярдов, я не смог воспротивиться искушению и оглянулся через плечо на Арчибальда, который к тому времени так близко подался к Ишбель,

что мог губами коснуться ее шеи. Флора тоже оглянулась через плечо, словно не желая исчезать из виду своей подруги. Хотя мы с Флорой и раньше бывали наедине, теперь между нами чувствовалась напряженность, какой не ощущалось прежде. Я думал, она отпустит какое-нибудь замечание, но она этого не делала, и, поскольку я не мог придумать, что бы такое сказать, между нами повисло молчание.

Потом тропа сузилась, и нам пришлось идти так близко друг к другу, что рукав Флоры касался моей руки. Вспомнив совет Арчибальда, я сказал, что платье ей очень к лицу. Вскоре тропа дошла до грязного уклона, и Флора воспользовалась случаем, чтобы предложить вернуться.

Вместо этого я попросил, чтобы мы на минутку присели. Рядом с ручьем лежал большой камень, и мы уселись на него, как на скамью. Не желая, чтобы между нами снова затянулось молчание, я сказал Флоре, что мы с Арчибальдом недавно посетили гостиницу и выпили несколько кружек эля.

— Я вижу, что ты пил, — отозвалась Флора. — И могу только представить, что сделает твой отец, когда об этом узнает.

Я ответил, что отцу незачем об этом знать, и в

любом случае дело сто́ит того, чтобы провести время в компании такого прекрасного парня, как Арчибальд.

Флора сказала, что он ей не нравится и что она сомневается, стоит ли мне с ним дружить. Я глубоко оскорбился за друга, но ничего не ответил, и мы снова погрузились в молчание. Возможно, Флора ощутила, что задела мои чувства, потому что теперь заговорила первой.

— Значит, ты передумал? — спросила она, имея в виду нашу недавнюю беседу. — Я считала, ты просто женат на Калдуи.

Может, мой язык развязался оттого, что она произнесла слово «женат», но я вдруг совершенно непроизвольно выплеснул свои чувства.

— Я хочу быть женатым на тебе, а не на Калдуи! — сказал я. — Я бы отправился в Глазго, в Канаду, куда угодно, лишь бы быть вместе с тобой.

Судя по всему, я застал Флору врасплох. Ее щеки залил румянец, и я тут же пожалел о своем взрыве.

— Родди, — проговорила она. — Не сомневаюсь — когда ты станешь старше, ты найдешь себе жену, но ею буду не я.

Я почувствовал, как к моим глазам подступили

слезы, и, чтобы Флора их не увидела, взял ее за плечи и зарылся лицом в ее волосы. На мгновение я ощутил на своих губах шейку Флоры и вдохнул ее запах. И почувствовал сильное течение в паху.

Она толкнула меня локтем в грудь, с силой отпихнула, а потом влепила мне крепкую пощечину. Потрясенный, я соскользнул с камня и шлепнулся на задницу в мох, а Флора встала и побежала между деревьями. Некоторое время я лежал, держась рукой за щеку, но в конце концов сел, вытер слезы рукавом рубашки и пошел обратно по тропе.

Арчибальд ждал меня возле моста, покуривая трубку. К моему облегчению, Флора и Ишбель исчезли.

После того, что произошло, я чувствовал себя ужасно, но Арчибальда все это как будто позабавило. Пока мы шли обратно к деревне, он говорил и говорил о случившемся, каждый раз со все более замысловатыми добавлениями, и я очень пожалел, что во всем ему признался. Я не отрывал глаз от дороги у себя под ногами. Флора была права — я всего лишь глупый мальчишка. Наверное, Арчибальд увидел, как я подавлен, потому что прекратил свои подшучивания и

обхватил меня за плечи.

— Ладно тебе, старина, — сказал он. — Для тебя же лучше будет устремиться в Глазго, сохранив свободу.

Я не в настроении был выслушивать его соболезнования — не только потому, что его слова звучали совершенно неискренне, но и потому, что чувствовал: я сам сыграл немалую роль в том, что меня отвергли. Я попытался сбросить с себя руку Арчибальда, но он держал меня мертвой хваткой. Слезы жгли мне глаза. Внезапно Арчибальд остановился, и мы очутились лицом к лицу. Я отвернулся, ожидая, что он будет насмехаться надо мной, но Росс ничего подобного не сделал. Вместо этого он несколько раз извинился за свою черствость по отношению к моим, как он выразился, «лучшим чувствам». Я слегка успокоился и вытер слезы тыльной стороной руки.

— В чем ты нуждаешься, друг мой, — сказал он, хлопнув меня по плечу, — так это в хорошем кувшине эля.

Я выдавил улыбку, и мы снова двинулись к гостинице. Я вынул из кармана шиллинг, который дала мне Джетта, и показал его Арчибальду.

— Мы будем пить как лорды, — объявил он.

В гостинице было еще теснее, чем раньше, но

Арчибальд легко пробрался сквозь толпу, волоча меня за рукав. Скрипач и аккордеонист играли в углу рилы[32]. Вскоре мы уже устроились за столом с кружками в руках, и я почувствовал себя гораздо бодрее.

— За тех, кто такие же, как мы! — сказал Арчибальд.

Все люди вокруг подняли кружки и повторили тост Арчибальда, и я возгордился, что нахожусь в компании такого парня. Я жалел, что сказал ему, будто отправляюсь в Глазго, поскольку хотел и дальше с ним дружить и встречаться каждый вечер в гостинице, чтобы поглощать большие порции эля. Вскоре мы уже пели и с удовольствием пили. Я понятия не имел, сколько стоит пинта эля и хватит ли моего шиллинга, чтобы его оплатить, но такие соображения меня совершенно не заботили. Арчибальд взобрался на стул, и вся компания подхватила его песню, энергично ее одобряя. В наших руках то и дело появлялись кружки, и меня охватил прилив дружеских чувств к моим соотечественникам.

Случай с Флорой и семейные беды были полностью забыты. Я открыл для себя, что значит

---

[32] Примечания: 32

Рил — шотландский народный танец и музыка под него; распространен также в Ирландии. — *Прим. пер.*

мужской союз.

Чтобы дать выход своим восторженным чувствам, я забрался на стол и вылил кружку эля себе на голову. Потом начал танцевать джигу под мотив скрипки, подняв руки над головой и вертясь волчком. Люди внизу затопали и принялись отбивать ритм по столам. Они делали это до тех пор, пока я не оступился и не рухнул на пол. Я поднялся под оглушительные приветствия, продолжил танец — и тут увидел Лаклана Брода, стоящего передо мной вместе с несколькими своими родственниками. Внезапно почувствовав себя глупцом, я перестал дурачиться. Аккомпанировавшее мне топанье стихло. Люди кричали, чтобы я продолжал, но мне не хотелось и дальше выставлять себя на посмешище. Моя рубашка промокла от эля, волосы облепили голову.

Лаклан Брод сделал ко мне один-единственный шаг.

— Давай, Родди Черный, не останавливайся из-за меня.

Он крикнул музыкантам, веля им играть. Люди вокруг меня захлопали в ладоши, предлагая начать танец, но я застыл на месте. Лаклан Брод взял у одного из своих родичей горшок эля и, под оглушительные аплодисменты, выплеснул его

мне в лицо.

— Танцуй, мальчик! — взревел он.

За его спиной Эней Маккензи начал отбивать ритм ногой, хрюкая, как свинья. Лаклан Брод, размахивая руками, еще больше раззадорил толпу.

Я ринулся на него. Он встретил меня открытой ладонью, оттолкнул назад, и я, запутавшись в собственных ногах, шлепнулся на задницу.

Кто-то поднял меня и швырнул обратно к Броду. На этот раз он угодил мне кулаком прямо в лицо. Я осел на пол, поднялся и дико замахал на него кулаками. Раздались одобрительные вопли и оглушительный хохот. Констебль ударил меня под ребра и, когда я начал падать в его сторону, вогнал сапог мне промеж ног.

У меня перехватило дыхание; я лежал на полу, силясь набрать воздуху в грудь. Арчибальд подошел было ко мне, но Лаклан Брод грубо отпихнул его в сторону. Потом опустился рядом со мной на колени и прошептал мне на ухо:

— К концу года я сгоню твоего старика с его участка, ты, грязное ослиное дерьмо.

Потом он поднял меня на ноги и, схватив за отвороты куртки, яростно швырнул через комнату. Я упал спиной на стол, так что кружки с элем разлетелись во все стороны. Меня вздернули на ноги,

и я решил, что Брод снова на меня набросился, но он уже закончил развлекаться и отвернулся к кучке своих родственников, которые громко выкрикнули тост за клан Маккензи и осушили свои кружки.

На следующее утро я очнулся в придорожной канаве близ Эпплкросса. Моя одежда насквозь промокла, в висках больно стучало. Некоторое время я продолжал лежать, но не смог припомнить о вчерашнем вечере больше того, что уже описáл. С обочины дороги за мной наблюдала ворона.

— Чего тебе? — спросил я.

— Я собиралась позавтракать твоими глазами, — ответила она.

— Прости, что тебя разочаровал, — ответил я, выбрался из канавы на дорогу и встал. Ворона внимательно следила за моими движениями, как будто все еще не убежденная, что пир не состоится. Я замахнулся на нее ногой, и она взлетела на пару футов, прежде чем устроиться на прежнем месте.

Должно быть, стояло очень раннее утро, потому что траву густо усыпала роса и вокруг не слышалось ни звука.

Я двинулся в сторону Калдуи.

Меня совершенно не волновало, какой прием ожидает меня по возвращении. Утро не было холодным, но из-за промокшей одежды я весь дрожал. Когда в голове у меня всплыли события вчерашнего дня, мне стало ужасно стыдно, и я решил без жалоб принять наказание, которое назначит мне отец. На дороге не было ни души, и, приблизившись к Калдуи, я увидел, что никто еще не работает на своем наделе. Я подумал — может, отец до сих пор в постели и я смогу вернуться в дом незамеченным, но из этого ничего не вышло.

Идя по дороге мимо первых земельных участков, я почувствовал что-то у себя под мышкой, распахнул куртку и обнаружил, что шаль Джетты все еще там. Теперь она превратилась в мокрую путаницу нитей. Я сошел на берег, огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто за мной не наблюдает, и швырнул шаль в море. Она расправилась в воде и запуталась в щупальцах водорослей, которые гнал прибой.

Когда я перешагнул через порог, отец завтракал. Он не посмотрел в мою сторону и не сказал ни слова. Поскольку я не знал, что делать, я лег на кровать и пролежал там весь день.

* * *

Нынче утром, после обычных вопросов о том, как я поживаю, мистер Синклер спросил, не хочу ли я познакомиться с джентльменом, проделавшим, по его словам, немалый путь, чтобы со мной повидаться.

— Мои преступления так возвысили меня, — спросил я, — что теперь джентльмены ищут моего общества?

Мистер Синклер тонко улыбнулся и сообщил: если я приму упомянутого джентльмена, это может пойти мне на пользу. Само собой, я согласился — прежде всего потому, что не хотел вызывать недовольство своего адвоката, но еще и потому, что заключенный вряд ли имеет право выбирать себе гостей.

Мистер Синклер как будто обрадовался моему решению и вышел в коридор, где, наверное, ожидал тот посетитель. Они вернулись вдвоем, и, поскольку никто не пожелал занять место за моим письменным столом, все мы остались стоять: я — под высоким окном, мистер Синклер — рядом со столом, а джентльмен — в ногах моей койки справа от двери. Адвокат представил посетителя как мистера Томсона и объяснил, что это самый

выдающийся специалист в своей области, хотя не помню, чтобы он уточнял, в какой именно. Признаюсь, лицо джентльмена показалось мне очень отталкивающим, и он, наверное, испытал по отношению ко мне те же чувства, потому что смотрел на меня с неприкрытой антипатией. Высокий — ему пришлось нагнуться, чтобы войти, — с резкими чертами лица и маленькими голубыми глазами, он был одет в черный костюм и белую рубашку, так туго застегнутую на шее, что складки обвисшей кожи свисали на воротник. Без шляпы, с тонкими седыми волосами и лысиной на макушке, он все время держал руки у груди, непрерывно теребя правым средним пальцем толстое кольцо с зеленым камнем на безымянном левом.

— Он явно не так физически развит, как следовало бы ожидать, — обратился джентльмен к мистеру Синклеру. — Во время посещений вы обычно находите его бодрствующим? Он много спит?

Мистеру Синклеру явно стало неловко, что его так допрашивают.

— Я нахожу его совершенно бодрым и, насколько припоминаю, ни разу не заставал спящим.

Посетитель прищелкнул языком.

— Скорее всего, его настораживал звук ключа в замке.

Он сделал ко мне два нерешительных шага, как будто боялся, что я могу на него наброситься, и, наклонив голову, несколько минут обшаривал глазами мое лицо и всю мою персону. Я стоял неподвижно, считая, что для такого грубого поведения должна иметься какая-то не понятная мне причина, но все-таки чувствуя себя домашней скотиной. Наконец джентльмен отодвинулся, отошел к письменному столу и постучал пальцами по сложенным в стопку листам.

— И вы говорите, он написал все эти листы?

— Так и есть, — ответил мистер Синклер. — Он без устали над ними трудится.

Мистер Томсон слегка фыркнул.

— Очень сильно сомневаюсь, что мы найдем тут что-нибудь интересное. Подозреваю, мистер Синклер, вы виновны в слегка наивном подходе к вашему клиенту, но, полагаю, это говорит о вас только хорошее.

Потом он пролистал несколько страниц. Мне очень захотелось шагнуть через комнату и выхватить листки у него из рук. Я не желал, чтобы он читал написанное мною, и считал, что если он это прочтет, то с единственной целью — поглумиться

над неуклюже составленными предложениями. Но я сдержался, потому что не хотел подтвердить негативное впечатление, которое у этого джентльмена, похоже, обо мне сложилось.

Потом он свел вместе кончики пальцев и спросил моего адвоката, может ли тот на несколько минут оставить нас вдвоем. Мистер Синклер согласился и хотел было выйти из камеры, но мистер Томсон жестом задержал его.

— Как вы считаете, заключенный опасен для вас? — негромко спросил он.

Мистер Синклер улыбнулся и ответил, что он так не думает. Тем не менее мистер Томсон позвал тюремщика и поставил его у двери, после чего медленно и осторожно отодвинул стул от моего письменного стола и сел, положив одну ногу на нары и упершись локтем в колено.

— Что ж, Родрик, — начал он, — похоже, ты превосходно потрудился, вводя в заблуждение мистера Синклера.

Я ничего не сказал, поскольку его заявление явно не требовало ответа.

— Но я, увы, не из той породы, что твой эрудированный адвокат. Я исследовал сотни, тысячи людей твоего типа и, боюсь, вижу тебя насквозь. Одурачить меня будет гораздо труднее.

Меня крайне возмутило, что мистер Томсон оскорбляет мистера Синклера, но вряд ли было благоразумно вступать с ним в дискуссию.

— Тем не менее, — продолжал он, — поскольку я приехал издалека, чтобы тебя обследовать, надо приступать к делу.

Джентльмен встал и с минуту осматривал меня, все время делая заметки в маленькой тетрадке, которую, должно быть, принес именно для этой цели, и время от времени что-то бормоча себе под нос. Ни одно животное на рынке не становилось объектом столь интимного обследования, но я без колебаний подчинялся его указаниям и всяким там ощупываниям.

Закончив осмотр, мистер Томсон снова сел и положил ногу на койку.

— Теперь я собираюсь задать тебе несколько вопросов и буду обязан, если ты ответишь на них как можно подробнее, — сказал он. — Мистер Синклер заверил меня, что ты хорошо владеешь языком и можешь очень ясно выражать свои мысли. Вот и проверим, так ли это, а?

Я невольно взглянул на тюремщика, который стоял позади мистера Томсона, ничем не показывая, что следит за словами джентльмена. Его глаза были устремлены на маленькое окошко

высоко в стене надо мной, и мне снова подумалось: тюремщику, должно быть, так же плохо здесь взаперти, как и мне. Потом я перевел взгляд на окно и спустя некоторое время понял, что не прислушиваюсь к вопросам мистера Томсона. Я снова посмотрел на него. Он снял ногу с моей койки и сидел так прямо, будто у него болела спина.

Он замолчал и встал. Тюремщик отступил в сторону, и мистер Томсон вышел, не пожелав мне доброго дня. Тюремщик закрыл дверь и повернул ключ в замке.

Тут я почувствовал, что, возможно, обращался с джентльменом не слишком вежливо. Я не жалел об этом, потому что он с самого начала мне не понравился, но подумал, что мистер Синклер может во мне разочароваться, и лишь потому ощутил некоторые угрызения совести.

* * *

После Праздника Урожая отец не разговаривал со мной несколько дней. Не знаю, слышал ли он, что я вытворял в гостинице, но в нашей общине немногие события проходили незамеченными и без обсуждения. Джетта тоже обращалась ко мне только в крайних случаях и отрывистым тоном, к которому я не привык. Я не знал, ведет ли она

себя так потому, что не одобряет моего поведения, или у нее какие-то свои проблемы.

Теперь наши завтраки, обеды и ужины проходили в молчании, и атмосфера в доме стала еще мрачнее. В нем повисло общее ощущение ужаса, как будто все мы сознавали, что события вскоре подойдут к своей развязке.

Я все время ожидал появления на нашем пороге Лаклана Брода, но он не пришел. И все равно на меня тяжким грузом давило понимание того, что наш визит к фактору и мои глупые ухаживания за дочерью Брода не останутся без ответа. Хуже всего не сам удар, а его ожидание, и в то время я жил в тревоге, которая усиливалась с каждым днем. Меня не вызывали для участия ни в одном мероприятии Лаклана Брода, и он сам и его родственники не уходили дальше деревенского перекрестка. Я был совершенно уверен: для нас готовят не какой-то мелкий штраф, а кульминацию кампании, развернутой против нас констеблем.

Я как можно меньше времени проводил дома. Целыми днями я полол сорняки и пытался улучшить наши перспективы на урожай, но делал это без особого энтузиазма. Если я бросал работу и куда-нибудь уходил, отец не задавал вопросов и

не бранил меня. Вечерами я отправлялся в холмы и сидел там, глядя вниз, на Калдуи. С высоты поселок выглядел детской игрушкой, люди и домашний скот казались не больше частичек пепла, и было трудно поверить, что любые случившиеся там события имеют какое-то значение. Я думал о мире за горами, об огромных городах на юге, о гигантском Атлантическом океане на западе, обещающем Канаду. Я ловил себя на том, что гадаю — смогу ли я в конце концов начать новую жизнь. В одном Флора была совершенно права: любого из нас ничего не ожидало в Калдуи. Зачем же тогда мне здесь оставаться? Все, что требовалось, — это однажды утром пуститься в путь и никогда больше не возвращаться.

Сперва то были лишь праздные мысли, но за время, проведенное на Карне, они начали захватывать меня всерьез. Я пока не был узником, и никакие стены не мешали мне пуститься в бега. Все, что от меня требовалось, — это переставлять одну ногу перед другой. Сперва — в Камустеррач, потом — до Эпплкросса, а после — через Перевал до большого города Джинтауна[33]. Там я смогу сесть на судно или просто продолжить путь

[33] Примечания: 33
Джинтаун — бывшее название деревни Локкаррон. — *Прим. автора.*

пешком. Я ни с кем не буду прощаться, не буду составлять никаких планов, потому что ничего не знаю о мире за Перевалом.

В течение нескольких дней эта идея все больше овладевала мной, пока, наконец, не стала непреодолимой.

И это случилось в самое обыкновенное утро: я вышел из дома, прошел по ригу, перебрался через ограду и отправился в путь. Я не признавался даже себе самому, что ухожу. Я сказал себе, что просто направляюсь к Камустеррачу. Оттуда я смогу двинуться дальше или повернуть назад.

Я не взял с собой ни пожитков, ни еды, потому что взять их значило признаться себе в том, *что* я делаю. Я ничего не сказал Джетте и, наблюдая, как она помешивает в котле овсянку, не позволил себе думать, что никогда больше ее не увижу.

Добравшись до выступа холма, который должен был скрыть от меня Калдуи, я поборол желание оглянуться. Чтобы опустошить свой разум, я считал вслух шаги и таким образом отшагал милю до Камустеррача. Тут я прошел на дороге мимо преподобного Гэлбрейта. Он не поздоровался со мной, и я гадал — вспомнит ли он, что видел меня, когда я не вернусь.

Сначала я шел неторопливо, но, оставив Каму-

стеррач позади, ускорил шаг. Расстояние между мной и Калдуи росло, и мне сделалось легко. Добравшись до Эпплкросса, я понял, что бегу, и, чтобы не привлекать к себе внимания, пошел медленнее. Несколько старух, сидевших на скамьях у своих домов, наблюдали, как я иду по деревне.

Приблизившись к гостинице, я заметил на дороге впереди Арчибальда Росса: он беседовал с человеком с густой бородой, в котором я узнал кузнеца, а возле их ног вился пес. Не желая встречаться с другом, я шагнул в брешь между домами и спустя несколько минут выглянул из-за угла. Теперь Арчибальд приближался, собака бежала за ним по пятам. На задах дома укрыться было негде, и, чтобы меня не заметили затаившимся между хижинами, я вышел, поправляя бриджи, как будто облегчался.

Арчибальда, судя по его виду, ничуть не поразило то, что я появился у него на пути.

— О, возвращение боксера! Тебя тогда порядком измолотили, — сказал он, смеясь. — Но в этом нет ничего постыдного — тот парень был вдвое больше тебя.

Я ничего не ответил.

— Какие дела привели тебя в Эпплкросс?

Я сказал, что я здесь по поручению отца.

— Поручение? — переспросил Арчибальд. — Какое именно поручение?

— Семейное дело, — ответил я.

— Понятно, — серьезно сказал он. — И ты не доверяешь другу подробности? Ладно, неважно. Уверен, ты не откажешь мне в удовольствии составить мне компанию за стаканом эля. — Он ткнул большим пальцем в сторону гостиницы.

Я очень хорошо знал, что, если войду в гостиницу, моя решимость быстро испарится, поэтому извинился и отказался от приглашения Арчибальда.

— Не могу поверить, — запротестовал он, — что твое поручение настолько срочное, что ты оставишь старого друга умирать от жажды.

— Мне надо идти в Джинтаун, — ответил я.

— Но это же в восемнадцати милях отсюда! — воскликнул Арчибальд. — Не можешь ведь ты рассчитывать пройти такое расстояние пешком через Перевал!

— Я собираюсь там переночевать, — сказал я.

— Но сперва ты должен туда попасть.

Росс с минуту поразмыслил над моей проблемой, а потом, взяв меня за локоть, повел по деревне.

— Мы раздобудем тебе гаррона, — сказал он, взволнованный своим планом. — Ты сможешь доехать на нем до Джинтауна и привести его обратно, когда вернешься. Ты возвращаешься завтра?

Я молча кивнул.

— Тем лучше! — воскликнул он.

— Но у меня нет денег, чтобы заплатить за гаррона, — сказал я.

Он отмахнулся от моих протестов.

— Предоставь это Арчибальду Россу. Не сомневаюсь, в будущем ты найдешь способ со мной расплатиться.

Тут ему пришла в голову мысль, что следующим вечером, как только я верну пони, мы сможем выпить эля в гостинице.

— Тогда, быть может, ты сумеешь рассказать мне о своем загадочном поручении, — сказал он.

У меня не было иного выхода, кроме как пройти с Арчибальдом на двор за Большим Домом, где я впервые с ним познакомился. Он со впечатляющей самоуверенностью прошагал по булыжникам и сунул голову в дверь конюшни. Вскоре под каменной аркой появился работник.

— Оседлайте пони для мистера Макрея, — без всяких объяснений велел Арчибальд.

Работник, лет пятидесяти, искоса посмотрел на меня, но не стал мешкать.

Пока мы ждали во дворе, Росс набил трубку и зажег ее. Собака села у его ног и с обожанием уставилась на него. Мне вдруг пришло в голову, что Флора сейчас может работать по найму на кухнях, поэтому я прислонился к стене, чтобы меня не было видно из окна. Арчибальд велел мне позаботиться о том, чтобы перед обратной дорогой пони как следует накормили и напоили. Спустя несколько минут работник вывел древнего пегого гаррона. Арчибальд небрежно хлопнул лошадку по крупу и пригласил меня сесть верхом, что я с некоторым трудом и проделал. Больше всего на свете мне всегда хотелось прокатиться на пони, но любое удовольствие, какое я мог бы сейчас испытать, свела на нет ситуация, в которой я очутился.

Арчибальд проводил меня до фасада Большого Дома и послал в путь еще одним крепким хлопком по крупу пони, заявив, что следующим вечером мы выпьем все запасы гостиницы досуха.

Гаррон двигался всего лишь со скоростью пешехода. Я попытался впиться пятками в его бока — я видел, как это делают другие всадники, — но он

отказывался бежать быстрее. Неважно! Пока мы возвращались к деревне, я прикидывал, что же теперь делать. Моей первой мыслью было просто привязать гаррона у перекрестка, от которого тянулась дорога на Перевал, и продолжить путь пешком. Но брошенный пони быстро привлечет к себе внимание, и я представил, как тут же соберут отряд, чтобы меня схватить. Мне пришлось напомнить себе, что я не беглец. Разве я не волен отправиться куда угодно? Я не нарушил ни одного закона или правила, и если мне захотелось поехать в Джинтаун верхом на пони, которого одолжил мне друг, это не касалось ни властей предержащих, ни кого-либо еще. На самом деле Лаклан Брод будет весьма доволен моим бегством. Даже для моего отца оно, скорее всего, станет благословением. Мое существование не предотвратило ни одной из приключившейся с нами бед, и, по правде сказать, именно мои поступки и моя глупость послужили причиной огромной доли наших неудач. Если я останусь жить в Калдуи, это не отвратит грядущих злосчастий.

Вот с такими мыслями я и проехал верхом за перекресток, а потом начал медленно подниматься к Перевалу.

Ко всему прочему стало ясно, что Арчибальд

Росс совершенно прав. Было бы неразумным одолеть пешком восемнадцать миль через Перевал — не только из-за длинного пути, но и потому, что пешим я гораздо сильнее бросался бы в глаза. То, что я ехал на пони, пусть даже таком старом и хромом, придавало мне определенный престиж. Люди, мимо которых я проезжал на дороге, желали мне доброго утра или даже в знак приветствия прикасались к шапкам. Вопреки моим опасениям никто не стал расспрашивать, куда я направляюсь, или обвинять меня в том, что я украл этого пони.

Поднимаясь все выше в горы, я начал чувствовать, что вмешательство Арчибальда было просто даром Божьим; в конце концов, именно такой путь мне и предназначен.

Когда людей на дороге стало меньше, я позволил себе поразмышлять о том, что может ожидать меня за Джинтауном. Как уже сказал Арчибальд, в городах на юге наверняка возможностям нет конца и края. Там я смогу куда-нибудь наняться и принести своей семье гораздо больше пользы, чем принес бы, оставшись ожидать своей судьбы. Я смогу даже посылать домой деньги, чтобы вытащить семью из ее нынешнего жалкого состояния. Может, спустя немного времени Джетта сумеет

ко мне присоединиться, и тогда мы будем жить в довольстве и счастье.

Однако такие мысли не продлились долго.

Ближе к вершине Перевала воздух стал холодным. Ветер бил по пучкам коричневой травы у дороги. Голова гаррона клонилась все ниже, он шагал все тяжелее. Я спешился у ручья, чтобы дать ему немного попить. К тому времени я замерз, проголодался и проклинал себя за то, что не набил карманы банноками перед уходом из дома. Я надвинул шапку пониже на глаза и продолжал идти пешком, ведя гаррона в поводу. На то, чтобы добраться до верха Перевала, у меня ушло несколько часов.

Там я уселся на валун и уставился на открывшийся передо мной серый пейзаж. Дорога, извиваясь, тянулась вниз через скалистое ущелье. Дальше простиралась вода. Я и вправду не знал, что ожидал найти, но этот вид ужаснул меня. Я осознал, что понятия не имею, куда иду, и, даже если доберусь до Джинтауна, не очень-то представляю, что мне там делать. Шиллинг в кармане явно не поможет уйти очень далеко. Возможно, я смогу отыскать какой-нибудь сарай, чтобы поспать в нем, и чуть-чуть еды, но такая перспектива не наполняла меня весельем. Какой

бы жалкой ни была моя жизнь в Калдуи, я не имел желания влачить существование нищего.

Потом я подумал о Джетте, которая наверняка уже по мне скучает, и представил, какой несчастной она станет из-за моего дезертирства. Теперь я остро ощутил, насколько постыдными были мои мысли об уходе. Словно собака на привязи, я приблизился к границе своей территории.

Я забрался на гаррона и впился пятками в его бока, но измученное животное отказывалось двигаться с места. Я спешился и с трудом уговорил его последовать за мной обратно, вниз с Перевала.

Уже под вечер мы добрались до Эпплкросса.

Не желая встречаться с Арчибальдом Россом, я приблизился к Большому Дому с гораздо большим трепетом, чем обычно. Чтобы умиротворить Арчибальда, я состряпал историю о том, что парень, с которым я должен был повстречаться в Джинтауне, на самом деле попался мне на дороге, поэтому я сумел вернуться в тот же день. Меня не очень волновало, поверит ли Арчибальд в такую нелепую историю, но он в любом случае не появился. Услышав стук лошадиных копыт по булыжникам, из конюшни вышел работник, без единого слова взял у меня повод, и я поблагодарил его за пони.

Я добрался до Калдуи ужасно усталым, как из-за переживаний минувшего дня, так и из-за уверенности: теперь мне не спастись от уготованного мне провидением. А раз так, не все ли равно, что скажет отец о моей отлучке! Я хотел только одного — лечь на кровать и уснуть.

Шагнув через порог, я с удивлением увидел за столом сидящего спиной к двери человека в черном. По коротко стриженным волосам я узнал преподобного Гэлбрейта. Отец занимал место во главе стола, Джетта маячила у шкафа, как темный призрак, и даже в тусклом свете лицо ее выглядело бледным. Я решил, что священник явился рассказать, что видел меня нынче утром в Камустерраче, но дело было в другом. На столе лежал лист пергаментной бумаги, сложенный втрое, со сломанной восковой печатью.

Священник велел мне сесть и сказал:

— Сегодня твой отец получил это письмо.

Протянув руку через стол, он кончиками пальцев подтолкнул ко мне письмо. Костяшки его были узловатыми и опухшими.

Я взял бумагу и развернул. Поскольку в комнате было слишком темно, чтобы читать, я отнес письмо к очагу. Оно было написано изящным почерком, с подчеркнутым заголовком: «Извеще-

ние о выселении».

Я не помню точных выражений письма, но сперва в нем называлось имя моего отца («арендатора») и указывался размер участка, дома и пристроек. Потом там говорилось, что фактор властью, данной ему помещиком, настоящим велит арендатору покинуть означенную собственность к тридцатому дню сентября тысяча восемьсот шестьдесят девятого года. Такая дата устанавливается, чтобы дать арендатору время собрать урожай с данной земли. Потом следовал список оснований для выселения: отсутствие содержания участка в соответствии со стандартами; отсутствие поддержания домов и хозяйственных построек в должном состоянии; присвоение собственности помещика; агитация против деревенского констебля; задолженности по выплате арендной платы и налагаемых штрафов. Дальше перечислялись различные суммы, в общей сложности намного превышающие стоимость всего нашего скота и имущества. Письмо было подписано и датировано фактором.

Я вернулся к столу и положил на него письмо. Отец продолжал глядеть прямо перед собой.

— Я объяснил содержание письма твоему отцу, — обратился ко мне священник. — Я оше-

ломлен тем, что он допустил такой беспорядок в своих делах, сделавший неизбежными подобные меры.

— Неизбежными? — повторил я.

Священник посмотрел на меня с тонкой улыбкой на губах.

— Все мы в ответе за управление своими делами. Нельзя ожидать, что помещик разрешит арендаторам пользоваться своей землей бесплатно и без соблюдения условий арендного договора.

Тут он покачал головой и тихо поцокал языком.

Я невольно почувствовал, что священник извлекает некое удовольствие из нашего положения, поэтому не видел смысла взывать к нему, прося, чтобы он вмешался и заступился за нас. Потом преподобный заявил, что в последние несколько месяцев не видел меня и мою сестру в церкви.

— Может, если б вы уделяли больше внимания своему духовному благополучию, — сказал он, — то не оказались бы в такой ситуации.

— Не вижу связи между этими двумя вещами, — ответил я.

— Именно о том я и говорю, — сказал священ-

ник. — Ты — огромный позор для своего отца.

Потом он сообщил, что по возможности наведет справки, где нам найти другое жилье. Отец поблагодарил его, и преподобный ушел.

Когда он исчез, отец схватил письмо со стола и разорвал в клочья. Затем заколотил кулаками по столу так, что клочки бумаги подпрыгнули. Я наблюдал за ним, как мог бы наблюдать за бьющимся в ловушке раненым животным. Близнецы проснулись в своей кровати, и Джетта пошла к ним, чтобы их успокоить.

Тогда отец встал и надвинулся на Джетту. Он схватил ее сзади за шею, подтащил к столу и грубо усадил на скамью рядом со мной. Близнецы заковыляли за ней с душераздирающим ревом.

— Твои грехи навлекли на нас все это, — тихо сказал отец.

Джетта нагнула голову и сжала руки на коленях, скрутив между пальцами косичку из цветных нитей.

— Вовсе нет, — ответила она.

Я не думал, что с ее стороны благоразумно перечить отцу, когда он в таком настроении, но Джетта казалась совершенно непоколебимой.

Тут отец встал, с удивительной быстротой грубо схватил мою сестру за волосы на затылке и

приблизил ее лицо к своему.

— Думаешь, кутаясь, как старуха, ты можешь скрыть от меня свое положение? Я не слепой!

Джетта покачала головой, насколько ей позволяла крепкая отцовская хватка.

— Ты — шлюха.

И, наклонив голову моей сестры к столу, отец начал колотить ею о столешницу. Джетта не закричала.

Я схватил отца за запястье и попытался ослабить его хватку, но его пальцы крепко вцепились в волосы сестры. Пока я боролся с ним, Джетта болталась между нами, как рыбачья лодка на волнах.

— Я хочу знать, кто за это в ответе! — прошипел отец.

Джетта не разжала плотно стиснутых губ. Из глаз ее струились слезы. Я умолял отпустить ее, но, несмотря на мои усилия, отец так сильно стукнул Джетту головой о стол, что ноги его оторвались от земли.

— Кто за это в ответе? — прорычал он.

Изо рта его летели капли слюны. На столешницу сочилась кровь. Джетта мотнула головой, давая знать, что не ответит. Я испугался, что он ее убьет, и выпалил:

— Это дело Лаклана Брода!

Отец дико уставился на меня; его маленькие глазки заметались туда-сюда, и я воспользовался этим моментом, чтобы броситься на него через стол. Я выхватил из его рук Джетту, вырвав при этом большой клок ее волос. Мы втроем упали на пол, и я навалился на отца. Несколько мгновений он пытался бороться, и я, обхватив его руками, понял, что он — сплошные кожа да кости. У него не осталось сил, и запал его быстро угас.

Джетта выбежала из дома. Близнецы выли, как собаки. Отец остался лежать на спине, а я поставил на ножки стол, опрокинутый во время драки, подобрал разбросанное по полу и расставил по местам. Отец с трудом встал и устало стряхнул пыль с одежды. Потом сел на свой стул и опустил голову на руки. А я вышел, чтобы поискать Джетту.

Я нашел ее в сарае. Она сидела на табурете для дойки, с которого я недавно дотягивался до балки, где устроил гнездо для своего птенца. Волосы на левой части ее головы были спутаны и окровавлены, левый глаз налился кровью и заплыл. Она скручивала на коленях кусок веревки.

Когда я вошел, Джетта подняла взгляд, ее налитый кровью глаз дернулся.

— Привет, Родди, — грустно сказала она.

— Привет, — ответил я.

Я не мог придумать, что еще сказать, поэтому просто подошел и встал с ней рядом. Она поднесла руку к голове и осторожно дотронулась до нее кончиками пальцев. Потом посмотрела на кровь на своей руке так, будто это была чужая кровь. Я опустился рядом с ней на колени.

Джетта повернула ко мне голову — движение, которое заставило ее вздрогнуть.

— Несчастливый жребий выпал нам в этой жизни, да, Родди? — сказала она.

— Да.

— Боюсь, отец не позволит мне вернуться под его крышу.

— Все мы недолго пробудем под этой крышей.

Она медленно кивнула.

— Ты отправишься в Тоскейг? — спросил я.

— Боюсь, в моем нынешнем состоянии я не буду там желанной гостьей, — ответила она.

— Что же тогда?

Ее губы сложились в печальную улыбку, и она покачала головой в знак того, что у нее нет ответа. Впервые я увидел, что у нее сильно расплющен нос. Мне было больно видеть, как она искалечена.

— Для меня все кончено, — сказала Джетта. — Меня заботишь ты. Тебе надо уйти отсюда. Ты же видишь — тебе здесь нечего делать.

Я ничего не сказал о своей злополучной прогулке к Перевалу, поскольку мне делалось стыдно при одной мысли о том бегстве.

— А как же отец? — спросил я.

— Наш отец счастливее всегда тогда, когда страдает, — сказала Джетта. — Ты не должен привязываться к его мачте.

— А близнецы?

Большая слеза скатилась по здоровой щеке Джетты.

— О них позаботятся, — ответила она.

— О ком надо позаботиться — так это о Лаклане Броде! — заявил я.

— Это сделал не Лаклан Брод, — сказала Джетта, прикоснувшись к своему разбитому лицу.

— Все сделал Лаклан Брод! — возразил я. — Мне хотелось бы ему отомстить.

В тот момент это были пустые слова, сказанные в порыве бравады. До настоящей минуты я не думал о возмездии и понятия не имел, как можно отомстить.

Джетта неистово затрясла головой.

— Ты не должен так говорить, Родди. Если б ты

лучше разбирался в нашем мире, то бы понял, что не надо винить Лаклана Брода. Провидение довело нас до такого. Лаклан Брод виноват не больше, чем ты, или я, или отец.

— А если б я не убил барана, или если б мама не умерла, или если б «Два Иена» не затонули? — возразил я.

— Но ведь все это произошло.

— Если б Лаклан Брод не существовал… — начал я, понятия не имея, куда приведет меня эта мысль.

— Но он существует, и точно так же не выбирал — являться ему в наш мир или нет, как не выбирали и мы с тобой.

— Тогда не ему и выбирать, как он наш мир покинет, — сказал я.

Джетта длинно вздохнула.

— Не в твоих силах что-нибудь изменить, Родди. В любом случае тебе нужно заботиться о себе, а не о Лаклане Броде. — Она понизила голос до шепота: — Он недолго пробудет в этом мире.

Я отстранился, чтобы лучше увидеть ее лицо. Она сделала знак пальцами придвинуться ближе.

— Я дважды видела его в саване.

Несколько мгновений я старался понять тай-

ный смысл слов сестры, а когда понял, меня охватило ликование — я подумал, что уход Лаклана Брода избавит нас от бед. Я высказал свои мысли Джетте, а она упрекнула меня за то, что я радуюсь событию, которое сделает жену Брода вдовой, а его детей — сиротами. Я резко ответил, что предпочел бы жить сиротой, лишь бы меня не растили как отпрыска Лаклана Брода.

— Такие чувства тебя не красят, — сказала Джетта. — Что бы ни случилось с Лакланом Бродом, это не изменит моего состояния. И не отменит письма фактора.

Отказываясь ей верить, я встал и взволнованно заходил по амбару. Я потребовал рассказать подробней о ее видении и о приближении кончины Лаклана Брода, но Джетта отказалась вдаваться в детали. Судьба констебля не имела значения для нашего положения.

Внезапно у Джетты сделался очень усталый вид. Она закрыла глаза, ее голова упала на грудь. Я опустился перед ней на колени и обхватил ладонью ее затылок. Я не знал, что у нее на уме, но остро предчувствовал, *что* она собирается сделать, и не мог найти для нее другого выхода. Она сжала мою руку в своих, потом открыла глаза и велела ее оставить.

Слезы текли по моим щекам. Я пожелал ей доброй ночи и оставил сидеть на табурете для дойки. Я притворил за собой дверь, привязал веревку к прогнившему косяку… И вот так я ее оставил.

Не желая возвращаться в дом, я прошел по участку к берегу. Вечер был тихий, небо над островами приобрело розоватый вечерний оттенок. В такое время года в наших краях темные часы настолько коротки, что, как я слышал, это часто мешает приезжим спать.

Я понаблюдал за цаплей, которая несколько минут стояла на берегу как вкопанная, а потом бесшумно поднялась в воздух с отсутствием грации, характерным для ее вида, низко пролетела над заливом и опустилась на мысу Ард-Даба.

Я размышлял о том, что рассказала Джетта. У нее не было привычки делиться со мной своими видениями, но я часто замечал, как по ее лицу пробегает тень, и знал, что в такие мгновения она молча общается с Иным Миром. До некоторой степени Джетта никогда полностью не обитала в Калдуи, но перелетала между двумя мирами. Если б теперь она скончалась, это было бы меньшей смертью, чем смерть тех, кто живет только в физическом мире.

Именно тогда, сидя на берегу и наблюдая за

медленным движением прибоя, я впервые задумался о том, чтобы убить Лаклана Брода. Я отмахнулся от своей фантазии, вернее, попытался отмахнуться, но она не отступала, и чем больше я пытался сосредоточиться на другом, тем больше эта мысль овладевала мною. Осознание того, что Лаклан Брод скоро умрет, ослабило обычные сдерживающие начала. Раз провидение решило, что он не жилец на этом свете, разве важно, как именно он уйдет? То, что он может умереть от моей руки, казалось настолько справедливым, что выглядело неопровержимым. Эта мысль взволновала меня. Я стал бы спасителем, о котором преподобный Гэлбрейт говорил на похоронах моей матери. Причем стал бы им, сознавая, что, хоть и послужил орудием кончины Лаклана Брода, лишь ускорил неизбежное событие.

Саван, явившийся Джетте, не объяснял, как именно умрет Лаклан Брод, а если и объяснял, она ничего мне об этом не сказала. Трудно было найти в нашем приходе другого столь цветущего и здорового человека, менее прочих способного пасть от внезапного недуга. Точно так же нелегко было вообразить, чтобы он стал жертвой несчастного случая. Так возможно ли, что Лаклану Броду суждено не просто встретить свою смерть, но она

находится в моих руках?

Мысль об этом давила на меня тяжким грузом, и к тому времени, как я встал, солнце уже опустилось за горизонт и меня окутало то, что считалось темнотой в такое время года.

Когда я вернулся домой, отец уже отправился в постель. Близнецы крепко спали в своей кровати, и я позавидовал их безмятежности. В ту ночь я спал лишь урывками, и каждый раз, когда я просыпался, в моем мозгу горели мысли, вспыхнувшие из-за видения Джетты. Я жаждал загасить их сном, но усиливающийся свет утра помешал мне это сделать.

* * *

Я покинул дом до того, как отец вышел из своей комнаты. Я боялся, что из-за случившегося вчера он будет в скверном настроении, а после того, как он обошелся с моей сестрой, я не имел желания с ним беседовать. Я унес два баннока в конец нашего участка и медленно их сжевал. Риг зарос сорняками и, в сравнении с ригами соседей, представлял собой позорное зрелище. В воздухе не чувствовалось ни ветерка, тонкие облака, похожие на пряди шерсти, низко лежали над водой. Я не видел ни одной живой души, и

единственными звуками были крики птиц и далекое мычание скота на пастбище.

Я надеялся, что мысль об убийстве Лаклана Брода растает, как порождение сна, но она лишь окрепла во мне. И все-таки пока она оставалась лишь досужими размышлениями, и я не собирался воплощать ее в жизнь. Если я и обдумывал убийство Лаклана Брода, то лишь в духе математического подхода к алгебраической задаче. Мой школьный учитель мистер Гиллис однажды объяснил, что для того, чтобы решить задачу, ученый должен сначала выдвинуть гипотезу, а потом проверить ее с помощью наблюдения или эксперимента. Отталкиваясь от этого, я и двинулся дальше.

Убить такого большого, могучего человека, как Лаклан Брод, явно было бы нелегким делом. Когда я перебирал разные способы, которыми можно прикончить человека, в каждом находились свои трудности. Например, можно убить человека ударом топора по голове, но тогда пришлось бы залечь в укромном месте в надежде, что тот случайно пройдет мимо. Можно пырнуть человека клинком, но я не мог рассчитывать подобраться к Лаклану Броду настолько близко и суметь нанести ему достаточно жестокую рану, а не просто

задеть — на такое у меня не хватило бы сил. Человека можно убить из огнестрельного оружия. В этом способе имелись те преимущества, что я мог бы выстрелить издалека, но даже если б мне удалось раздобыть огнестрельное оружие — например, в Большом Доме, — я не умел заряжать ружье и стрелять из него. Можно было отравить свою жертву, но тогда стали бы советоваться с одной из старух прихода, разбиравшихся в подобных вещах, и нашли бы противоядие.

Обдумывая все эти методы, я понял, что они не соответствуют условию, которого я до того момента не осознавал. Моей целью было не просто убрать Лаклана Брода из нашего мира (он в любом случае покинул бы его и без моего вмешательства). Моей целью скорее было то, чтобы в момент своей смерти он осознавал, что именно я, Родрик Макрей, лишаю его жизни и делаю это лишь в отместку за страдания, причиненные моей семье.

Из дома вышел отец. Я не знаю, сколько простоял, потерявшись в своих мыслях. Я нашел у своих ног кроман и начал пропалывать растущие в бороздах сорняки. Отец прошел по ригу туда, где я работал, и спросил, чем я занимаюсь. Лицо его было осунувшимся и посеревшим, и, как мне

показалось, он сутулился больше обычного. Я ответил, что нам еще надо собрать урожай, и если мы не позаботимся как следует об участке, еды не хватит даже для того, чтобы близнецы пережили зиму. Отец пробормотал что-то в том смысле, что если Бог захочет нас обеспечить, Он это сделает, но в его словах не было убежденности, и, ничего больше не прибавив, он оставил меня работать. Не сомневаюсь, мы оба понимали — в нынешнем году сбора урожая не будет.

К тому времени наши соседи вышли из своих домов и принялись за повседневные труды. Утро должно было казаться им совершенно обычным, и, если б не то, чему вскоре суждено было случиться, они потом вряд ли припомнили бы его и отличили от любого другого утра. В самом деле, если не считать темных мыслей, поселившихся в моей голове, день выдался ничем не примечательный. Но, когда я оглядел горсточку домов, меня осенило, что уничтожение Лаклана Брода уберет груз, который давно тяжело давил на наш поселок.

Я встал с колен и побрел обратно к дому. Мои недавние мысли о способах убийства Брода были всего лишь предлогом, чтобы оттянуть время. Какая разница, что у меня на уме и что именно

я задумал сделать. Если судьбе угодно, чтобы Лаклан умер от моей руки, значит, так и произойдет. Успех или неудача моего предприятия от меня не зависят.

Пребывая в таком настроении, я решил, что, если я собираюсь убить Лаклана Брода, сперва надо отправиться в его дом. К тому же нужно войти туда, вооружившись чем-то, с помощью чего я смогу выполнить свою задачу. Что может быть лучше кромана, который провидение только что вложило в мои руки? Дойдя до конца участка, я набрел на флэфтер, прислоненный к скату крыши, и захватил и его тоже. Потом зашагал по деревне. Я сказал себе, что иду не убивать Лаклана Брода, а просто посмотреть, что будет, если я войду в его дом, вооружившись этими инструментами.

Я двигался по дороге обычным шагом. Кармина Смок вышла из своего дома и поздоровалась со мной. Поскольку я не желал, чтобы она что-то заподозрила, я остановился и ответил на приветствие. Увидев в моей руке флэфтер, она спросила, не слишком ли сейчас позднее время года, чтобы рыхлить землю. Я, не задумываясь, ответил, что собираюсь расчистить участок позади дома Лаклана Брода, где будет поставлена ограда. Легкость, с которой эта ложь слетела с моих губ,

убедила меня, что мой проект ожидает успех. Кармина Смок сказала, что ничего не слышала о новой ограде, но больше ни о чем не расспрашивала. Я пожелал ей доброго утра и пошел по деревне дальше. Я чувствовал, что она за мной наблюдает, но не оглядывался, потому что боялся показаться человеком, которому есть что скрывать. Идя мимо последних домов, я больше ни с кем не разговаривал.

Я испытал нечто похожее на старую тревогу, которую чувствовал всегда, вторгаясь на территорию Маккензи. В голове моей мелькнуло воспоминание о случае с воздушным змеем, и сердце мое забилось чаще. Возле дома Бродов я помедлил и оперся о рукоять флэфтера, словно оценивая предстоящую мне работу — в некотором роде так оно и было. На крышу дома села ворона. Маленький Донни Брод возился в грязи в нескольких ярдах от порога. Он прищурился на меня, и я поздоровался с ним, как обычно. Тогда малец вернулся к своей невинной игре. Я оглянулся на деревню. Кармина Смок исчезла. Несколько человек согнулись над своими посевами, понятия не имея о том, что вот-вот должно было произойти. Тонкая струйка дыма поднималась из трубы дома Бродов. Я шагнул мимо Донни

Брода в дверь.

В доме было сумрачно, и прошло несколько мгновений, прежде чем глаза мои привыкли к полумраку. Солнце отбрасывало на земляной пол прямоугольник света, и на этом прямоугольнике появилась тень моих ног. Флора чистила у стола картошку и клала ее в кастрюлю с водой. Когда я шагнул в дом, она подняла глаза от своей работы. Похоже, ее испугало мое появление, и она спросила, что я здесь делаю. На ее лбу блестел легкий пот; она подняла правую руку, чтобы откинуть упавшую на лицо прядь волос. Я не сумел придумать никакого поручения, которое могло бы меня сюда привести, и не видел причин лгать, поэтому ответил, что пришел, чтобы убить ее отца. Флора положила картофелину, которую чистила, и сказала, что это не смешно. Наверное, я мог бы притвориться, что просто пошутил, но я этого не сделал, — и с того момента мои поступки стали предопределены.

Я спросил, где ее отец. Флора широко распахнула глаза и несколько раз коротко выдохнула. Я сделал пару шагов в комнату. Она отодвинулась к дальнему концу стола, теперь оказавшегося между нами, и сказала, что я должен уйти, прежде чем ее отец вернется и я попаду в ужасную беду. Я

ответил, что я уже в ужасной беде, и во всем этом виноват ее отец. Флора сказала, что я ее пугаю. Я ответил, что мне жаль, но даже если б я захотел, чтобы все пошло по-другому, этому не бывать.

Потом совершенно внезапно Флора метнулась влево и побежала к двери. Когда она пробегала мимо конца стола, я размахнулся флэфтером и попал ей по коленям. Она рухнула боком на пол, как марионетка, у которой перерезали ниточки. Удар, наверное, ошеломил ее, потому что она не вскрикнула и не издала ни звука, если не считать тихих всхлипываний. Я положил свои инструменты и наклонился над ней. Подняв ее юбки, увидел, что ее колено выгнуто под неестественным углом. Глаза Флоры дико метнулись по сторонам, как глаза животного, попавшего в западню. Мгновение я гладил ее по голове, чтобы успокоить, а потом, не желая, чтобы она страдала, взял флэфтер, встал над ней — мои ноги находились по обе стороны от ее бедер, — поднял инструмент над головой и, вспомнив барана в торфяном болоте, тщательно прицелился. Флора не сделала попытки шевельнуться, и я с силой опустил лезвие на ее голову. Благодаря своему весу лезвие прошло сквозь кость так, будто та была не толще яичной скорлупы. Несколько

мгновений руки и ноги Флоры подергивались, потом она затихла, и я был рад, что обошелся единственным ударом.

Я отступил от тела и несколько мгновений осматривал его. Юбки Флоры перепутались вокруг ее ног, руки вытянулись по бокам, и, если б не раскроенный череп, могло бы показаться, что ее поразил удар молнии. Поскольку тело Флоры не освещалось светом из окна, о нее мог споткнуться любой, кто вошел бы в дом. Чтобы этого не случилось, я прислонил флэфтер к стене и перенес ее к столу, где она недавно чистила картошку. Флора не была тяжелой, но, когда я ее поднял, много чего выплеснулось из ее затылка на пол. Я положил ее на спину — ноги ее свисали с края стола — и при этом опрокинул котелок, куда она складывала картофелины. Вода лужей растеклась по полу. Собрав картошку, я сложил ее обратно в котелок. Потом снова взял флэфтер и, все еще сжимая в руке кроман, шагнул в темноту у дальней стороны двери, чтобы спрятаться.

Спустя несколько минут на пороге появился Донни Брод. Он позвал сестру, но, конечно, не получил ответа. Малец шагнул в комнату и увидел ноги Флоры, свисающие с края стола. Донни заковылял к ней, но поскользнулся в том, что

вытекло из ее черепа, и упал на пол лицом вниз. И начал плакать. Я шагнул вперед и ударил его по голове флэфтером. Я не желал маленькому мальчику зла, но не мог допустить, чтобы он поднял тревогу. Я не знал, убил я его или просто оглушил, потому что ударил вполсилы, но он затих, и некоторое время спустя я решил, что Донни, должно быть, мертв. Я оставил его лежать там, где он упал, и шагнул глубже в тень.

Не знаю, сколько времени я там оставался. Прямоугольник солнечного света медленно вытягивался на полу, как будто его тянула за угол невидимая нить. Я начал тревожиться. Было бы печально убить Флору и мальчика напрасно.

Вскоре я услышал, как рядом с домом залаяла собака, и это оказалось предвестием появления Лаклана Брода. Он возник на пороге, и его огромная фигура полностью погасила пятно солнечного света, которое ползло по полу. Я не знаю, остановился ли он потому, что в комнате было полутемно, или потому, что увидел перед собой тела. Поскольку он стоял спиной к свету, я не мог рассмотреть выражение его лица. В любом случае спустя несколько мгновений он сделал три или четыре шага туда, где на земле лежал его сын. Там опустился на колени, перевернул

тело и, увидев, что мальчик мертв, окинул комнату диким взглядом. Я оставался в тени, не смея дышать. Потом он встал и двинулся к столу, на котором лежало тело Флоры. Увидев, что она тоже покинула этот мир, он приложил кулак ко рту и издал приглушенный крик, похожий на крик убиваемого животного. Лаклан Брод уперся обеими руками в стол, широко расставив ноги. Тело его содрогалось от мощных всхлипываний, но потом он взял себя в руки, оттолкнулся от стола, повернулся и сделал два-три шага к двери. И тут я вышел из тени — и он остановился.

Нас разделяло не больше трех шагов. Меня поразило, насколько он огромный, и у меня возникли мрачные опасения — в силах ли я уложить его так, как уложил остальных. Казалось, он не сразу понял, кто перед ним стоит. Потом выпрямился во весь рост и спокойно спросил:

— Это ты сделал, Родди Черный?

Я ответил, что да и что я пришел, чтобы убрать его из этого мира в отместку за страдания, причиненные моему отцу. Он сделал шаг вперед и ринулся на меня. Не думая, я отставил правую ногу и сделал выпад флэфтером. Лезвие попало Броду в бок, но вес нес его вперед, и мы оба рухнули на пол. Я продолжал сжимать инструменты

и, размахнувшись зажатым в правой руке кроманом, попал ему плашмя в висок. Он поднес руку к этому месту, встал и испустил оглушительный рев. Я испугался, что лишь взбесил его и у меня не хватит сил, чтобы его одолеть. Я отполз назад и встал. Лаклан Брод огляделся по сторонам, возможно, надеясь найти какое-нибудь оружие.

Я побежал на него, размахивая флэфтером. Однако на сей раз он предугадал мой удар и поднял руку, чтобы его парировать; схватился за черенок ниже лезвия и вырвал флэфтер у меня из рук. Несколько мгновений Лаклан Брод дико смотрел на меня. Тонкая струйка крови сочилась из раны на его виске. Он держал флэфтер в двух мясистых кулаках, направив лезвие на меня, а потом ринулся перед. Я шагнул в сторону, и инерция пронесла его мимо. Он неуклюже развернулся, возможно, ошеломленный полученным раньше ударом. Теперь я стоял спиной к двери и понимал, что могу сбежать, но не сделал этого, потому что не хотел уходить, не добившись своей цели.

Лаклан Брод снова ринулся на меня. Я вспомнил тот день, когда я был маленьким мальчиком и вол Кенни Смока, взбесившись, понесся через деревню — понадобилось шесть человек, чтобы его усмирить. Когда Брод размахнулся флэфтером,

я шагнул внутрь траектории замаха и, протянув левую руку над его плечом, ударил его кроманом по затылку. Лезвие не пробило череп, но удара хватило, чтобы швырнуть его на колени. Он выронил флэфтер, оглушенный, упал на четвереньки, да так и остался стоять. Я шагнул за него и встал над ним так, будто оседлал гаррона. Потом поднял кроман и, стремясь без дальнейших промедлений покончить с этим делом, опустил оружие обеими руками. Удар швырнул Лаклана Брода плашмя на пол, но не пробил кость, и меня поразила прочность человеческого тела. Он лежал на полу лицом вниз; грудь его ходила ходуном, как у выброшенной на берег рыбы. Теперь у меня было время как следует прицелиться, и, когда я опустил оружие в следующий раз, лезвие вошло в череп с неприятным звуком — как будто сапог засосало в торфяное болото. Понадобилось некоторое усилие, чтобы вытащить лезвие из головы. Руки Брода подергивались по бокам от туловища, но я не мог сказать, дышит ли он еще. Тем не менее я нанес последний удар обухом кромана, на этот раз полностью размозжив ему череп.

Потом я отошел от тела и осмотрел дело своих рук. Кровь стучала у меня в висках, я был

совершенно ошеломлен, но чувствовал удовлетворение оттого, что успешно завершил свой проект. Для стороннего наблюдателя сцена в доме должна была выглядеть просто ужасающей, и, признаю, мне пришлось отвести глаза от мертвого ребенка.

Только теперь я заметил старую миссис Маккензи в мягком кресле в темной задней части комнаты. Она сидела совершенно неподвижно, и я задался вопросом, не покинула ли и она этот мир. Лицо ее ничего не выражало, и я подумал, не свихнулась ли она и сознает ли, что ее окружает. Я слышал много историй о стариках, которые имели обыкновение звать давно умерших людей или терялись в нескольких ярдах от собственной двери.

Я приблизился к старухе, все еще держа кроман в правой руке. Глаза ее слезились и метались туда-сюда, возможно, из-за страданий при виде сцены, свидетельницей которой она только что стала. Я поднес левую руку к ее лицу и подвигал ею, но старуха никак не отреагировала.

Расправляться с ней у меня не было причин. Если не считать того, что она привела в наш мир Лаклана Брода, эта женщина не сделала мне ничего плохого. Она отвечала за дела своего

сына не больше, чем мой отец — за мои дела. Я выполнил задуманное, и, поскольку не собирался отказываться от ответственности за свои поступки, убивать ее не видел смысла. В любом случае, предать смерти беспомощную старуху было бы безжалостным, и у меня не хватило на такое духу.

Медицинские заключения

относительно жертв, составленные Чарльзом Макленнаном, доктором медицины, проживающим в Джинтауне, и Дж. Д. Гилхристом, хирургом из Кайл-оф-Лахлаша.

Эпплкросс, 12 августа 1869 года

По просьбе Уильяма Шоу, эсквайра, шерифа, и Джона Адама, эсквайра, прокурора, мы обследовали сегодня тело Лаклана Маккензи, сорока одного года, арендатора и деревенского констебля Калдуи, графство Росс. Тело продемонстрировали нам в сарае его соседа, мистера Кеннета Мёрчисона, куда, по свидетельству мистера Мёрчисона, его перенесли вскоре после обнаружения. Тело лежало на столе и было укрыто мешковиной.

Лицо жертвы было сильно обесцвечено и покрыто большим количеством запекшейся крови. Правая сторона лица от скулы до виска оказалась полностью раздроблена, нос сломан. Задняя часть черепа была полностью раздроблена, и в ней недоставало кусков кости и большого количества церебрального вещества. Мистер Мёрчисон сооб-

щил, что части черепа и церебральное вещество собрали с пола дома, в котором наступила смерть, и поместили в чашку. Эту чашку мы исследовали и обнаружили, что содержащиеся в ней фрагменты кости совпадают с отсутствующими в черепе. Наружное ухо с правой стороны было почти полностью оторвано. На оставшихся частях черепа фрагменты кости были вдавлены в церебральную ткань. По нашему мнению, ранения нанесли тяжелым тупым предметом или инструментом, с огромной силой.

На груди было много синяков, особенно на левой стороне грудины. Рана шести дюймов в поперечнике пронзила кожу между нижними ребрами, и мы обнаружили, что два из них сломаны. Внутренние органы остались нетронутыми. Рану, по нашему суждению, нанесли широким тупым лезвием, согласующимся с флэфтером, который принесли с места происшествия и показали нам.

На левой части правого предплечья в шести дюймах ниже локтя был большой синяк. На ладонях обеих рук имелось несколько небольших разрезов, в них воткнулось несколько деревянных щепок. Четвертый палец на левой руке был сломан.

На остальных частях тела не обнаружилось видимых повреждений.

Мы неоспоримо убеждены, что удар или удары, нанесенные по задней части черепа, повлекли за собой немедленную смерть и послужили ее причиной.

Заверено душой и совестью,
Чарльз Макленнан, доктор медицины
Дж. Д. Гилхрист

*** * ***

Эпплкросс, 12 августа 1869 года

По просьбе Уильяма Шоу, эсквайра, шерифа, и Джона Адама, эсквайра, прокурора, мы сегодня обследовали тело Флоры Маккензи, пятнадцати лет, дочери Лаклана Маккензи, жительницы Калдуи, графство Росс. Тело продемонстрировали нам в сарае соседа, мистера Кеннета Мёрчисона, куда останки перенесли с места смерти. Тело лежало на носилках и было укрыто погребальной тканью.

Задняя часть черепа была полностью вдавлена внутрь, и фрагменты кости глубоко проникли в мягкие ткани. Волосы оказались покрыты большим количеством запекшейся крови. Черты лица

остались нетронутыми. По нашему мнению, череп повредили единственным ударом, нанесенным тяжелым предметом или инструментом, которым орудовали с огромной силой.

Мы нашли несколько разрывов и синяков в нижней части живота. Мягкие внешние части были полностью разрушены, лобковая кость сломана с левой стороны.

Левая нога оказалась раздроблена в колене, всю внешнюю часть колена покрывали синяки. Мы пришли к выводу, что ранение нанесли сильным ударом с помощью предмета, согласующегося с показанным нам флэфтером, что лишило жертву возможности передвигаться.

На других частях тела не обнаружено видимых повреждений.

Мы неоспоримо убеждены, что удар, нанесенный по задней части черепа, послужил причиной смерти, хотя не можем сказать, наступила смерть немедленно или нет.

Заверено душой и совестью,
Чарльз Макленнан, доктор медицины
Дж. Д. Гилхрист

* * *

Эпплкросс, 12 августа 1869 года

По просьбе Уильяма Шоу, эсквайра, шерифа, и Джона Адама, эсквайра, прокурора, мы сегодня обследовали тело Дональда Маккензи, трех лет, сына Лаклана Маккензи, жителя Калдуи, графство Росс. Тело продемонстрировали нам в сарае соседа, мистера Кеннета Мёрчисона, куда останки перенесли с места смерти. Тело лежало на детской кровати и было покрыто погребальной тканью.

На черепе наблюдался большой синяк от виска до уха. Череп в этих местах был вдавлен внутрь, хотя кость не была раздроблена. Кожа вокруг синяка была разорвана, и из разрыва просочилось и запеклось некоторое количество крови.

На других частях тела не обнаружилось видимых повреждений.

Скорее всего, удар по черепу нанесли тяжелым тупым предметом, согласующимся с показанным нам флэфтером, хотя и не с такой силой, как в случае ранений, найденных на телах Лаклана Маккензи и Флоры Маккензи. Однако такое ранение могло появиться и вследствие неловкого

падения на твердую поверхность.

Мы неоспоримо убеждены, что это ранение послужило причиной смерти, но о происхождении ранения можем только гадать.

Заверено душой и совестью,
Чарльз Макленнан, доктор медицины
Дж. Д. Гилхрист

«Путешествия по пограничным землям безумия» Дж. Брюса Томсона

Джеймс Брюс Томсон (1810–1873) был хирургом в общей тюрьме Шотландии в городе Перт. Находясь на этой должности, он обследовал около 6000 арестантов и считался признанным авторитетом в недавно возникшей криминальной антропологии. В 1870 году опубликовал в журнале «Психиатрия» две влиятельные статьи — «Психология преступников: исследование» и «Наследственная природа преступления». Его мемуары «Путешествия по пограничным землям безумия» были опубликованы посмертно в 1874 году.

Я прибыл в Инвернесс 23 августа 1869 года и провел ночь в гостинице, где познакомился с мистером Эндрю Синклером, адвокатом юного арендатора, обвиненного в убийстве своих соседей. Мистер Синклер написал мне, желая выслушать мнение выдающегося в стране авто-

ритета в подобных делах, относительно того, в здравом ли уме его клиент. Никто из нас не может остаться полностью глухим к таким призывам к нашему тщеславию, и, поскольку в деле имелось несколько интересных черт, в особенности предполагаемый интеллект преступника, я согласился и приехал из Перта, как только позволили мои обязанности.

С самого начала я не обнаружил в мистере Синклере особой широты ума, которой вряд ли стоило ожидать, учитывая ограниченные возможности бесед с образованными людьми в таком медвежьем углу, как Инвернесс. Он был совершенно несведущ в современных воззрениях в области криминальной антропологии, и бóльшую часть вечера я описывал ему последние открытия моих континентальных коллег в этой дисциплине[34]. Естественно, ему не терпелось поговорить о своем клиенте, но я вынудил его молчать, желая прийти к собственным выводам. Пусть я буду недостаточно информирован, зато не обременен мыслями, ведущими к преждевременным умозаключениям.

---

[34] Примечания: 34

Речь идет прежде всего об основоположниках криминальной антропологии, итальянских криминологах, наиболее видным из которых являлся врач-психиатр Ч. Ломброзо (1835–1909). — *Прим. ред.*

На следующее утро я вместе с мистером Синклером проследовал в тюрьму Инвернесса, чтобы осмотреть заключенного, и, опять-таки, велел адвокату не разговаривать со своим клиентом прежде, чем я получу возможность его изучить.

Мистер Синклер вошел в камеру первым — чтобы выяснить, как он сказал, желает ли его клиент меня принять. Мне такой поступок показался из ряда вон выходящим, поскольку я никогда раньше не слышал, чтобы с заключенными советовались насчет того, кто может, а кто не может войти к ним в камеру, но я приписал это недостатку опытности адвоката в подобных делах. Мистер Синклер пробыл в камере несколько минут, после чего сообщил тюремщику, что меня можно впустить.

С самого начала я заметил совершенно необычные отношения между адвокатом и его клиентом. Они беседовали друг с другом не как юрист-профессионал и преступник, а скорее как два уговаривающихся о чем-то знакомых. Тем не менее диалог между ними дал мне возможность понаблюдать за заключенным прежде, чем я должным образом приступил к обследованию.

Мои первые впечатления о Р.М. не были полностью негативными. По его осанке стало ясно, что

он определенно относится к низшей физической группе, но черты его лица оказались не столь отталкивающими, как у большинства представителей преступного класса, — возможно, потому, что он не дышал тем же отвратительным воздухом, что его городские собратья. Однако он отличался бледным цветом лица, а его глаза, хоть и живые, были близко посажены, с нависшими густыми бровями. Борода у него едва росла — правда, скорее из-за его относительной юности, чем из-за наследственного недостатка. В беседе с мистером Синклером он казался вполне здравомыслящим, но я заметил, что вопросы адвоката часто имели наводящий характер, требуя от заключенного только подтверждения того, что ему подсказывали.

Я отпустил адвоката и в присутствии тюремщика велел заключенному раздеться. Тот сделал это, не протестуя. Он стоял передо мной безо всякого стыда, и я приступил к детальному обследованию его персоны. Рост его был 5 футов 4 дюйма, телосложение — ниже среднего. Грудь его оказалась несоразмерно торчащей (в непрофессиональной терминологии это называлось бы «куриной грудью»), а руки — длиннее средних. Плечи и предплечья были хорошо развиты, без

сомнения, оттого, что он всю жизнь занимался физическим трудом. Ладони, большие и мозолистые, с исключительно длинными пальцами, не имели признаков синдактилии[35] и других уродств. Торс был покрыт волосами от сосков до лобка, но спина и плечи были полностью безволосыми. Пенис большой, хотя в пределах нормы, и тестикулы опущены как положено. Ноги его были тощими, и, когда я попросил его пройтись по камере (правда, на небольшое расстояние), выяснилось, что он передвигается слегка раскачивающейся или неровной походкой, предполагающей асимметрию осанки. Это могло быть следствием перенесенной прежде травмы, но когда я спросил его об этом, заключенный не смог дать никакого объяснения.

Я провел детальный осмотр черепа и лица субъекта. Лоб и брови были большими и тяжелыми, череп — с плоской макушкой и заметно выступающим затылком. Уродливый в целом череп его не отличался от многих других черепов, которые я исследовал, будучи тюремным хирургом.

Уши его оказались намного крупнее средних,

[35] Примечания: 35

Синдактилия — сращение пальцев, наследственный порок. — *Прим. пер.*

с большими плоскими мочками[36]. Что касается лица: глаза, как уже отмечалось, были маленькие и глубоко посаженные, но живые и быстрые; нос торчащий, хотя замечательно прямой; губы — тонкие и бледные; скулы — высокие и выступающие, что, как недавно выяснилось, часто встречается среди преступного племени. Зубы совершенно здоровые, и клыки развиты не сверхъестественно.

У Р.М., таким образом, имелся определенный ряд черт, схожих с чертами заключенных в общей тюрьме (главным образом, уродливый череп, непривлекательные черты лица, «куриная грудь», удлиненные руки и уши). Однако в других отношениях он являлся здоровым и хорошо развитым экземпляром человеческой расы, и, если б кто-нибудь понаблюдал за ним в его естественной обстановке, то не счел бы его инстинктивно представителем преступного класса. С этой точки зрения он представлял собой интересный объект, который мне было любопытно изучать и дальше.

---

[36] Примечания: 36

«Как интересная особенность, это может принести огромную пользу в будущем развитии криминальной антропологии при изучении аналогичных физических черт преступников, не вступавших в близкородственные связи». — *Прим. в подлиннике.*

Я позволил заключенному одеться и задал ему несколько простых вопросов, на которые тот абсолютно не реагировал. Временами казалось, что он меня не слышит или притворяется, что не слышит. Подозреваю, он хорошо сознавал, о чем его спрашивают, но отказывался отвечать по каким-то своим причинам. Однако такая стратегия предполагала, что субъект не являлся полным имбецилом и был способен на кое-какие рассуждения, порочные или нет. Тем не менее я не видел смысла продолжать расспросы, столкнувшись с таким упрямством, и тюремщик выпустил меня из камеры.

Мистер Синклер ожидал снаружи и, как только я вышел, принялся нетерпеливо меня расспрашивать. Он вел себя не как профессионал, а скорее как встревоженный родитель, жаждущий получить сведения о здоровье своего ребенка. Пока мы шли по коридору, я в общих чертах рассказал ему, что обнаружил.

— Но что насчет его душевного состояния? — спросил он.

Я понимал, какой именно ответ жаждет получить от меня адвокат, чтобы подать суду заявление о невменяемости, спасти таким образом своего подзащитного от виселицы и, возможно,

что не менее существенно, приобрести немалую личную славу. Тем не менее в тот момент я отказался высказать свое мнение. Я объяснил, что, будучи человеком науки, я не могу руководствоваться предположениями и догадками. Я сказал, что важны только факты — факты и примеры!

— Ваш подзащитный демонстрирует ряд физиологических характеристик, присущих представителям преступного класса, с которыми я познакомился благодаря своей работе. Однако, хоть у него и имеются некоторые их черты, я не могу сказать, наследственные ли они, не познакомившись с его семьей. Если человек видит в чашке грязную воду, он первым делом должен удостовериться, не загрязнен ли колодец. Если мы обнаружим, что колодец и впрямь загрязнен, это может иметь отношение к тому, несет ваш клиент ответственность за свои дела или не несет.

Мы добрались до конца дурно пахнущего коридора, и в нашей беседе возникла пауза, пока для нас открывали ворота. Мистер Синклер, устрашенный превосходством моих познаний и интеллекта, начал вести себя более почтительно. Мы молча дошли до наружных ворот и, как только нас выпустили, глубоко вдохнули теплый

летний воздух.

Потом я предложил отправиться в гостиницу, поскольку хотел задать адвокату несколько вопросов. Когда мы уселись за столом с закусками, мистер Синклер спросил, что я намерен предпринять. Я ответил, что на следующий день мы снова посетим тюрьму, дабы я мог продолжить обследование заключенного.

— А потом, — сказал я, — мы должны проверить колодец.

Мистер Синклер не понял, что я имею в виду.

— Мы должны, — объяснил я, — нанести визит в Богом забытую лачугу, откуда родом этот негодяй.

— Понятно, — ответил адвокат. Судя по его тону, перспектива такой экспедиции не слишком его привлекала.

— Что вы знаете о подноготной своего подзащитного? — спросил я.

Мистер Синклер сделал большой глоток эля, без сомнения, благодарный, что его попросили предоставить какую-то информацию.

— Его отец — фермер-арендатор с хорошей репутацией. Его мать, уважаемая женщина, умерла в родах около года тому назад. В семье есть — или были — еще трое детей: старшая сестра и близне-

цы намного младше его.

— Вы сказали — «были»?

— Сестру нашли повесившейся в сарае вечером того дня, когда произошли убийства.

Я на мгновение прервал расспросы. Эта информация определенно имела отношение к моему расследованию.

— А раньше сестра была в здравом уме? — спросил я.

— Не могу сказать, — ответил мистер Синклер. — В суматохе, которая поднялась после убийств, ее отсутствие не сразу заметили. Потом стали искать — и нашли, как я уже сказал, в сарае. Коронер не смог установить точное время смерти.

Я медленно кивнул. Самоубийство не говорило ничего хорошего о психологических особенностях этой семьи. К тому же в наши дни, в наш век, если женщина умирает в родах, это, скорее всего, указывает на некую врожденную слабость. Короче, вырисовывалась картина не слишком цветущего и здорового клана.

— А младшие дети?

— Не знаю, — ответил адвокат, медленно качая головой. — Они всего лишь малютки.

— Какие у вас доказательства хорошей репу-

тации отца?

— Только те, которые я узнал из бесед с Р.

— Именно это я и имею в виду, — перебил я. — Уверен, вы согласитесь, что мы не можем принимать на веру слова таких изворотливых и жестоких личностей, как ваш подзащитный. Мы должны попытаться установить объективную правду о его подноготной. Факты и примеры, мистер Синклер! Вот на что мы должны обратить внимание.

Он запротестовал, говоря, что отнюдь не считает своего подзащитного изворотливым, но я отмел его возражения.

— Мы отправимся в этот Калдуи послезавтра. Я договорюсь, чтобы вас отпустили.

Мистер Синклер спросил, может ли он поужинать со мной нынче вечером, но, зная, что в последующие дни мы будем проводить вместе много времени, я отказался. Я послал известие в тюрьму Перта, что буду отсутствовать несколько дней, и написал жене, сообщив ей о том же. Потом внимательно прочитал досье показаний свидетелей и медицинские рапорты, предоставленные мне мистером Синклером, и сделал записи о событиях этого дня.

Я поужинал в своем номере, не желая присоеди-

няться к завсегдатаям общих комнат, слишком остро напоминавших заключенных учреждения, в котором я работал. Еда была совершенно адекватной, и я выпил достаточно вина, чтобы нейтрализовать эффект неудобного матраса и звуки пирушки внизу.

На следующий день я велел мистеру Синклеру заказать для заключенного в местной гостинице побольше еды и бутылку вина. По словам адвоката, он часто предлагал, чтобы его подзащитному приносили оттуда еду, но тот всякий раз отвергал такие предложения. Я сказал, что это происходило не потому, что заключенный не хотел тамошней еды, а потому что он не хотел оказаться в долгу у адвоката. Искренне добрые поступки настолько чужды представителям преступного класса, что неизменно сталкиваются с подозрением. Однако вынужден признаться, мое предложение было сделано не по доброте душевной. Достоверно установлено, что голод может пробудить в заключенном беспокойство, раздражение и даже агрессию. А я желал, чтобы к моему появлению Р.М. пребывал в состоянии вялости, вызванном поглощением обильной пищи, отчего его умонастроение будет более благоприятным для расспросов. Еду должны были

доставить к полудню, и я договорился встретиться с мистером Синклером в тюрьме в час дня. По моим расчетам, к тому времени пища уже окажет должный эффект.

Я прибыл в тюрьму чуть раньше условленного времени, потому что хотел сначала задать несколько вопросов тюремщику. Я желал это сделать в отсутствие моего компаньона-юриста, поскольку, по моему отнюдь не малому опыту, занятые примитивным трудом люди склонны питать верность первому встречному образованному человеку, как осиротевший ягненок привязывается к первому же работнику, который его накормит.

Тюремщик полностью соответствовал низшему физическому типу — такие люди часто работают в тюрьмах и психиатрических лечебницах нашей страны. Он был среднего роста, но крепкого телосложения, с могучими плечами и предплечьями, с красным испитым лицом, с отчасти деформированным черепом, с большими оттопыренными ушами. Его темные жесткие волосы росли от самого лба, а на щеках так же густо росли бакенбарды. Лицо его было крайне глупым и бессмысленным — подобное выражение превалирует у тех, кто находится по другую сторону

двери камеры, и я бы ничуть не удивился, если бы встретил его там. *Sans doute*[37], он полностью подходил к своей профессии, но, выполняя текущую миссию, я не нуждался в его смекалке или интеллекте; у него имелась пара глаз — именно их я и хотел использовать.

Тюремщик не выказал никакого удивления, когда я сообщил, что не желаю немедленно войти в камеру заключенного. Эта разновидность людей почти полностью живет настоящим; они мало думают о прошлом и не переносятся мыслями в будущее, поэтому не способны ничему удивляться. Точно так же они не способны испытывать скуку и, таким образом, хорошо подходят для неквалифицированного монотонного труда.

Я отвел тупицу в конец коридора, чтобы нас не подслушал предмет нашей беседы. Сперва я выяснил, что Р.М. находится под наблюдением тюремщика со времени своего прибытия и что надзиратель отвечает за то, чтобы приносить заключенному еду, убирать его фекалии и периодически наблюдать за ним через дверной глазок. Он отвечал на мои вопросы с трудом, и я часто перефразировал их, чтобы меня поняли.

---

[37] Примечания: 37
Таким образом (*фр.*).

Потом я задал ряд вопросов, касающихся поведения заключенного, и привожу здесь суть полученных мною ответов.

Заключенный не слишком много спал, все время был начеку и сознавал, что его окружает. Он ел с большим аппетитом и не жаловался ни на количество, ни на качество еды. Не протестовал он и против холода или жары в своей камере, не требовал лишних одеял или других предметов. Он никогда не расспрашивал, здорова ли его семья, и совсем не интересовался внешним миром. Короче, между этими двумя людьми не происходило значительных бесед. У Р.М. имелось разрешение в любое время писать на листах, лежащих на его столе, но тюремщик не выражал никакого интереса к их содержимому. Он ни разу не видел и не слышал, чтобы заключенный буйствовал или выкрикивал что-нибудь, словно находясь в плену галлюцинаций. По ночам Р.М. крепко спал, его как будто не тревожили дурные сны или ночные видения.

В конце нашего разговора я вложил в руку надзирателя шиллинг. Несколько мгновений он тупо смотрел на него, потом безмолвно сунул в карман своего засаленного жилета.

В это мгновение появился мистер Синклер и

был, похоже, крайне удивлен, обнаружив, что я беседую со звероподобным тюремщиком. Ему явно не пришло в голову использовать этого индивидуума (несмотря на ограниченный интеллект последнего) подобным образом — прямо под носом у заключенного. Без сомнения, как и большинство его собратьев-юристов, адвокат предпочитал уликам предположения и догадки. Я не видел никаких причин объяснять ему свои поступки, а у него не хватило духу меня расспрашивать.

Когда мы вошли в камеру, Р.М. стоял спиной к дальней от двери стене, и я заподозрил, что, несмотря на принятые мной предосторожности, разговор в коридоре насторожил его, дав знать о нашем присутствии. Поскольку у мистера Синклера установилась с заключенным некоторая взаимосвязь, я позволил ему войти в камеру первым и помалкивал, пока он отпускал какие-то нелепые шутливые замечания. Я сразу заметил, что поднос с едой, затребованной мною из гостиницы, лежит на полу рядом с письменным столом. Миска, в которой, по-видимому, принесли какой-то суп, была пуста, но тарелка баранины с картошкой осталась нетронутой. Осталась неоткупоренной и бутылка вина.

Я дружески спросил Р.М., почему он не закончил такую обильную трапезу, и тот ответил, что не привык к роскошной еде и съел вполне достаточно. Потом добавил: если я голоден, то могу доесть оставшееся, — предложение, которое я вежливо отклонил. Мистер Синклер объяснил, что я хочу задать несколько вопросов, и, если заключенный ответит на них исчерпывающе и правдиво, это принесет ему огромную пользу. Р.М. ответил, что не видит тут для себя никакой пользы, но ответит на любой заданный ему вопрос, если это доставит удовольствие мистеру Синклеру. Я уселся на стул рядом с письменным столом и попросил заключенного сесть на его койку, что тот и сделал. Мистер Синклер встал спиной к двери, сложив руки на животе.

Улик, которые я пока собрал — от проведенного медицинского осмотра до беседы с тюремщиком, — все еще было недостаточно, чтобы решить, в здравом уме обвиняемый или нет, а также несет ли он моральную ответственность за совершенные им преступления. По многим пунктам он соответствовал мрачной процессии имбецилов, ежедневно находящихся на моем попечении, но по другим пунктам, таким, как общая живость и способность направить свою энергию на

выполнение поставленной задачи, — не соответствовал. Я ни на мгновение не поверил, что на страницах, которые он, казалось, так прилежно писал, есть что-то, кроме тарабарщины и бреда, но тот факт, что он занимается подобным делом, сам по себе заслуживал внимания. За время своей долгой работы с преступным классом я ни разу не встречал субъекта, способного на какое-либо эстетическое восприятие, а еще меньше — на создание любого литературного или художественного произведения. Литературные амбиции среднего заключенного не простираются дальше выцарапывания вульгарных фраз на стене его камеры. Человек науки поневоле должен идти в ногу с теориями и прецедентами избранной им научной области, но не должен позволять этим теориям затмевать свидетельства собственных глаз, а также отметать как отклонение от нормы или нечто незначительное то, что не соответствует его ожиданиям. Каким бы новым и поразительным ни был любой факт, его следует честно рассмотреть. Как заявил мистер Вирхов: «Мы должны принимать вещи такими, какими они являются в действительности, а не такими,

какими мы желали бы, чтобы они являлись»[38].

Было совершенно ясно, что Р.М. не буйный маньяк, не безумец, какими рисует их народное воображение. Но, как обоснованно доказал мистер Причард[39] и другие, существует и иная разновидность безумия: *нравственное помешательство*, допускающее ужаснейшие извращения естественных побуждений, эмоций и привычек без сопутствующего нарушения интеллекта и способности к рассуждению.

Судя по тому, что я наблюдал до сих пор, Р.М. явно демонстрировал определенную степень смышлености — смышлености, которая, по всей вероятности, служила лишь обману и злым целям, но тем не менее отличала его от выродившегося экземпляра. Именно чтобы исследовать, до какой степени заключенный способен к рассуждениям, я и приступил к своему допросу.

Для того чтобы поощрить иллюзию, будто мы просто беседуем друг с другом, я в тот момент ничего не записывал, и данный отчет основан

---

[38] Примечания: 38

Рудольф Вирхов (1821–1902) — немецкий ученый, известный как «отец современной патологии». — *Прим. авт.*

[39] Примечания: 39

Джеймс Коулс Причард «Трактат о безумии и других умственных расстройствах» (1835). — *Прим. авт.* Джеймс Коулс Причард (1786–1848) — английский психиатр. — *Прим. пер.*

на записях, сделанных мною по памяти после возвращения в гостиницу.

Сперва я сказал Р.М., что меня интересует литературный проект, за который он взялся. Он ответил, что пишет эти страницы лишь потому, что их велел писать мистер Синклер. Я ответил, что такое объяснение не соответствует увлеченности, с какой Р.М. выполняет свою задачу. Тогда заключенный обвел рукой камеру и сказал:

— Как видите, сэр, помимо этого, здесь мало развлечений.

— Итак, вы пишете ради развлечения? — спросил я.

Р.М. не ответил. Он сидел на скамье прямо, устремив взгляд в стену перед собой, а не на собеседника. Тогда я сказал, что хотел бы задать ему кое-какие вопросы относительно дел, которые его сюда привели. Его маленькие глазки сразу метнулись ко мне, но помимо этого его манера держаться не изменилась.

— По словам мистера Синклера я понял, что вы не отрицаете своей ответственности за те преступления, — сказал я.

— Не отрицаю, — ответил он, не отрывая взгляда от стены перед собой.

— Могу я спросить, что заставило вас совер-

шить столь жестокие поступки?

— Я хотел избавить своего отца от несчастий, от которых тот в последнее время страдал.

— От каких именно несчастий?

Тогда Р. М. описал несколько тривиальных разногласий, случившихся за последние месяцы между его отцом и убитым.

— И вы чувствовали, что из-за этих инцидентов вправе предать мистера Маккензи смерти?

— Я не видел никакого иного выхода, — сказал Р.М.

— И вы не смогли найти в вашей общине каких-нибудь властей, послуживших бы посредниками в таких делах?

— Мистер Маккензи и был властью в нашей общине.

— Вы кажетесь умным молодым человеком, — сказал я. — Разве вы не могли разрешить разногласия, урезонив мистера Маккензи?

Услышав мое предположение, Р.М. улыбнулся.

— Вы когда-нибудь пытались урезонить мистера Маккензи?

— Нет.

— Почему?

— Если б у вас была возможность познакомиться с мистером Маккензи, вы бы не задавали таких

вопросов.

— Вы убили мистера Маккензи по приказу своего отца? — спросил я.

Р.М. устало покачал головой.

— Вы обсуждали с кем-нибудь ваш план?

— Я бы не сказал, что у меня был план, — ответил он.

— Но вы явились в дом мистера Маккензи вооруженным. Вы должны были задумать что-то с ним сделать.

— Да.

— Значит, это наверняка можно назвать планом, разве не так?

Я задал вопрос любезным тоном, как будто мы просто по-дружески обсуждали интересующий нас обоих предмет. Я не хотел настраивать заключенного против себя, выглядя так, будто я пытаюсь доставить ему неприятности.

— Я отправился в дом мистера Маккензи с намерением его убить, но я бы не сказал, что у меня был план.

Я притворился озадаченным проведенным им разграничением и попросил объяснить, что он имеет в виду.

— Я просто имею в виду, что, хотя у меня было намерение, — Р.М. особенно подчеркнул послед-

нее слово, как будто он, а не я разговаривал с нижестоящим, — расправиться с ним, я не формулировал плана как такового. Я отправился в дом мистера Маккензи вооруженным лишь для того, чтобы посмотреть, что случится, если я так поступлю.

— Итак, вы полагаете, что не несете полной ответственности за смерть мистера Маккензи, поскольку она была до некоторой степени случайностью.

— С тем же успехом вы можете назвать случайностью все происходящее в этом мире, — ответил заключенный.

— Но разве случайность вложила в ваши руки кроман и привела вас к двери дома мистера Маккензи?

— Случайностью было то, что я держал в руке кроман перед тем, как отправиться туда.

— А второе оружие…

— Флэфтер, — перебил мистер Синклер.

— Не случай же вложил флэфтер в вашу руку, — продолжал я.

Р.М. ответил скучающим тоном:

— Флэфтер стоял, прислоненный к стене нашего дома.

— Тем не менее вы его взяли, — настаивал я. —

А не случай вложил его в вашу руку.

— Да.

— Потому что у вас был план убить мистера Маккензи.

— Я и вправду хотел, чтобы мистер Маккензи умер от моей руки. Если вы желаете называть это планом, воля ваша. Я же просто хотел позаботиться о том, чтобы мое предприятие имело все шансы на успех.

Я глубокомысленно кивнул, услышав такую пародию на логику.

— И вы были довольны достигнутым успехом?

— Я не был им недоволен, — сказал Р.М.

— Но вы не можете быть довольны тем, что вас посадили в эту камеру.

— Это не имеет никакого значения, — заявил он.

— Вы понимаете, что ваши поступки и то, что вы о них говорите, скорее всего, приведут вас на виселицу?

На это Р.М. ничего не ответил. Я не мог понять, было ли его скромное поведение напускным, или же результатом неуместной бравады. В тот момент я не мог понять также, являются ли его сухие прозаические ответы совершенно искренними или он отвечает так, решив выглядеть совер-

шенно безумным, поскольку полагает — если он открыто призна́ется в столь зверских поступках, его объявят невменяемым.

Потом я перешел к другим жертвам нападения Р.М.

— Вы заявили, что хотели убить мистера Маккензи, и я понимаю, что, с вашей точки зрения, вы имели право так поступить, но убить юную девушку и ребенка — совершенно другое дело. Вы таили какую-то обиду также на Флору и на Дональда Маккензи?

— Нет.

— Тогда предать их смерти — просто чудовищно, — сказал я.

— Я сделал это лишь по необходимости, — ответил Р.М.

— По необходимости? — переспросил я. — Разве у такого сильного молодого человека не было возможности сдержать юную девушку и маленького мальчика?

— Если судить задним числом, может показаться и так. Будь у меня план, как вы его называете, может, мне и удалось бы это сделать. А так — все просто случилось, как случилось.

— Итак, чтобы добиться своей цели и убить мистера Маккензи, вы готовы были убить двух

людей, которые даже в ваших глазах были совершенно невинны.

— Я не собирался их убивать, — ответил он, — но у меня не оставалось выбора.

— Вы действовали лишь по необходимости?

Заключенный пожал плечами, как будто начал уже уставать ублажать меня.

— Если вы желаете выражаться именно так — тогда да, я убил их по необходимости.

Тут я вынул из своей сумки медицинские рапорты, весьма компетентно составленные местным практикующим врачом, в которых в деталях описывались ранения жертв. Я зачитал заключенному параграф, описывающий ранения Флоры Маккензи, слишком непристойные, чтобы доверить их этим страницам.

— То, что здесь описано, выглядит намного превосходящим требования необходимости, — сказал я.

До сих пор Р.М. сидел на кровати совершенно неподвижно, вперив взгляд в стену камеры. Однако, когда он услышал отчет о нанесенных им ранах, его глаза быстро забегали, а руки, до сих пор покоившиеся на коленях, начали теребить штаны.

— Вы можете объяснить, почему сочли необхо-

димым нанести такие ранения? — спросил я все еще ровным и даже дружеским тоном.

Краска отхлынула от щек узника. Часто случается, что даже заключенные, способные контролировать свои устные заявления, не могут подавить физические проявления тревоги. Р.М. обвел взглядом камеру, будто ища ответа на мой вопрос.

— Я не помню, чтобы наносил такие раны, — несколько мгновений спустя ответил он тише, чем раньше.

— Но вы должны были их нанести, — сказал я.

— Да, должен, — ответил он.

Я не чувствовал необходимости в дальнейших настойчивых расспросах, поскольку уже добился своей цели. Вернув бумаги в сумку, я встал, чтобы показать, что беседа закончена.

Мистер Синклер оттолкнулся от стены, к которой прислонялся, и встал по стойке «смирно». Я зна́ком дал понять, что мы готовы уйти, и он велел выпустить нас из камеры. Я распорядился, чтобы тюремщик убрал поднос с едой, принесенный из гостиницы, и не сомневаюсь, что тот без угрызений совести угостился остатками.

* * *

После нелегкого путешествия мы с мистером Синклером прибыли в Эпплкросс вечером 26 августа. Гостиница, где нам предстояло остановиться на ночь, была похвально чистой, с побеленными стенами, простой мебелью и горящим в очаге добрым огнем. Нас встретили гостеприимно, и хорошо сложенная девушка со здоровым цветом лица подала нам рагу из баранины. Местные мужчины были преимущественно смуглыми и низкорослыми, но цветущего вида и без видимых врожденных уродств. Они беседовали на варварском местном языке, поэтому не могу судить, о чем они говорили, однако, несмотря на поглощаемое большое количество эля, они не вели себя распущенно, и, похоже, в доме не было проституток.

Наше присутствие как будто не привлекло особого внимания. Я спросил об этом хозяйку, и та ответила, что в Большой Дом приезжает на охоту множество людей, поэтому для джентльменов совершенно обычное дело останавливаться в гостинице.

При первой же возможности я удалился к себе, оставив моего мистера Синклера в его веселом

окружении, и крепко уснул.

Мы встали рано, и нам подали на завтрак кровяную колбасу, яйца и кружку эля, который мой компаньон с энтузиазмом выпил.

Лодки в Эпплкроссе для нас не нашлось, поэтому нам привели двух пони, и мы двинулись в Калдуи. Утро было солнечным, воздух — бодрящим и свежим. Деревня Эпплкросс находится в приятном месте на берегу укрытого от ветров залива, и дома здесь, хоть и примитивные, — прочной постройки. Несмотря на ранний час, на скамьях возле своих жилищ сидели несколько старух — многим я дал бы за восемьдесят. Некоторые из них попыхивали маленькими трубками, другие вязали. Все они с любопытством смотрели на нас, но ни одна не поприветствовала.

Спустя милю или около того мы проехали через деревню Камустеррач — несколько ветхих лачуг, сгрудившихся у незамысловатой гавани. Деревня может похвалиться простым зданием церкви, прекрасным каменным домом пастора и школой, и последние строения придают этому месту немного пристойности. Ни Эпплкросс, ни Камустеррач — какими бы примитивным они ни были — явно не подготовили нас к той жалкой кучке лачуг, которая представляла собой место

жительства Р.М.

Надо сказать, что короткий путь между Камустеррачем и Калдуи демонстрирует изумительные виды на острова Разей и Скай. Пролив, отделяющий эти острова от материка, красиво сверкает в солнечном свете. Не может существовать контраста больше того, что предстал перед нами, едва мы свернули на дорогу, ведущую в Калдуи. Могу лишь вообразить, как несчастные уроженцы этих мест каждый день отводят взгляды от красоты вокруг, дабы та не напоминала им об убожестве, в котором они обитают.

Большинство домов, если их можно так назвать, построены настолько грубо, что их можно было принять за коровники или свинарники. Они представляли собой нагромождения камней и дерна, увенчанные грубыми соломенными крышами, которые, несмотря на теплый день, исходили торфяным дымом, отчего казалось, что каждый из домов потихоньку тлеет. Когда мы проезжали по улице, работавший на своем поле мужчина замер и открыто вытаращился на нас. Он был приземистым, с густой бородой и совершенно отвратительным лицом.

Только дом на перекрестке деревни мог похвастаться шиферной крышей и выглядел пригод-

ным для обитания. Возле него мы и остановились, чтобы разузнать путь к жилищу мистера М. — отца обвиняемого. У дверей, к моему большому удивлению, нас приветствовала красивейшая женщина, и, не дав нам возможности огласить цель своего визита, пригласила в дом.

Признаюсь, мне было любопытно лично понаблюдать за условиями, в которых живут эти люди, и меня приятно изумил интерьер дома. Пол, хоть и земляной, недавно подмели, и в общем и в целом тут царила атмосфера чистоты. В доме стояла грубая, но прочная мебель, и нас пригласили занять два кресла перед очагом. Мистер Синклер начал было объяснять, что нам необязательно садиться, поскольку мы остановились лишь для того, чтобы спросить дорогу к дому, где живет семья М., но я утихомирил его и сказал, что мы на несколько минут с радостью воспользуемся гостеприимством нашей хозяйки. Поскольку мы проделали большой путь, чтобы разузнать кое-что об общине, породившей Р.М., было бы халатностью не воспользоваться любой возможностью это сделать. Изучение преступного класса не должно сосредотачиваться исключительно на наследственности; следует обращать внимание и на условия, в которых живет выродившаяся лич-

ность. Сама по себе наследственность не может объяснить совершение преступления. Грязный воздух трущоб, голод и повсеместную обстановку аморальности также следует признать факторами, превращающими человека в преступника. Было сделано немало наблюдений над дегенеративными отпрысками, которых забирали из грязных притонов их родителей и воспитывали так, что они вели (в пределах своего ограниченного интеллекта) весьма плодотворную жизнь.

Поэтому я обрадовался шансу узнать немного о источнике, породившем Р.М.

Как только мы представились, миссис Мёрчисон позвала двух своих дочерей, чтобы те подали нам чай, и села рядом с нами у огня. Если забыть про ее простую одежду, я бы не постыдился представить миссис Мёрчисон в гостиной в Перте. У нее были прекрасные черты лица и умные карие глаза, и она держалась с достоинством, предполагавшим, что беседы с образованными людьми ей не в новинку. Ее дочери, которым я дал бы двенадцать-тринадцать лет, двигались с такой же грацией и имели пропорциональные тела и лица. Миссис Мёрчисон объяснила, что ее мужа, каменщика, сегодня нет дома. Я спросил, как она вышла за него замуж, и она рассказала, что они

познакомились в городе неподалеку — Кайл-оф-Лахлаше, где ее отец был торговцем с солидной репутацией. Миссис Мёрчисон избежала огромной глупости прибрежных кланов Шотландии, с помощью непрерывных близкородственных браков увековечивающих свои физические особенности и изъяны.

Чай был подан в китайских чашках вместе с намазанными маслом пшеничными лепешками. Я сделал миссис Мёрчисон комплимент по поводу ее благовоспитанных детей. Она ответила, что у нее есть еще четыре дочери, и я посочувствовал тому, что она, к несчастью, не благословлена сыном.

Потом я объяснил, какое дело привело нас в Калдуи, и спросил ее мнения об обвиняемом. Миссис Мёрчисон уклонилась от ответа, вместо этого заметив, какими трагичными были недавние преступления и какой эффект они оказали на маленькую общину. Я подметил, что миссис Мёрчисон употребила слово «трагичный», и спросил, почему она именно так характеризует эти события.

— Не вижу, как еще их можно описать.

— Мне всего лишь любопытно, — сказал я, — почему вы называете такие дела «трагичными»,

а не, скажем, «злодейскими» или «безнравственными».

Тут миссис Мёрчисон обвела нас взглядом, будто ища подтверждения тому, что может говорить с нами откровенно.

— Если желаете услышать мое мнение, мистер Томсон, — сказала она, — в этих краях, полагаю, слишком много говорят о безнравственности. Судя по разговорам людей, можно подумать, что мы живем в непрерывном разврате.

— Насколько я вижу, такое суждение было бы абсолютно неверным, — сказал я, обведя рукой комнату. — Тем не менее нужно попытаться найти какие-то объяснения действиям вашего соседа.

Тогда миссис Мёрчисон отослала своих дочерей, велев им заняться домашней работой. Когда они ушли, она сказала, что не ей высказываться на эту тему, но она может предположить только одно: когда Р.М. готовился к тем ужасным преступлениям, он был не в своем уме. Тут она попросила прощения за то, что выражает свое мнение, находясь в обществе двух джентльменов, которые знают гораздо больше ее о том, как устроен человеческий разум.

Я отмахнулся от ее слов, сказав, что, хоть я и

изучил огромное множество преступников, но как человек науки ценю факты превыше обобщений и предположений, и нахожусь здесь именно для того, чтобы узнать точку зрения людей, знакомых с обвиняемым.

— Не сомневаюсь, у вас не будет недостатка в тех, кому не терпится высказать о нем враждебное мнение, — сказала миссис Мёрчисон, — но я никогда не видела, чтобы он преднамеренно причинял кому-нибудь зло.

— Вы бы не подумали, что он способен на такие поступки?

— Я бы не подумала, что любой человек способен на такие поступки, мистер Томсон, — ответила она.

Тогда я спросил, известно ли ей, почему Р.М. сделал то, что он сделал. Ей как будто не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Конечно, между мистером Маккензи и мистером М. случались разногласия, — в конце концов сказала она.

— И кто, по-вашему, был виноват в данных разногласиях?

— Полагаю, не мне об этом судить, — ответила она.

— Может, вы не желаете дурно говорить о мерт-

вом? — предположил я.

Миссис Мёрчисон несколько мгновений смотрела на меня. Она воистину была совершенно поразительным созданием.

— Я могу сказать наверняка, что Флора и Дональд Маккензи были в них не виноваты, — наконец ответила она и начала плакать.

Я извинился за то, что расстроил ее. Миссис Мёрчисон вынула из рукава льняной носовой платок и промокнула глаза, идеально имитируя хорошо воспитанную женщину. Поскольку она держала платок под рукой, я пришел к выводу, что сейчас она часто поддается таким взрывам эмоций. Когда она овладела собой, я попросил ее рассказать о характере Р. М. Несколько мгновений миссис Мёрчисон смотрела на меня красивыми карими глазами.

— В общем, он был хорошим человеком, — неопределенно ответила она.

— В общем?

— Да.

— Но не всегда? — настаивал я.

— Все мальчики в возрасте Р. иногда склонны к озорству, разве не так?

— Без сомнения, — согласился я. — Но какого рода озорство вы имеете в виду?

Миссис Мёрчисон не ответила, и меня поразило это странное нежелание говорить дурно о человеке, совершившем такие чудовищные поступки. Поэтому я подумал, что лучше будет задавать более конкретные вопросы.

— Он был склонен к воровству?

Миссис Мёрчисон рассмеялась над таким предположением.

— Вы когда-нибудь слышали, что он жестоко обращается с животными или маленькими детьми?

Над этим предположением миссис Мёрчисон не смеялась, но ответила отрицательно.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы он говорил бессвязно или страдал от галлюцинаций или фантазий?

— Не могу сказать, чтобы слышала, что он говорит бессвязно, — ответила она, — но временами, проходя по деревне или работая в полях, он мог бормотать что-то себе под нос.

— Это бормотание было внятным?

Миссис Мёрчисон покачала головой.

— Он любил держать рот на замке, — она изобразила, что имеет в виду, сомкнув губы, — как будто не хотел, чтобы его подслушали. Если к нему приближались или он видел, что за ним

наблюдают, он замолкал.

— Итак, он должен был сознавать, что делает, — сказал я скорее себе, чем остальным. — Вы когда-нибудь разговаривали с кем-нибудь об этой склонности Р.?

— Мой муж тоже ее заметил и сказал мне.

— Что же именно он сказал?

— Просто поделился своими наблюдениями. Мы не думали, что это важно.

— Тем не менее это было достаточно необычно, чтобы заслужить упоминания.

— Несомненно, — согласилась миссис Мёрчисон и отхлебнула чай из чашки, которую элегантно держала на колене. — Вы должны понять, мистер Томсон, что Р. пережил огромное горе. С тех пор как умерла его мать, вся семья находилась во власти печали, которую больно было видеть, и никак не отзывалась на доброту соседей.

— Итак, вы полагаете, что смерть миссис М. как-то повлияла на характер ее сына?

— Она повлияла на всю семью.

Я кивнул.

— Вы должны также знать, что Джон М. — суровый человек, который… — тут она понизила голос и опустила глаза в пол, как будто стыдилась

того, что собиралась сказать, — …который не выказывал большой привязанности к своим детям.

Потом она добавила, что не хочет говорить о соседе дурно, и я заверил ее в своем благоразумии.

— Вы нам очень помогли, — сказал я. — Как я уже говорил, мы проводим это расследование, руководствуясь чисто профессиональными мотивами. — Я помолчал мгновение, прежде чем продолжить: — Поскольку вы явно женщина, не чуждая просвещения, могу я задать еще один вопрос… слегка деликатного свойства?

Миссис Мёрчисон ответила утвердительно.

— Простите, но вы когда-нибудь слышали, чтобы Р.М. совершал некие непристойные поступки?

На щеках женщины выступил легкий румянец, и она попыталась его скрыть, прикоснувшись рукой к лицу. При виде этого я заподозрил, что она пришла в замешательство не из-за того, на что я намекал, а скорее из-за того, что я задел тему, которую она предпочла бы не обсуждать. Сперва миссис Мёрчисон попыталась уклониться от ответа, спросив, какого рода поступки я имею в виду.

— Если б ответ на мой вопрос был отрицательным, вам явно не пришлось бы просить

подобного разъяснения, — сказал я. — Прошу помнить, что я — человек науки, и отбросить естественную нерешительность.

Миссис Мёрчисон поставила чашку и огляделась, чтобы убедиться, что ее дочерей тут нет. Когда она заговорила, она все время смотрела на земляной пол между нами.

— Наши дочери… Старшей сейчас пятнадцать… Спят в комнате в задней части дома. — Она показала на дверь, которая, по-видимому, вела в ту комнату. — Несколько раз мой муж заставал Р. за их окном.

— Ночью? — спросил я.

— Ночью или рано утром.

— Он наблюдал за вашими дочерями?

— Да.

— Если извините мою бестактность — ваш муж заставал мальчика в состоянии возбуждения?

Теперь краска явно проступила на щеках доброй леди.

— Он занимался онанизмом?

Миссис Мёрчисон слабо кивнула, а потом застенчиво посмотрела на меня. Чтобы развеять ее смущение, я заговорил легким тоном и спросил, что предпринял ее муж. Она ответила, что мальчика строго предупредили, из чего я сделал

вывод, что ему по меньшей мере надавали по ушам.

— Вы сообщили кому-нибудь о его поступках?

Миссис Мёрчисон покачала головой.

— Мы велели нашим дочерям не общаться с Р. и сообщить нам, если он будет вести себя с ними неподобающим образом.

— И он себя так вел?

— Насколько мне известно — нет.

— Эти визиты продолжались? — спросил я.

— Некоторое время, — сказала она. — Но несколько месяцев назад они как будто прекратились. Полагаю, он просто перерос подобные вещи.

Я выразил свое восхищение снисходительной оценкой, которую дала миссис Мёрчисон поведению Р.М., и снова попросил прощения за то, что вынужден говорить с ней о таких вещах. Мы поблагодарили ее за гостеприимство и спросили, где можем найти первопричину нашего визита.

Оставив пони привязанными возле дома Мёрчисонов, мы прошли остаток пути по деревне пешком. Жилище М., находившееся на некотором расстоянии, было самым жалким домом в поселке, напоминающим скорее не дом, а дымящуюся навозную кучу. Плохо ухоженная земля рядом

с ним заросла сорняками. Дверь была открыта, и мы заглянули в комнату. Слева от комнаты находилось то, что выглядело полуразрушенным коровником. В стойлах не было скота, но вонь все равно стояла отвратительная, и немногие сочли бы это место пригодным для человеческого обитания. В очаге не горел огонь, и в комнате было холодно и почти темно.

Мистер Синклер выкрикнул приветствие, на которое не получил ответа. Он шагнул в комнату и повторил приветствие на гэльском. Пара куриц, клевавших что-то с земли, прошмыгнула мимо наших ног. Справа что-то шевельнулось, и наши взоры обратились к человеку, сидевшему на стуле рядом с крошечным отверстием в стене.

— Мистер М.? — спросил мой спутник.

Человек с некоторым трудом встал, сделал к нам пару шагов, тяжело опираясь на узловатую палку, и сказал несколько слов на том языке, на котором к нему обратились. Мистер Синклер ответил, и мужчина приблизился к нам.

Мне редко доводилось видеть столь печальный образчик человеческой расы. Стоя сгорбившись, он казался едва пяти футов ростом. Его борода и волосы были густыми и неприбранными, одежда — рваной. По моему совету мистер Синклер

спросил, не могли бы мы выйти из дома и побеседовать пару минут. Человечек посмотрел на нас с некоторым подозрением и покачал головой, а потом дал понять, что если мы желаем с ним разговаривать, мы должны сесть за стол, стоящий посреди комнаты.

Мы опустились на скамью у стола, испещренного куриным пометом. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я начал рассматривать мистера М. У него были такие же нависшие брови и бегающие глаза, как у его сына. Руки, набивавшие маленькую трубку, — длинные, со скрюченными пальцами, сплюснутыми на кончиках. Я задумался — не спал ли он, когда мы вошли, потому что теперь мистер М. выглядел так, будто стряхнул с себя оцепенение. Тем не менее выражение его лица было недоверчивым, если не откровенно враждебным. Он не предложил нам подкрепиться; не то чтобы я хотел съесть в этой грязной лачуге хотя бы крошку.

Мистер Синклер спросил, может ли мистер М. побеседовать с нами на английском, и дальше мы говорили уже на этом языке. Адвокат в самых простых словах объяснил суть нашей миссии, и меня поразил тот факт, что мистер М. ни разу не спросил о самочувствии сына. Мистер Синклер

начал расспрашивать, как живут младшие дети арендатора. Тот ответил, что их забрали в семью его жены, в Тоскейг.

Потом мистер Синклер принес свои соболезнования насчет смерти его дочери.

Глаза мистера М. стали жесткими.

— У меня нет дочери, — сказал он.

— Я имел в виду вашу дочь Джетту, — объяснил мистер Синклер.

— Такой особы не существует, — сквозь сжатые зубы ответил арендатор.

Реплики моего коллеги, хоть и сделанные с добрыми намерениями, не способствовали улучшению атмосферы за столом.

— Значит, теперь вы совершенно один? — спросил я.

Мистер М. не ответил на этот вопрос, возможно, совершенно резонно решив, что ответ очевиден. Он зажег трубку и запыхтел ею, чтобы она разгорелась. Его глаза все время метались от одного непрошеного гостя к другому.

— Мистер М., — начал я, — мы проделали немалый путь, чтобы с вами поговорить, и я надеюсь, вы будете любезны ответить на кое-какие вопросы о вашем сыне. Важно, чтобы мы попытались понять, в каком умонастроении он находился,

совершая те поступки, в которых его обвиняют.

Выражение лица М. не изменилось, и я задумался — понял ли он хоть что-нибудь из того, что я сказал. Я решил изложить свои вопросы в как можно более простых терминах. Я не слишком рассчитывал узнать что-нибудь интересное, но хотя бы уже выяснил кое-что, наблюдая прискорбные условия, в которых проживал Р.М.

— Вы, несомненно, помните тот день, когда произошли убийства?

Я помолчал в ожидании какого-либо подтверждения и, не получив его, продолжал:

— Вы можете описать, в каком умонастроении пребывал в то утро ваш сын?

Мистер М. шумно пососал черенок своей трубки.

— Человек не больше способен разглядеть что-то в уме другого человека, чем разглядеть что-то внутри камня, — в конце концов сказал он.

Я решил задать более прямой вопрос.

— Был ли ваш сын в общем и в целом счастливого нрава? Был ли он жизнерадостным мальчиком?

Арендатор покачал головой. Я решил, что он не столько отвечает отрицательно, сколько дает понять, что у него нет мнения по данному вопро-

су. Тем не менее это был хоть какой-то ответ, и я слегка приободрился.

— Ваш сын говорил вам о своем намерении убить Лаклана Маккензи? — спросил я.

— Нет.

— Вы получали какие-нибудь намеки на то, что он собирается сделать?

Мистер М. покачал головой.

— Правда ли, что между вами и мистером Маккензи существовали некие разногласия? — не сдавался я.

— Я бы не назвал их «разногласиями», — ответил он.

— А как бы вы их назвали?

Мистер М. некоторое время пристально смотрел на меня.

— Я бы никак их не назвал.

— Но если вы не называете их «разногласиями», должны же вы их как-то называть?

— Почему должен?

— Ну, — самым любезным тоном проговорил я, — если вы хотите о чем-то поговорить, нужно это как-то называть.

— Но я не хочу об этом говорить. Это вы хотите, — сказал мистер М.

Я невольно улыбнулся такому ответу. Возмож-

но, он был не настолько туп, как я предположил сначала.

Тут мистер Синклер в свою очередь сделал попытку сломить упрямство старика.

— Будет ли верно сказать, что мистер Маккензи вел против вас некую вендетту?

— Вам следовало бы спросить об этом мистера Маккензи, — сказал старик.

Мистер Синклер посмотрел на меня, сдаваясь.

Вдруг мистер М. слегка подался к нам через стол.

— Что бы ни сотворил мой сын, что сделано — то сделано. Любые ваши или мои слова тут ничего не изменят.

— Но, мистер М., боюсь, вы жестоко ошибаетесь, — серьезно сказал мистер Синклер — и объяснил, что перспективы сына старика избежать виселицы в огромной степени зависят от того, в каком состоянии рассудка тот пребывал во время совершения преступлений. Вот почему мы явились из Инвернесса, чтобы задать эти вопросы, а вовсе не из пустого любопытства.

Арендатор несколько мгновений смотрел на него. Его трубка погасла, и он вытряхнул ее содержимое на стол перед собой. Потом пошарил в кисете в поисках того, что там осталось. Я вынул

свой кисет и подтолкнул его на середину стола и сказал, жестом приглашая его угощаться:

— Пожалуйста.

Мистер М. перевел взгляд с меня на кисет и обратно, без сомнения, взвешивая, насколько он окажется у меня в долгу, если примет подарок. Потом положил трубку на стол и сказал:

— Не думаю, что смогу чем-нибудь вам помочь, сэр.

Я сказал, что он уже очень помог, и спросил, могу ли я задать несколько вопросов о его сыне. Поскольку мистер М. не возразил, я задал следующие вопросы: страдал ли его сын от эпилепсии, случались ли у него сильные перепады настроения, приступы ярости или галлюцинации, был ли он эксцентричен в своих привычках и поведении и имелись ли в семье психические расстройства. На все вопросы арендатор ответил отрицательно. Однако я не питал большого доверия к его ответам, поскольку, хоть он и жил в жалких условиях, наверняка постыдился бы признаться в существовании таких склонностей в своей семье.

Поскольку я не видел смысла продолжать беседу, я встал и поблагодарил его за гостеприимство. Мистер М. тоже встал и посмотрел на кисет с табаком, оставшийся лежать на столе между

нами. Его рука метнулась к кисету, и он спрятал его в карман куртки. Потом посмотрел на нас так, будто ничего не произошло. Мы пожелали ему доброго дня и с некоторым облегчением вышли на чистый воздух деревни.

Идя обратно к своим пони, мы не разговаривали. Я понимал, что мы следуем тем же путем, каким шел Р.М. две недели назад, перед тем как осуществил свой кровавый проект. Я гадал, нет ли некоей невольной правды в словах арендатора о том, как трудно распознать, что у другого на уме. Естественно, если человек в здравом рассудке, нужно просто спросить его об этом и, предполагая, что его ответы правдивы, принять его оценку того, о чем он мог думать в тот или иной момент. Проблемы возникают тогда, когда имеешь дело с людьми, живущими на границе безумия и, по определению, не имеющими доступа к содержимому своего ума. Чтобы заглянуть в разум таких несчастных, и существует такая дисциплина, как психиатрия. Я не сомневался, что мистер Синклер желает знать содержимое *моего* ума, но я не хотел делать поспешных заключений и держал рот на замке.

Пока мы шли к деревенскому перекрестку, я размышлял о том, что этот поселок мог бы

показаться раем обитателям наших городских трущоб, и, если б не лень и невежество местных жителей, и в самом деле мог бы быть раем.

Когда мы добрались до своих пони, мистер Синклер предложил посетить дом мистера Маккензи, находящийся на другом конце деревни. Я не видел смысла расспрашивать членов семьи жертвы, поскольку меня заботил только преступник, но мистер Синклер заявил: если он ознакомится с местом совершения преступления, это может помочь ему в зале суда.

Дом Маккензи оказался добротной постройкой, и, похоже, его поддерживали в хорошем состоянии. На пороге, неистово орудуя большой маслобойкой, сидела низенькая женщина, которая подняла глаза при нашем появлении. У нее было красноватое лицо и густые коричневые волосы, стянутые на макушке в узел, предплечья — массивные и мускулистые, и вообще ее манеры и поведение были довольно мужеподобными. Тем не менее она не демонстрировала никаких ярко выраженных черт вырождения и казалась здоровым, хотя и непривлекательным, образчиком своего народа.

Мистер Синклер, удостоверившись, что перед ним вдова покойного, выразил наши соболез-

нования, и я склонил голову, показывая, что разделяю эти чувства. Мистер Синклер сообщил, что мы занимаемся расследованием убийства ее мужа (благоразумно избегая уточнений, какую именно роль он играет в расследовании), и спросил, нельзя ли ему ненадолго войти, чтобы «ознакомиться с географией дома». Леди жестом показала, что он может войти, но не последовала за нами в дом.

В дальнем конце комнаты горел огонь, и жара была просто гнетущей. Я стоял возле порога, пока мистер Синклер бегло осматривал помещение. Мебель в доме совершенно не признавала моды, но тем не менее представляла собой яркий контраст с обстановкой хижины, откуда мы недавно удалились.

Мистер Синклер, бродя по комнате, обогнул большой стол, за которым, без сомнения, обедала вся семья, и я решил, что он пытается воссоздать в уме случившиеся здесь ужасные события. Только когда он добрался до конца стола, его взгляд привлекла старая карга, сидящая в кресле рядом с очагом и, несмотря на жару, закутанная в одеяла. Адвокат тут же извинился за вторжение, но женщина не ответила. Он повторил свое извинение на гэльском, но ее слезящиеся глаза смотрели

прямо вперед, и я пришел к выводу, что у нее прогрессирующая стадия деменции[40].

Я вышел из дома, позволив коллеге завершить осмотр без меня. Миссис Маккензи продолжала сбивать масло, как будто в появлении двух джентльменов в этой захолустной хибаре не было ничего удивительного. Несколько минут я наблюдал за ней и, пока она продолжала свой напряженный монотонный труд, размышлял, сколь мало она отличается от жующей жвачку овцы. Постыдная правда заключается в том, что низшие племена нашей страны пребывают в состоянии едва ли возвышающем их над домашним скотом, лишенные воли к самоусовершенствованию, которое прогресс приводит в южные районы.

Мистер Синклер вышел из дома; на лбу его выступил легкий пот. Он поблагодарил женщину за то, что она позволила ему войти, после чего выразил восхищение ее способностью продолжать тяжелый труд несмотря на случившиеся события. Миссис Маккензи посмотрела на него безо всякого выражения.

— Все еще есть месяцы, в которые надо собрать урожай и делать запасы, сэр, — сказала она.

---

[40] Примечания: 40
Деменция — старческое слабоумие. — *Прим. пер.*

Мистер Синклер кивнул, соглашаясь с этой неопровержимой истиной, и мы отбыли, оставив и эту женщину, и Калдуи — место, в которое я рад буду никогда больше не возвращаться.

Было уже слишком поздно, чтобы начинать обратное путешествие в Инвернесс, и мы вернулись в гостиницу в Эпплкроссе. Я удалился в свою комнату, чтобы сделать записи и поразмышлять о фактах, раздобытых в результате нашей поездки, в то время как мой коллега воспользовался гостеприимством нижнего этажа.

Суд

Нижеследующий доклад составлен по материалам тогдашней прессы и книги «Полный отчет о суде над Родриком Джоном Макреем», опубликованной Уильямом Кэем из Эдинбурга в октябре 1869 года.

День первый

Суд открылся в здании окружного суда Инвернесса в понедельник, 6 сентября 1869 года. В восемь часов утра Родрика Макрея доставили туда из его камеры в Инвернесской тюрьме и поместили в комнату ожидания в подвальном этаже. Его привезли в экипаже без окон, в сопровождении конной полиции, и этот небольшой конвой вызвал сильное волнение среди прохожих на улицах. Если верить Джону Мёрдоку, освещавшему дело в «Инвернесском курьере», некоторые из увидевших конвой «выкрикивали оскорбительные слова, в то время как другие мастерили метательные снаряды из всего, что попадалось под руку». Таков был интерес к данному делу, что несколько сотен человек собрались

у здания суда, и предприимчивые торговцы расставили свои прилавки, чтобы снабжать столпившихся людей.

Когда появилась процессия, поднялся оглушительный крик, и всадники не смогли помешать людям ринуться вперед и начать барабанить по стенам экипажа. Экипаж остановился, и несколько человек были ранены, пока полиция отгоняла дубинками толпу. Пожилую женщину, Мэри Паттерсон, истоптали ногами, и ей понадобилась помощь докторов. В последующие дни воздвигли барьеры, и полиция получила подкрепление, чтобы обеспечить беспрепятственное движение конвоя.

В зале суда провели специальные приготовления, поскольку на процессе желали присутствовать множество репортеров, и их впускали по предварительной договоренности через боковой вход. Вход на общую галерею организовали с помощью выпуска специальных листовок, которые, как обнаружилось позднее, переходили из рук в руки за внушительную сумму. В половину девятого общая галерея была полна, и лорд судья-клерк[41] лорд Ардмиллан и лорд Джер-

[41] Примечания: 41

Лорд судья-клерк — второй номер в судебной иерархии Шотландии, заместитель лорда — генерального судьи. — *Прим. пер.*

висвуд заняли свои места на скамье. Корону в суде представляли генеральный солиситор[42] мистер Гиффорд и мистер Уильям Кричтон, при содействии мистера Гордона Фрея, представителя Короны. Адвокату мистеру Эндрю Синклеру помогал его коллега, Эдвард Смит.

Лорд судья-клерк начал со строгого предупреждения собравшимся на общей галерее. Никому не позволено входить в зал суда или покидать его во время показаний свидетелей, и любого, кто нарушит процесс судебного разбирательства, выдворят без разговоров, конфисковав разрешение на вход.

Потом лорд судья-клерк обратился к защитнику. Он сказал, что в курсе существования «так называемых мемуаров», написанных заключенным. Поскольку данный отчет не был составлен после должного предупреждения[43] и в нем содержатся признания, которые заключенный, возможно, не желает делать в ходе своей защиты, «ни документ, ни какая-либо часть его» не

---

[42] Примечания: 42

Генеральный солиситор, или генеральный стряпчий, — заместитель генерального прокурора; поддерживает обвинение в суде. — *Прим. пер.*

[43] Примечания: 43

Имеется в виду предупреждение арестованному, что его слова могут быть использованы против него. — *Прим. пер.*

может быть принята в качестве свидетельства. Далее он твердо посоветовал обеим сторонам не ссылаться на документ во время опроса свидетелей. Решение по делу будет принято только и исключительно на основании свидетельств, выслушанных в суде. Ни генеральный солиситор, ни защита не возразили против этого правила, которое судья, без сомнения, установил, чтобы предотвратить любые позднейшие дискуссии в присутствии присяжных.

В пять минут одиннадцатого, под «оглушительный рев, который отнюдь не уняли удары молотка господина лорда судьи-клерка», заключенного подвели к скамье подсудимых. Репортер «Таймс» Джеймс Филби так описывает этот момент: «Ожидавшие увидеть монстра были жестоко разочарованы. Как только стихли первоначальные шум и гам, в большинстве услышанных мною реплик отмечалось, что подсудимый всего лишь мальчик. По правде сказать, то было самое точное наблюдение. Родрик Макрей не соответствовал представлению человека об убийце и совершенно не выглядел способным на те чудовищные поступки, в которых обвинялся. Он был невысокого роста, хотя с хорошо развитыми плечами и грудью, волосы его нахо-

дились в беспорядке, лицо было бледным — без сомнения, из-за недель, проведенных в тюремной камере. Когда он вошел, его темные глаза окинули зал суда из-под тяжелых бровей, но он как будто полностью владел собой и никак не отреагировал на гвалт на общей галерее. Его адвокат, мистер Синклер, стоя возле скамьи подсудимого, велел Родрику занять на ней место, что тот и сделал, приняв почтительную позу — опустив руки на колени и склонив голову. В этой позе он оставался почти все время заседания».

Секретарь суда зачитал обвинительный акт: «Родрик Джон Макрей, ныне или недавно арендатор в Калдуи, Росшир, ныне или недавно заключенный в Инвернессе, вы обвиняетесь по просьбе Джеймса Мортимера, эсквайра, адвоката Ее Величества, в том, что, хотя по законам этого и любого другого хорошо управляемого государства убийство — ужасающее преступление и подлежит жестокому наказанию, все же верно и правдиво то, что вы, вышеназванный Родрик Джон Макрей, виновны в упомянутом преступлении, являетесь участником его или зачинщиком и пособником, поскольку, во-первых, утром 10 августа 1869 года, в жилом доме Лаклана Маккензи в Калдуи, Росшир, жестоко и злоумышленно

напали на вышеназванного Лаклана Маккензи и с помощью кромана и флэфтера нанесли вышеназванному Лаклану Маккензи несколько ударов в грудь, лицо и голову и пробили ему череп. Вследствие этих действий или некоторых из них вышеназванный Лаклан Маккензи был смертельно ранен и умер на месте, будучи таким образом убит вами, вышеназванным Родриком Джоном Макреем».

Потом так же детально были предъявлены обвинения в нападениях на Флору и Дональда Маккензи, после чего лорд судья-клерк велел заключенному встать и обратился к нему:

— Родрик Джон Макрей, данным актом вы обвиняетесь в совершении убийства. Признаете вы себя виновным или нет?

Родди встал, опустив руки, сперва взглянул на своего адвоката и ответил ясным, но тихим голосом:

— Не признаю, мой господин.

Он снова сел, а Эндрю Синклер поднялся, чтобы представить на рассмотрение суда специальную защиту со ссылкой на невменяемость. Она была зачитана секретарем суда: «Подсудимый заявляет о своей невиновности. Далее он особо заявляет, что в то время, когда были совершены действия,

изложенные в предъявленном ему обвинении, он страдал от безумия».

Мистер Филби писал: «Для молодого человека, ранее не удалявшегося от своей деревни больше чем на несколько миль, он выглядел чересчур спокойным перед множеством образованных людей, теперь рассматривавших его со скамьи. Вел он себя так из-за безумия, о котором заявил его защитник, или такое поведение просто говорило об определенном *sang-froid*[44], в тот момент я не рискнул бы сказать».

Был составлен список присяжных из пятнадцати человек. Лорд судья-клерк велел присяжным отринуть все, что они читали или слышали об этом деле, и напомнил, что они обязаны принимать во внимание только свидетельства, изложенные в зале суда. Потом он спросил присяжных, сложилось ли у кого-нибудь из них о рассматриваемом деле определенное мнение и нет ли у кого-нибудь предубеждений касательно его. Присяжные по очереди ответили отрицательно, и в половину одиннадцатого начали выступать свидетели обвинения.

Первым был вызван доктор Чарльз Маклен-

---

[44] Примечания: 44
Апломб, хладнокровие (*фр.*).

нан, проводивший вскрытие тел. Врач был в твидовом костюме и желтом жилете и мог похвалиться свисающими усами, придававшими ему уместный в данном случае мрачный вид. Будучи сельским доктором, раньше он вряд ли приглашался принять участие в подобном судебном разбирательстве и, приблизившись к месту для дачи свидетельских показаний, явно нервничал. Мистер Мёрдок из «Курьера» написал, что когда доктор начал говорить, «веселая атмосфера на общей галерее быстро испарилась, и залом овладело осознание серьезности происходящего».

Мистер Гиффорд заставил доктора Макленнана зачитать притихшему залу подробный отчет (занявший около тридцати минут) о ранах, нанесенных каждой из трех жертв. В конце показаний доктора ему показали улику номер один и улику номер два — флэфтер и кроман. Галерея задохнулась при виде орудий убийства. Лезвие флэфтера было сильно погнуто, говоря об «огромной силе, с которой им орудовали».

Потом генеральный солиситор спросил свидетеля:

— Вы видели эти предметы раньше?

Доктор Макленнан:

— Нет, сэр.

— Вы можете сказать нам, что это такое?

— Это флэфтер и кроман.

— И каково их обычное применение?

— Ими пользуются, чтобы рыхлить землю или другими способами возделывать участок.

Мистер Гиффорд, высокий и утонченный человек, облаченный в безукоризненный черный костюм, помедлил, чтобы придать как можно больше веса вопросу, который собирался задать.

— А теперь скажите: по вашему профессиональному мнению и с учетом проведенного вами тщательного осмотра трех жертв данного дела — согласуются ли полученные раны с этими орудиями?

— Скорее всего, да, — ответил доктор. — Если воспользоваться этими орудиями с достаточной силой.

Мистер Гиффорд серьезно кивнул.

— Если позволите задать еще один вопрос, — продолжал он, — как бы вы охарактеризовали ранения покойных — я имею в виду, в сравнении с другими изученными вами случаями?

Доктор Макленнан резко выдохнул, будто ответ был очевиден.

— Безусловно, это самые жестокие ранения из всех, с какими я когда-либо имел несчастье

встречаться, — сказал он.

Мистер Гиффорд дал понять, что закончил допрос. Если он ставил перед собой цель не оставить у присяжных сомнений в серьезности рассматриваемого дела, он явно преуспел. Некоторые присяжные, как писала пресса, сделались мертвенно-бледными.

У мистера Синклера не было вопросов к доктору, и свидетеля отпустили.

Родди слушал показания внимательно, но не выказывал никаких эмоций. «Как будто он был всего лишь заинтересованным зрителем», — написал мистер Филби.

Следующей давала показания Кармина Мёрчисон. Она была в зеленом платье из тафты и, как отметил «Шотландец», «выглядела бы вполне уместно в салонах на Джордж-стрит». Все газеты не забыли упомянуть о поразительной внешности миссис Мёрчисон, а мистер Филби даже заметил, что «ни один присяжный, в чьих жилах текла кровь, а не вода, не смог бы усомниться ни в едином слове, сорвавшемся с подобных губ».

Отвечая на вопросы мистера Гиффорда, миссис Мёрчисон рассказала, как встретила Родрика Макрея утром 10 августа и обменялась с ним несколькими словами, когда тот проходил мимо

ее дома. Нарисовали и выставили на мольберте в зале суда карту Калдуи, и миссис Мёрчисон показала, где находится ее дом, дом заключенного и дом Лаклана Маккензи.

— Как вы считаете, подсудимый был взволнован? — спросил мистер Гиффорд.

— Нет, сэр.

— Он выглядел беспокойным или встревоженным?

— Нет.

— Вы поверили, когда он сказал, что собирается рыхлить землю на участке мистера Маккензи?

— У меня не было причин ему не верить.

— И он нес с собой инструменты для этой цели?

— Да.

Потом миссис Мёрчисон показали улики. Она закрыла глаза при виде оружия, и его быстро унесли. Элегантный мистер Гиффорд с легким поклоном извинился, прежде чем спросить:

— Это те самые инструменты, которые нес подсудимый?

Миссис Мёрчисон:

— Да.

— И это обычные инструменты для выполнения указанных работ?

— Да.

— Но время года для рыхления земли неподходящее, не правда ли?

— Если ее рыхлят, чтобы сажать посевы, — неподходящее.

— И тем не менее у вас в мозгу не прозвучал тревожный звонок, говоря, что не работа на земле являлась истинной целью подсудимого?

— Родди в последнее время выполнял много работ для Лаклана Брода.

Лорд судья-клерк:

— «Лаклан Брод» — имя, под которым в вашей общине знали мистера Маккензи?

— Да, мой господин.

Мистер Гиффорд:

— Почему подсудимый работал на покойного?

Миссис Мёрчисон:

— В счет возмещения того, что задолжал мистеру Маккензи отец Родди.

— И что это был за долг?

— Компенсация за убитого Родди барана.

— Барана, принадлежавшего мистеру Маккензи?

— Да.

— Каков был размер долга?

— Тридцать пять шиллингов.

— И мистер Макрей… отец подсудимого… не смог выплатить эту сумму?

— Полагаю, нет.

— Итак, подсудимый трудился на мистера Маккензи в счет уплаты долга?

— Да.

— И, поскольку существовала такая договоренность, в вашей беседе с подсудимым не прозвучало ничего неуместного?

— Нет.

— Ничего такого, что могло бы вас насторожить, намекнув на то, что должно было произойти?

— Абсолютно ничего.

Потом миссис Мёрчисон рассказала, как некоторое время спустя — по ее оценке, прошло полчаса — она увидела, как Родрик Макрей идет обратно по деревне, залитый кровью с головы до ног. Подумав, что с ним произошел несчастный случай, она побежала к нему на помощь. Когда она спросила, что случилось, тот ответил, что убил Лаклана Маккензи. Он не упомянул о других жертвах. Миссис Мёрчисон рассказала про всеобщую суматоху в деревне и про то, как Родрика Макрея заперли в сарае Мёрчисонов.

Мистер Гиффорд:

— Как бы вы описали поведение подсудимого в

тот момент, миссис Мёрчисон?

— Он был совершенно спокоен.

— Он пытался скрыться?

— Нет.

— Он не боролся с вашим мужем или другими мужчинами, которые заперли его в сарае?

— Нет.

— Он выражал какое-то раскаяние в том, что сделал?

— Нет.

Потом мистер Гиффорд перешел к вопросу мотивов преступления.

— Как бы вы описали отношения между покойным мистером Маккензи и подсудимым? — спросил он.

— Даже не знаю.

— Они были друзьями?

— Я бы так не сказала.

— Значит, врагами?

На этот вопрос миссис Мёрчисон не ответила.

Мистер Гиффорд выразил удивление, что в деревне, где всего пятьдесят пять душ, можно скрыть отношения между двумя членами этой общины.

Миссис Мёрчисон:

— Я никогда не слышала, чтобы Родди выска-

зывался враждебно о Лаклане Броде.

— Вы не знали о некоей вендетте между мистером Маккензи и семейством Макрей?

— Я знала, что у них были кое-какие разногласия.

— Какие именно разногласия?

— Убийство барана.

— А еще?

— Вопрос с распределением земли в деревне.

Мистер Гиффорд попросил миссис Мёрчисон высказаться подробнее.

— Будучи деревенским констеблем, мистер Маккензи передал часть участка мистера Макрея его соседу, мистеру Грегору.

— Вы имеете в виду мистера Джона Макрея, отца подсудимого?

— Да.

— На каких основаниях была перераспределена земля?

— Жена мистера Макрея умерла, и мистер Маккензи утверждал, что раз семья стала меньше, им нужно меньше земли.

— И в этом ощущалась несправедливость?

— Да.

— Итак, был вопрос убитого барана и вопрос перераспределения фермерской земли. Что-ни-

будь еще?

— Это трудно описать.

— Трудно описать потому, что этого не было, или потому, что вы не можете это объяснить?

Миссис Мёрчисон некоторое время молчала, и лорду судье-клерку пришлось поторопить ее с ответом.

— Общая атмосфера угнетения, — в конце концов сказала она. — Мистер Маккензи часто вел себя высокомерно, особенно по отношению к мистеру Макрею.

— Понимаю. Возможно, если вам трудно объяснить взаимоотношения между мистером Маккензи и подсудимым, вы сможете высказать свое мнение о покойном?

— Он мне не нравился.

— Пожалуйста, расскажите почему.

— Он был задирой.

— Задирой?

— Да.

— Но что вы имеете в виду под словом «задира»?

— Ему нравилось властвовать над окружающими и особенно над мистером Макреем и его семьей.

— Он их изводил?

— Я бы сказала — да.

На этом мистер Гиффорд закончил свой допрос, и встал мистер Синклер, защитник, который сначала выглядел очень взволнованным. «Наверное, для мелкого провинциального юриста было необычным участвовать в столь знаменитом деле, — писал мистер Филби, — а может, его просто ослепила чаровница, стоящая на месте свидетеля». Как бы то ни было, после нескольких подобострастных вопросов о том, удобно ли миссис Мёрчисон, мистер Синклер приступил к допросу.

— Как давно вы живете в Калдуи, миссис Мёрчисон?

— Восемнадцать лет. С тех пор, как вышла замуж.

— Итак, вы знаете подсудимого всю его жизнь?

— Да.

— И как бы вы описали ваши с ним взаимоотношения?

— Они были совершенно нормальными.

— Вы находились с ним в хороших отношениях?

— Да.

— До тех поступков, в которых его здесь обвиняют, вы когда-нибудь слышали о том, чтобы он

был вспыльчивым?

— Нет.

— И вы были в хороших отношениях с его семьей?

— В общем, да.

— В общем?

— Да.

— Вы не могли бы выразиться подробнее?

— Я была очень близка с Уной Макрей.

— С матерью обвиняемого?

— Да.

— А с его отцом?

— В меньшей степени.

— Для этого имелись какие-то причины?

— Мы не были в плохих отношениях, просто я меньше имела дело с ним, а он — со мной.

— Без какой-либо особой причины?

— Да.

— Но вы находились в близких отношениях с матерью подсудимого?

— Да. Мы были с ней очень близки.

— И когда же она умерла?

— Весной прошлого года.

— Наверное, это было крайне травмирующим событием.

— Это было ужасно.

— Для вас?

— Для меня и для ее детей.

— Как бы вы описали эффект, который ее смерть произвела на ее детей?

— Они полностью переменились.

— Как именно?

— Джетта…

— Сестра подсудимого?

— Да. Она сделалась угрюмой и стала ужасно интересоваться амулетами и потусторонними вещами.

— Суевериями?

— Да.

— А подсудимый?

— Он, казалось, замкнулся в себе.

— Вы можете объяснить, что именно имеете в виду?

Миссис Мёрчисон посмотрела на судью, как будто ища у него поддержки. Лорд судья-клерк жестом показал, что она должна продолжать.

— Я не уверена, что могу правильно это объяснить, — сказала она. — Разве что иногда казалось, будто Родди живет совершенно в другом мире.

— «Живет в совершенно другом мире», — многозначительно повторил мистер Синклер. И спросил: — И такие изменения произошли в нем

после смерти матери?

— Полагаю, да.

— Вы когда-нибудь замечали у подсудимого признаки безумия?

— Я не знаю, признак ли это безумия, но время от времени я видела, как он разговаривает сам с собой.

— Как именно это происходило?

— Именно так, как если б он беседовал с собой или с невидимым человеком.

— Когда вы такое замечали?

— Часто, когда он работал на участке или шел по деревне.

— И каково было содержание этих бесед?

— Не могу сказать. Подходя ближе, он замолкал.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы он говорил бессвязно, словно находясь во власти галлюцинаций?

— Нет.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы его связывали, потому что он был опасен для себя самого или для других?

— Нет.

— Вы когда-нибудь чувствовали, что он — опасный человек?

— Нет.

— В деревне его считали опасным человеком?

— Я так не думаю.

— Итак, для вас было неожиданностью, что он совершил те поступки, которые привели вас сегодня в зал суда?

— О господи, да, ужасным потрясением, — ответила миссис Мёрчисон.

— То есть эти поступки были совершенно не в его характере?

— Я бы ответила — да.

На этом мистер Синклер поблагодарил свидетельницу и закончил допрос. Не успела Кармина Смок сойти вниз, как снова поднялся генеральный солиситор.

— Если позволите, я проясню один момент, — начал он. — В то утро, когда были совершены убийства, вы видели, чтобы подсудимый что-то бормотал, разговаривая сам с собой?

— Нет, сэр.

— А когда вы с ним беседовали, он выглядел совершенно разумным?

— Да, совершенно разумным.

— Он не… И это вопрос величайшей важности — он не казался человеком, который не в ладах с рассудком?

— Полагаю, нет.

— Если вы извините меня, миссис Мёрчисон, здесь дело не в том, что вы «полагаете». Или он казался человеком, который не в ладах с рассудком, или нет.

Тут вмешался лорд судья-клерк, заявив, что свидетельница удовлетворительно ответила на вопрос и что не дело Короны вымогать у свидетельницы желаемый ответ. Мистер Гиффорд попросил у судьи прощения, и миссис Мёрчисон отпустили. Мистер Филби отмечает, что «джентльмены присяжные внимательно наблюдали, как она уходит».

Следующим вызвали свидетеля Кенни Смока. Отвечая на вопросы мистера Гиффорда, мистер Мёрчисон описал события утра 10 августа. Он подтвердил, что обвиняемый был совершенно спокоен, открыто признался в своих поступках, совершенно не сопротивлялся и не делал никаких попыток убежать. Мистер Гиффорд попросил описать, что свидетель обнаружил в доме Лаклана Маккензи. Тут, если верить мистеру Мёрдоку, в зале суда воцарилась самая мрачная атмосфера: «Мистер Мёрчисон, крайне крепкий и энергичный малый, явно с трудом описывал ужасы, которым стал свидетелем, и заслуживает похва-

лы за трезвый отчет, предоставленный суду».

— Тело Лаклана Маккензи, — показал мистер Мёрчисон, — лежало на полу лицом вниз слева от двери. Задняя часть его головы были полностью размозжена, куски черепа разбросаны на некотором расстоянии от тела. Его мозг вылился на боковую часть головы. Он лежал лицом в огромной луже крови. Я поднял его запястье, чтобы проверить, есть ли пульс, но его не было.

Мистер Гиффорд:

— Тело было теплым?

— Совершенно теплым, да.

— А потом?

— Я встал и увидел мальчика, лежащего на полу между дверью и окном. Я подошел к нему. Я не увидел на нем никаких ран, но он был мертв.

— Тело было теплым?

— Да.

— А потом?

— Я увидел тело Флоры Маккензи, лежащее на столе.

— Вы сказали «лежащее». Создалось ли у вас впечатление, что тело поместили туда намеренно?

— Не похоже было, чтобы она туда упала.

— Почему вы так говорите?

Мистер Мёрчисон поколебался несколько мгновений.

— Она лежала в неестественной позе. Ее ноги не касались земли, и я подумал, что ее, должно быть, подняли на стол.

— Пожалуйста, если можете, опишите, что вы увидели.

— Очень много крови. Ее юбки были задраны, интимные части изуродованы. Я осмотрел ее, ища признаки жизни, но она была мертва. Только тут я заметил, что у нее раскроен затылок. Я опустил юбки, чтобы прикрыть ее срам.

— Что вы сделали потом?

— Я пошел к двери, решив помешать войти туда кому-нибудь еще.

Потом мистер Мёрчисон описал, как организовали перемещение тел в сарай и как, перенося их, в задней части комнаты нашли в полумраке Кэтрин Маккензи, мать покойного. Ее забрали в дом Мёрчисонов, «совершенно повредившуюся в уме», и о ней позаботилась его жена.

Мистер Гиффорд перешел к мотивам убийств. Кеннет Мёрчисон описал собрание, на котором было принято решение о компенсации за убийство барана Лаклана Маккензи.

Мистер Гиффорд:

— Компенсацию установили в размере тридцати пяти шиллингов?

Мистер Мёрчисон:

— Да.

— Почему сошлись именно на такой сумме?

— Такую цену дали бы за животное на рынке.

— Сумму потребовал покойный мистер Маккензи?

— Сумму предложил Калум Финлейсон, который в то время был констеблем наших деревень.

— Мистер Маккензи согласился с этой суммой?

— Согласился.

— И мистер Макрей, отец обвиняемого, тоже согласился с этой суммой?

— Да.

— И мистер Маккензи потребовал, чтобы сумму выплатили немедленно?

— Нет.

— Какие соглашения были достигнуты насчет выплаты компенсации?

— Было условлено, что сумму будут выплачивать по одному шиллингу в неделю.

— Из уважения к напряженной финансовой ситуации семьи Макрей?

— Да.

— Мистер Макрей выполнил свои обязанности

касательно выплат?

— Полагаю, он пытался их выполнить, но, может быть, платил нерегулярно.

Лорд судья-клерк:

— Вы знаете, выплатили сумму целиком или нет?

— Я не знаю, но мне известно, что мистер Макрей не имел больших доходов, и эти платежи были для него очень обременительны.

Мистер Гиффорд продолжал:

— Однако соглашение было полюбовным?

— Я бы не назвал его «полюбовным».

— Однако вы заявили, что и мистер Макрей, и мистер Маккензи приняли предложение констебля.

— Да, предложение было принято, но Лаклан Брод ясно дал понять, что не удовлетворен.

— В каком смысле?

— Он считал, что в придачу следует наказать мальчика.

— Под «мальчиком» вы имеете в виду подсудимого, которого здесь видите?

— Да.

— И какое именно наказание он предложил?

— Я не припомню, но он ясно дал понять, что хотел бы увидеть, как мальчика накажут.

— Несмотря на компенсацию, которую сочли приемлемой обе стороны?

— Да.

Мистер Гиффорд помолчал и вопросительно поднял брови, но свидетель ничего не добавил.

— Будет ли справедливым сказать, что мистер Маккензи и мистер Макрей не были лучшими друзьями?

— Да.

— И вражда между ними, если я могу ее так назвать, предшествовала инциденту с бараном?

— Да.

— Так как же разгорелась эта вражда?

Мистер Маккензи развел руками.

— Понятия не имею. — Он надул щеки и озадаченно выдохнул. — Мистер Макрей жил на своем конце деревни, а мистер Маккензи — на своем.

Мистер Гиффорд как будто согласился не настаивать на этом вопросе.

— Тем не менее было достигнуто соглашение, из-за которого мистер Макрей остался в долгу у мистера Маккензи? — спросил он.

— Да.

Потом мистер Гиффорд начал задавать вопросы о процедуре избрания Лаклана Брода на пост деревенского констебля.

Мистер Гиффорд:

— Будет ли справедливым сказать, что эта роль не была популярна в вашей общине?

Мистер Мёрчисон:

— В каком смысле?

— В том смысле, что члены вашей общины не добивались данного поста?

— Я бы сказал, что да.

— Тогда вы, наверное, были довольны, что мистер Маккензи взвалил на свои плечи это бремя?

Мистер Мёрчисон не ответил.

Мистер Гиффорд:

— Вы были недовольны?

— Я не был ни доволен, ни недоволен.

— Но разве вы и некоторые другие члены общины не предприняли энергичные меры, чтобы найти альтернативного кандидата в противовес мистеру Маккензи?

— Некоторые меры были предприняты.

— Почему вы решили, что нужно так поступить?

— Казалось неправильным, что мистера Маккензи изберут без оппозиции.

— Это была единственная причина?

Кенни Смок несколько мгновений колебался, прежде чем ответить:

— Бытовало мнение, что мистер Маккензи может воспользоваться властью для достижения собственных интересов.

— Вы имеете в виду — властью, которую дает пост деревенского констебля?

— Да.

— И он действительно так поступал?

— До известной степени.

— До какой именно степени?

— Он наслаждался своей властью над общиной.

— Вы не могли бы выразиться точнее?

— Он составил план работ, в соответствии с которым люди общины были обязаны трудиться определенное количество дней.

— Какую цель преследовал данный план работ?

— Общее улучшение дорог и дренажных канав вокруг деревень.

— Преследовал ли этот план, как вы его называете, его личные интересы?

— Не напрямую.

— Не напрямую?

Мистер Мёрчисон не ответил.

Мистер Гиффорд продолжал:

— Приносили ли эти улучшения пользу всей

общине в целом?

— Да, приносили.

— Итак, мистер Маккензи составил план улучшений, которые шли на благо общине, и люди общины вносили свой трудовой вклад согласно данному плану?

— Да.

— И вы описываете это как преследование мистером Маккензи его личных интересов!

Тут мистер Гиффорд недоуменно посмотрел на присяжных.

— Теперь, — продолжал он, — если я могу обратиться к другому инциденту, было бы справедливым сказать, что вашей общине не хватает пахотной земли?

— Она не в изобилии.

— И как распределяется земля?

— Каждая семья имеет свой риг.

— Каждая семья имеет свой риг, — повторил мистер Гиффорд. — «Риг» — это доля имеющейся в наличии земли?

— Да.

— И эта земля выделяется на год, на пять лет или на какой-нибудь другой срок?

— Практически, каждая семья обрабатывает землю, лежащую между ее домом и дорогой на

Тоскейг.

— И считает этот участок во всех отношениях собственной землей?

— Да.

— Итак, по сути, каждая полоса земли принадлежит тому дому, к которому примыкает?

— По сути — да.

— Вне зависимости от величины семьи и состава домочадцев?

— Обычно — да.

— Вскоре после избрания мистера Маккензи на пост деревенского констебля некоторая часть пахотной земли в Калдуи была перераспределена, не так ли?

— Да.

— Вы можете описать это перераспределение?

— Часть земли мистера Макрея отдали его соседу, мистеру Грегору.

— Почему?

— Поскольку в семье мистера Грегора больше человек, чем в семье мистера Макрея, было решено, что Грегорам требуется больше земли.

— Понимаю. И сколько человек было в семье мистера Макрея?

— Пять, включая двух маленьких детей.

— То есть сам мистер Макрей, его дочь, подсуди-

мый и двое младших детей в возрасте трех лет?

— Да.

— А в семье мистера Грегора?

— Восемь.

— Кто именно?

— Мистер Грегор, его жена, мать мистера Грегора и пятеро детей.

— Значит, они нуждались в земле больше, чем семья Макрей?

— Да, но…

— Извлек ли мистер Маккензи личную выгоду от перераспределения земли?

— Нет.

— То есть было совершенно справедливо перераспределить землю в соответствии с бóльшими потребностями семьи Грегор?

— Можете назвать это справедливым.

— Я спрашиваю, назвали бы *вы* это справедливым, мистер Мёрчисон?

Прежде чем ответить, тот провел рукой по усам, оглядел зал суда и произнес:

— Это было неправильно.

— Но вы же заявили, что семья Грегор нуждалась в земле больше семьи Макрей.

— По закону такое, может, и справедливо, — сказал мистер Мёрчисон, явно начиная раздра-

жаться, — но так поступать не годится. Участки не разделяют подобным образом. Каждая семья работает на своем куске земли, и он переходит из поколения в поколение.

— Понимаю. Итак, поступок мистера Маккензи был беспрецедентным?

— Он был мстительным.

— А! — сказал мистер Гиффорд, будто наконец-то добравшись до сути дела. — «Мстительный» — сильное слово, мистер Мёрчисон. Итак, чувствовалось, что вместо того, чтобы воспользоваться своей властью для общего блага, мистер Маккензи развязал против мистера Макрея некую вендетту?

— Правильно.

Мистер Гиффорд бросил на присяжных многозначительный взгляд, поблагодарил свидетеля и закончил допрос.

«Шотландец» отмечал, что мистер Мёрчисон «казался прекрасным человеком, но его обескураживающая приверженность идее, что земля должна распределяться в соответствии с традициями, а не в соответствии с общественной пользой, является еще одним примером того, как непримиримость племен Хайленда ведет их к собственной гибели».

Потом встал защитник, мистер Синклер.

— Как давно вы знаете подсудимого?

— Всю его жизнь.

— И как бы вы охарактеризовали свои отношения с ним?

— В общем, он мне нравится.

— Вы бы описали его как слабоумного?

— Слабоумного? Нет.

— Тогда как бы вы его описали?

Мистер Мёрчисон надул щеки и посмотрел на Родди, который со слабой улыбкой глядел на него.

— Ну, у него, без сомнения, есть мозги. Он умный парень, но…

— Да, мистер Мёрчисон?

Свидетель устремил глаза к потолку, будто ища там нужные слова. Потом покачал головой и сказал:

— Он чокнутый.

— Чокнутый? — повторил мистер Синклер. — Вы не могли бы объяснить, что это значит?

И снова мистер Мёрчисон как будто с трудом подбирал слова.

— Иногда казалось, что он живет в собственном мире. Он всегда был одиноким мальчиком. Я никогда не видел, чтобы он играл с другими

детьми. Он мог сидеть среди людей, но казалось, будто его здесь нет. Вы никогда не догадались бы, что творится у него в голове.

— И он всегда был таким?

— Полагаю, да.

Мистер Синклер выждал несколько мгновений, прежде чем задать следующий вопрос.

— Вы когда-нибудь наблюдали, чтобы подсудимый разговаривал сам с собой или словно беседовал с человеком, которого рядом не было?

Мистер Мёрчисон кивнул.

— Да, время от времени я видел, как он бормочет что-то сам себе.

— Часто?

— Нередко.

Тут вмешался лорд судья-клерк.

— Что вы имеете в виду под «нередко»? Насколько часто?

— Довольно часто.

Лорд судья-клерк:

— Каждый день, каждую неделю или раз в месяц?

— Не каждый день, но определенно каждую неделю.

— Итак, наблюдать подобное поведение подсудимого было совершенно обычным делом?

— Да, мой господин.

Мистер Синклер:

— А вы когда-нибудь слышали, что именно он говорил самому себе?

— Нет.

— Почему же?

— Он замолкал, когда кто-нибудь к нему приближался. В любом случае он скорее бормотал, чем говорил вслух.

— Понимаю. И подсудимый всегда так себя вел?

— Не могу сказать.

— Вы замечали, чтобы он разговаривал сам с собой, будучи ребенком?

— Полагаю, нет.

— Вы можете припомнить, когда впервые заметили, что он так себя ведет?

Мистер Мёрчисон покачал головой, и лорд судья-клерк велел ему ответить.

— Не могу припомнить.

— Это было десять лет назад, пять лет назад или год назад?

— Больше года назад.

— Но не пять лет назад?

— Нет.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы подсудимый

вел себя так до смерти своей матери?

— Не могу с уверенностью ответить.

— Подводя итоги, было бы справедливым сказать, что вы не считали подсудимого полностью нормальным?

— Это было бы справедливым.

Тогда мистер Синклер закончил свои вопросы, и Кенни Смока отпустили.

Следующим вызвали свидетеля Дункана Грегора. Мистер Гиффорд начал расспрашивать его насчет того утра, когда произошли убийства, но вмешался лорд судья-клерк, указав, что, поскольку рассматриваемые события не являются предметом спора, нет необходимости тратить время на повторение уже установленного. Мистер Синклер не имел возражений, и остаток дня разбирательство продолжалось более быстрыми темпами.

Установилась следующая закономерность: представитель Короны стремился установить рациональные мотивы убийств, в то время как мистер Синклер пытался, с разной степенью успеха, изобразить обвиняемого человеком не в своем уме. По иронии судьбы лучшие моменты защиты были обеспечены показаниями Энея Маккензи. Мистер Филби описал его как «свиноподобного

парня, который как будто не понимал, что его уничижительные заявления о подсудимом оказывают бóльшую услугу защите, чем Короне». Когда Маккензи спросили, какова его точка зрения касательно состояния рассудка обвиняемого, тот прямо ответил:

— Он псих.

— Псих? — мягко повторил мистер Синклер. — Не могли бы вы объяснить суду, что вы имеете в виду?

— Да просто то, что сказал. Все знали, что он сумасшедший.

— «Все» — это кто?

— Все прихожане.

— Вы имеете в виду, он был кем-то вроде деревенского дурачка?

— Да, и даже больше того.

— А именно — «больше»?

— Он всегда глупо ухмылялся. Он всегда над чем-то хихикал, когда хихикать было не над чем.

— Понимаю. Итак, вы сказали бы, что он не в своем уме?

— Да уж само собой! Сколько раз я был бы рад стереть ухмылку с его лица — и сделал бы это, подвернись мне шанс.

Когда мистер Синклер закончил допрос, у ми-

стера Маккензи ушло несколько минут, чтобы сообразить, что его отпускают, и он покинул место свидетеля, «бормоча что-то себе под нос так, будто это в его здравом уме можно было усомниться».

Последним свидетелем в тот день был школьный учитель мистер Гиллис. Мистер Филби (к тому времени явно наслаждающийся собой) обрисовал его как человека «с женскими руками и лицом, которое трудно описать — или запомнить». Мистер Гиффорд вытянул из школьного учителя блестящее доказательство способностей Родди. Потом спросил его насчет визита к отцу подсудимого с предложением, чтобы Родди продолжил образование.

— И каковы были результаты вашего визита?

— К сожалению, Родди был нужен своему отцу для работы на семейном участке.

— У вас имелся обычай делать такие предложения?

— Я сделал это один-единственный раз.

— Почему же вы подобным образом выделили подсудимого?

— Он, без сомнения, самый одаренный ученик, который у меня когда-либо был.

Мистер Гиффорд перешел к общему поведению

Родди и его манерам.

— Он был непослушным учеником?

— Наоборот, благонравным и вежливым.

— Вы знаете, мистер Гиллис, что защитники, мои коллеги по данному делу, подали заявление о невменяемости?

— Да.

— Вы когда-нибудь замечали у подсудимого признаки безумия?

Мистер Гиллис как будто серьезно обдумал вопрос, прежде чем ответить отрицательно.

— Вы никогда не становились свидетелем того, чтобы он говорил бессвязно или сам с собой?

Мистер Гиллис покачал головой.

— Никогда, — ответил он.

Коротко посовещавшись со своей командой, мистер Гиффорд дал понять, что у него больше нет вопросов.

Мистер Синклер встал, чтобы начать защиту.

— Был ли подсудимый популярен среди своих школьных товарищей? — спросил он.

— Не особенно.

— Что вы имеете в виду — «не особенно»?

— Просто то, что я сказал, — слегка смущенно ответил мистер Гиллис.

— Он нормально играл и общался со своими

товарищами?

— Думаю, он был скорее замкнутым мальчиком, полностью довольствующимся собственной компанией.

— До некоторой степени отчужденным от однокашников?

— Можно сказать и так, но я не видел в этом ничего ненормального. Одни дети по природе более общительны, другие — менее.

Мистер Синклер как будто не был уверен, продолжать ли вопросы в этом направлении, но потом решил, что мало выгадает, предоставляя слово свидетелю, который, видимо, очень высоко ценил его клиента.

Поскольку была уже половина пятого, заседание отложили на следующий день. Лорд судья-клерк сообщил присяжным, что на ночь их устроят в отеле, и порекомендовал им не обсуждать подробности дела и не составлять о нем какое-либо мнение.

Все это, как писал мистер Филби, «послужило превосходным развлечением, и за каждым словом внимательно следили счастливчики, которым повезло получить пропуск. В самом деле, словно подтверждая достоверность показаний Энея Маккензи, единственным человеком, как

будто не захваченным этим спектаклем, был сам подсудимый».

День второй

Суд возобновился на следующее утро в половине десятого. Родди привели под восклицания и свист с общей галереи. Как писал мистер Мёрдок, находившиеся на ней люди «похоже, считали, что они скорее в театре, чем в зале суда, и несчастный подсудимый — всего лишь злодей из пьесы, приведенный ради их увеселения».

Родди ни разу не взглянул на своих мучителей.

Мистер Синклер приветствовал его, дружески похлопав по плечу, когда Родди занял место на скамье подсудимых.

Лорд судья-клерк дал зрителям пошуметь несколько минут, возможно, рассудив, что будет благоразумно дать им слегка выпустить пар, а уже потом навести порядок в суде. И действительно, когда он, наконец, ударил молотком, шум в зале быстро стих.

Но уважительное молчание продлилось недолго, поскольку мистер Гиффорд встал, чтобы вызвать первого свидетеля этого дня — Джона Макрея. Мистер Филби из «Таймс» описывает мистера Макрея как «крошечного согбенного че-

ловечка, казавшегося вдвое старше своих сорока четырех лет. Он тяжело опирался на суковатую палку и таращился с места для свидетелей с выражением недоумения в маленьких темных глазках. Подсудимый, пока его отец давал показания, все время сидел с опущенной головой, а арендатор не смотрел на своего сына».

Судья сурово предупредил людей на галерее, что им следует хранить молчание под страхом того, что их сведут вниз и обвинят в неуважении к суду. Было условлено, что, поскольку мистер Макрей лучше владеет «древним языком Шотландского высокогорья», его будут допрашивать на гэльском, и в нужный момент вызвали переводчика. Мистер Гиффорд, из уважения к явной немощи свидетеля, вел допрос мягким тоном.

Он начал с выяснения взаимоотношений свидетеля с покойным. Мистер Макрей казался сбитым с толку заданными ему вопросами, и на галерее поднялся веселый гул, который судья быстро утихомирил. Мистер Гиффорд перефразировал свой вопрос; на все это из-за необходимости перевода ушло немало времени:

— Вы находились в дружеских отношениях с мистером Маккензи?

Мистер Макрей:

— Я знаком со многими Маккензи.

Мистер Гиффорд терпеливо улыбнулся.

— Я имею в виду вашего соседа, Лаклана Маккензи, известного также как Лаклан Брод.

— Ах да, — ответил мистер Макрей.

Такой ответ вызвал новый взрыв смеха на галерее. Тут судья приказал судебным приставам вывести одного из виновников — эта мера, несмотря на вызванную ею паузу, возымела желаемый эффект, после чего мистер Гиффорд повторил свой вопрос.

— Я бы не сказал, что мы были друзьями, — ответил мистер Макрей.

— Почему?

— Понятия не имею.

— Существовала ли некая причина, по которой вы и Лаклан Маккензи не были друзьями?

Мистер Макрей не ответил. Тогда лорд судья-клерк спросил через переводчика, нет ли у мистера Макрея трудностей с пониманием вопросов прокурора. Получив заверение, что трудностей нет, он напомнил свидетелю, что тот обязан отвечать на заданные вопросы, иначе его обвинят в неуважении к суду.

Потом мистер Гиффорд спросил мистера Макрея об уменьшении его участка. После серии

утомительных вопросов относительно этого инцидента он спросил:

— Вы чувствовали себя обиженным таким решением?

— Нет.

— Вы не были обижены оттого, что у вас отобрали часть надела, кормившего вашу семью?

— Другие больше нуждались в земле.

— А ваш сын был обижен таким решением?

— Вам следовало бы спросить об этом его самого.

— Он чем-нибудь показывал, что решение его обидело?

Ответа не последовало.

— Вы обсуждали этот инцидент с вашим сыном?

— Нет.

Мистер Гиффорд казался слегка раздраженным; он воззвал к лорду судье-клерку, чтобы тот заставил свидетеля отвечать на вопросы полнее. Судья ответил, что это дело присяжных — решать, удовлетворены ли они полученными ответами.

Тогда генеральный солиситор перешел к инциденту, который пока не был представлен суду.

— Помните ли вы, — спросил он, — как утром в апреле или в мае этого года вы собирали морские

водоросли на берегу в Калдуи?

— Помню.

— Вы можете рассказать суду, что произошло в то утро?

— Да как скажете, — ответил мистер Макрей, вызвав на галерее приглушенный смех.

— Вы собирали водоросли?

— Да.

— С вашим сыном?

— Да.

— С какой целью вы собирали водоросли?

— С целью разбросать их по участку.

— В то утро вы разговаривали с мистером Маккензи?

— Он разговаривал со мной.

— И что он сказал?

— Он велел вернуть собранные нами водоросли на берег.

— Он чем-то обосновал свое распоряжение?

— У нас не было разрешения их уносить.

— Вам требуется разрешение, чтобы уносить водоросли с берега моря?

— Похоже на то.

— И чье разрешение вам требовалось?

— Разрешение лорда Миддлтона, которому принадлежат водоросли.

— Лорд Миддлтон — помещик вашего округа?

— Да.

— Раньше вы собирали водоросли на берегу?

— Да.

— Часто?

— Ежегодно.

— И в предыдущих случаях вы просили разрешение это сделать?

— Нет.

— Но в данном случае мистер Маккензи попросил вас вернуть водоросли, которые вы собрали?

— Да.

— Как вы думаете, почему он так поступил?

— Это была его обязанность — заставлять подчиняться правилам.

— И вы с ним согласились?

— Да.

— Вы не чувствовали себя оскорбленным действиями мистера Маккензи?

Мистер Макрей не ответил.

— Вас заставили вернуть груду водорослей, которые вы собирали несколько часов в соответствии с давно установившейся практикой, но вы не чувствовали себя оскорбленным?

Арендатор несколько мгновений смотрел на прокурора, потом ответил:

— Я не был этому рад.

Мистер Гиффорд театрально выдохнул, за что лорд судья-клерк сделал ему замечание. Тогда мистер Гиффорд извинился, но не смог удержаться и бросил на присяжных многозначительный взгляд.

— А это правда, — продолжал он, — что на следующий день вся деревня собрала водоросли с целью разбрасывания их по своим участкам?

— Я не знаю, какая у них была цель.

— Но они собрали водоросли?

— Да.

— А вы — нет?

— Нет.

— Вы можете сказать, почему им позволили собирать водоросли, а вам не позволили?

— У них было на то разрешение.

— А вы просили позволения к ним присоединиться?

— Я не хотел брать то, что мне не принадлежит.

На галерее засмеялись. Мистер Макрей не сводил глаз со своей левой руки, стискивавшей край свидетельской кафедры. Мистер Гиффорд выждал несколько мгновений, прежде чем продолжить допрос.

— Итак, если мне позволено будет подвести итоги, вы свидетельствуете, что не питали обиды к покойному — человеку, уменьшившему размер вашего участка и приказавшему вернуть на берег собранные вами водоросли и которому из-за инцидента с бараном вы задолжали значительную сумму?

Мистер Макрей не ответил.

Мистер Гиффорд настаивал на ответе.

— Это было не по мне — таить обиду на мистера Маккензи.

Тут лорд судья-клерк напомнил мистеру Гиффорду, что судят не свидетеля и что вопрос о том, питал он обиду к покойному или нет, — несущественный. Однако для стратегии Короны вопрос был явно важен: чтобы доказать, что подсудимый действовал обдуманно, требовалось установить, что у него имелась обида на жертву. На том явно взбешенный мистер Гиффорд завершил свой допрос. На следующий день в «Инвернесском курьере» появился веселый рисунок, изображающий, как «самого блестящего юриста Короны победил простой фермер-арендатор».

Мистер Синклер встал, чтобы приступить к защите, и, обратившись к свидетелю на гэльском, спросил, удобно ли ему.

— А теперь, — продолжал он, — я должен спросить о вашем сыне, который обвиняется в самых ужасных преступлениях. До событий, которые привели нас в этот зал суда, вы когда-нибудь видели, чтобы ваш сын вел себя жестоко?

Мистер Макрей не ответил.

— Ваш сын когда-нибудь бил вас или угрожал вас ударить?

Мистер Макрей не ответил, и лорд судья-клерк напомнил ему о его обязанностях.

— Нет.

— Он когда-нибудь бил вашу жену или кого-нибудь из других ваших детей?

— Нет.

— Итак, вы не сказали бы, что у него есть склонность к жестокости?

— Нет.

— Значит, если он совершил те поступки, в которых его обвиняют, вы сказали бы, что это не в его характере?

Мистер Макрей как будто не понял вопроса.

Мистер Синклер:

— Вы бы описали вашего сына как жестокого человека?

— У меня никогда не было причин его описывать.

Мистер Синклер улыбнулся, «явно пытаясь скрыть растущее раздражение», и перефразировал вопрос:

— Если б вас попросили описать вашего сына, вы описали бы его как жестокого человека?

— Полагаю, нет, — ответил свидетель.

— Вы когда-нибудь проявляли жестокость по отношению к своему сыну?

— Не проявлял.

— Вы никогда его не били?

— Я бил его.

— В каких случаях вы его били?

— Когда это было необходимо.

— Понимаю. Могли бы вы привести пример — когда именно вы считали необходимым его ударить?

— Когда он не слушался меня или причинял какие-нибудь неприятности.

— «Причинял неприятности» — итак, ваш сын иногда причинял неприятности? Не могли бы вы описать суду случай, когда ваш сын причинял неприятности и вы были вынуждены его бить?

Мистер Макрей не ответил.

— Мы выслушали показания об инциденте, когда ваш сын убил барана, принадлежащего мистеру Маккензи. Тогда вы били своего сына?

— Бил.

— Вы не могли бы рассказать суду, почему вы это сделали?

— Он причинил неприятности.

— Понимаю. И вы ударили его один раз или несколько?

— Несколько.

— И чем вы его били?

— Своей палкой, — и мистер Макрей услужливо поднял ее.

— По каким частям тела?

— По спине.

— Вы ударили его своей палкой несколько раз по спине?

— Да.

— Это был единичный случай?

Мистер Макрей, казалось, не понял вопроса.

— Бывали ли другие случаи, когда вы били сына?

— Несколько.

— И вы всегда били его своей палкой?

— Не всегда.

— Вы били его кулаками?

— Да.

— И когда вы били его кулаками — куда именно вы били?

— Куда попало.

— По голове и по лицу?

— Наверное, и туда тоже.

— Такое часто случалось?

Лорд судья-клерк попросил мистера Синклера задавать более точные вопросы.

— Вы били сына каждый день, каждую неделю или чаще?

— Каждую неделю.

— И по-вашему, это необходимо было делать?

— Мальчишка нуждался в наказаниях.

— Благодаря этим наказаниям он вел себя лучше?

— Нет.

Мистер Синклер просмотрел лежащие перед ним бумаги и, посовещавшись со своим помощником, прекратил допрос. Мистер Гиффорд объявил, что в порядке вызовов свидетелей произошли изменения. Лорд судья-клерк не высказал возражений, и вызвали Аллана Крукшанка.

Мистер Гиффорд приступил к допросу свидетеля.

— Пожалуйста, сообщите, каков ваш род занятий, мистер Крукшанк.

— Я — фактор лорда Миддлтона из Эпплкросса.

— Деревня Калдуи представляет собой часть

поместья лорда Миддлтона?

— Да.

— И вы, являясь фактором, отвечаете за управление этой деревней?

— Я отвечаю за управление поместьем. Меня не касаются повседневные дела в деревнях.

— Такие дела касаются деревенского констебля, не так ли?

— Так и есть.

— И в Калдуи констеблем был мистер Лаклан Маккензи?

— Верно. Он действовал как констебль Калдуи, Камустеррача и Ард-Даба.

— Это соседствующие деревни?

— Да.

— Значит, вы встречались с мистером Маккензи, как с констеблем этих общин, и обсуждали управление ими?

— Да, мы встречались, но не часто.

— Вы указывали ему в деталях, как следует руководить деревнями?

— Мы обсуждали управление деревнями в общем и в целом, но мелкие детали меня не заботили.

— Что значит «в общем и в целом»?

— Я имею в виду общее содержание улиц и

дорог, меры, которые принимаются, чтобы арендаторы не имели задолженностей в выплате ренты… такого рода дела.

— И вы считали мистера Маккензи компетентным?

— Мистер Маккензи был, безусловно, лучшим констеблем из всех, служивших в поместье за время моего пребывания в должности.

— Вы были уверены в его способностях?

— В высшей степени уверен, да.

— А теперь — не припомните ли вы тот случай в конце июля, когда вас навестили мистер Джон Макрей и его сын, подсудимый, которого вы здесь видите?

— Припоминаю.

— До этой встречи вы были знакомы с мистером Макреем?

— Нет.

— Вас часто посещают арендаторы поместья?

— Нечасто. Крайне нерегулярно.

— Почему?

— Если арендаторы желают обсудить вопросы, касающиеся управления их деревней, они должны обсудить их с констеблем.

— В данном случае — с мистером Маккензи?

— Верно.

— Вы изложили эту точку зрения мистеру Макрею?

— Изложил.

— И что он ответил?

— Он сказал, что мистер Маккензи и есть повод для его визита.

— Вы не могли бы рассказать об этом подробнее?

— Похоже, между ними существовала некая вражда; по крайней мере, мистер Макрей считал, что мистер Маккензи дурно с ним обращается.

— Вы спросили мистера Макрея, почему он так считает?

— Спросил. Тот поведал о каких-то незначительных инцидентах, но, боюсь, я не смогу припомнить детали.

— Тем не менее вам не показалось, что, обоснованно или нет, мистер Макрей затаил обиду на мистера Маккензи?

— Показалось.

— И какие действия вы предприняли?

— Я не предпринял никаких действий. Это дело меня не касалось.

— Вы сообщили мистеру Маккензи о случившемся?

— Не могу припомнить.

— Вы виделись с мистером Маккензи в промежутке между его смертью и вашей встречей с мистером Макреем?

— Виделся.

— Когда вы с ним встречались?

— Я повстречался с ним в день летнего Праздника Урожая.

— Когда же это было?

— Если не ошибаюсь, тридцать первого июля.

— Вы разговаривали с ним в тот день?

— Да. Мы пили эль в гостинице в Эпплкроссе.

— Понимаю. А можете сказать, не упоминали ли вы ему про тот случай — про вашу встречу с мистером Макрем и его сыном?

— Полагаю, упоминал.

— В каких словах вы о ней упомянули?

— Как о забавном эпизоде.

— Мистер Маккензи счел его забавным?

— Как будто да.

На этом мистер Гиффорд закончил допрос. У защиты не было вопросов к свидетелю.

Потом вызвали мистера Макрея и изложили ему показания фактора.

— Если, согласно вашему свидетельству, вы не питали обиды на покойного, почему вы почувствовали необходимость навестить фактора и

изложить ему жалобы на мистера Маккензи? — спросил мистер Гиффорд.

В этот миг на галерее, где, как писал мистер Мёрдок, «многие, должно быть, остро почувствовали унижение, которому подвергся арендатор», воцарилась полная тишина. Глаза мистера Макрея метнулись по залу суда, словно в поисках помощи. Лорду судье-клерку пришлось напомнить ему, что нужно отвечать.

— Я только хотел получше узнать о правилах, по которым мы живем.

— И вы не считали, что этот вопрос можно задать покойному?

— Нет.

— Почему?

Спустя несколько мгновений мистер Макрей ответил:

— Мы с мистером Маккензи не были в хороших отношениях.

— И вы считали, что он действует по отношению к вам мстительно?

Мистер Макрей не ответил.

Мистер Гиффорд, по-видимому, решив, что достиг своей цели, двинулся дальше.

— Девятого августа, в понедельник, в день перед тем, как произошли убийства, вы получили

письмо?

— Получил.

— От кого?

— От фактора.

— И каково было содержание этого письма?

— Мне прислали извещение о выселении.

— Вас должны были выгнать из дома?

— Да.

— Как вы отреагировали на письмо?

Мистер Макрей сделал неопределенный жест рукой, в которой сжимал палку.

Мистер Гиффорд перефразировал вопрос:

— Что вы собирались делать в связи с этим извещением?

— Я ничего не собирался делать.

— Вы собирались подчиниться извещению?

Несколько мгновений мистер Макрей смотрел на прокурора.

— Не от меня зависело, подчинюсь я или нет.

— А от кого же?

— От властей.

— Вы обсуждали с сыном положение дел?

— Не обсуждал.

— Вы когда-нибудь выражали мнение, что было бы лучше, если б мистер Маккензи был мертв?

— Нет.

— Ваш сын когда-нибудь выражал мнение, что было бы лучше, если б мистер Маккензи был мертв?

— Нет.

— Вы когда-нибудь говорили своему сыну, что он должен убить мистера Маккензи?

— Нет.

— Вам жаль, что мистер Маккензи мертв?

— Это не моя забота.

В конце данного обмена репликами все в зале суда разом выдохнули. Мистера Макрея во второй раз отпустили со свидетельского места, и, как сообщалось, он отказался от предложенной ему комнаты в гостинице и предпочел провести ночь на железнодорожной станции в ожидании поезда, на котором он начнет свое путешествие домой.

Потом снова вызвали Аллана Крукшанка. Мистер Гиффорд попросил его напомнить присяжным о роде его занятий, прежде чем возобновил допрос свидетеля.

— Мы услышали, — начал он, — что вы встречались с покойным, Лакланом Маккензи, в гостинице в Эпплкроссе тридцать первого июля и что в ходе беседы с ним упомянули о визите к вам Джона Макрея и его сына — подсудимого,

которого вы здесь видите.

— Все верно.

— Вы встречались с покойным после того случая?

— Встречался.

— При каких обстоятельствах?

— Мистер Маккензи навестил меня в моем доме вечером седьмого августа.

— За три дня до смерти?

— Да.

— Какова была причина его визита?

— Он ходатайствовал, чтобы я приказал выселить Джона Макрея с его участка.

— На каком основании?

— Существовал ряд проблем.

— Каких именно?

— Семья Макрей сильно задолжала с выплатой ренты. К тому же они задолжали поместью из-за нескольких наложенных на них штрафов…

— Эти штрафы наложил мистер Маккензи?

— Да.

— Вы можете припомнить причину штрафов?

— Не могу. Я полагаю, причин было множество.

— Существовали какие-то другие факторы?

— Мистер Макрей пренебрегал своими обя-

занностями по поддержанию дома и земли в пристойном состоянии. Чувствовалось также, что если Макреи и дальше будут присутствовать в деревне, это не пойдет на пользу благополучному управлению ею.

— Каким образом?

Мистер Крукшанк не смог ответить на этот вопрос. Спустя несколько мгновений он пробормотал:

— Чувствовалось, что они оказывают плохое влияние…

— Вы предпринимали какие-нибудь шаги, чтобы это проверить?

— Не предпринимал.

— Почему?

— Я полностью доверял суждениям мистера Маккензи.

— Разве не множество арендаторов в тех местах имеют задолженности по ренте?

— К сожалению, это так.

— Тогда почему же мистера Макрея выделили подобным образом?

— Его долги достигли таких размеров, что вышли из-под контроля. Не оставалось надежды, что он их погасит.

— Суд слышал, что в прошлом году был умень-

шен размер надела мистера Макрея. Возможно ли, что, будь у него больше земли, он сумел бы продать излишки урожая и покрыть долг?

Мистер Крукшанк ответил:

— Я не знал ни о каком уменьшении, но, — добавил он, — пришлось бы продать громадное количество картофеля — или что там выращивают эти люди, — чтобы погасить такие долги.

— Вы не знали об уменьшении участка мистера Макрея?

— Нет, сэр.

— То есть это было сделано без вашего согласия?

— Ну, без моего ведома. Я не сомневаюсь, что мистер Маккензи действовал из лучших побуждений.

— Вы бы ожидали, что с вами проконсультируются по такому вопросу?

— Как я уже сказал, я уверен, что мистер Маккензи действовал из лучших побуждений.

— Я спрашивал не об этом. Я спросил, ожидали бы вы, что с вами проконсультируются по такому вопросу?

— Я ожидал бы, что со мной проконсультируются в случае всеобщего перераздела земли в деревнях, но, поскольку речь шла о небольшой

доле единственного участка, я уверен, это могли решить сами деревенские жители. Они не дети.

— Мистер Маккензи доложил вам об инциденте, когда мистер Макрей забрал с берега водоросли без должного разрешения?

Мистер Крукшанк рассмеялся, услышав это предположение, и ответил, что нет, не доложил.

— Вы знали, что мистер Макрей задолжал также лично мистеру Маккензи в счет компенсации за убитого подсудимым барана?

— Не знал.

— А если б вы все это знали, — предположил мистер Гиффорд, — могли бы вы заподозрить, что в предложении мистера Маккензи выселить мистера Макрея имелся элемент мести?

Мистер Крукшанк несколько мгновений обдумывал свои слова, прежде чем ответить:

— Могу сказать одно: по имеющимся у меня сведениям, мистер Маккензи превосходно выполнял свои обязанности констебля. У меня не было причин изучать его мотивы, и предоставленные им доказательства свидетельствовали в пользу его предложения.

— Поэтому вы согласились с мнением мистера Маккензи, что мистера Макрея следует выселить?

— Я не видел никакого другого выхода.

— И вы составили необходимые бумаги?

— Да.

— Немедленно?

— Из уважения к воскресенью письмо было написано и доставлено в понедельник.

— То есть в понедельник, девятого августа, за день до смерти мистера Маккензи?

— Верно.

Мистер Гиффорд поблагодарил фактора за показания, и, поскольку у мистера Синклера не было вопросов, свидетеля отпустили.

Потом вызвали преподобного Джеймса Гэлбрейта. Как сообщал мистер Мёрдок, это был «с головы до пят верный служитель Бога, из тех, что живут в отдаленных частях нашей страны и руководят своей паствой с несгибаемой волей. Он был облачен в простое платье своей профессии, и по его мрачному лицу было ясно, что его не беспокоят мирские удовольствия. Он посмотрел на мистера Гиффорда с пренебрежением, которое мог приберегать для столичного франта, и даже знаменитый прокурор, казалось, задрожал под его взглядом».

Мистер Гиффорд:

— Вы — священник прихода Эпплкросс?

Мистер Гэлбрейт, с «видом учителя, поправляющего отстающего ученика»:

— Мой приход включает деревни Камустеррач, Калдуи и Ард-Даб.

— Поэтому Джон Макрей и его семья находились в числе ваших прихожан?

— Да.

— Джон Макрей действительно был старостой вашей церкви?

— Да.

— А теперь скажите, верно ли, что мистер Макрей послал за вами вечером девятого августа?

— Да. Он прислал свою дочь спросить, не смогу ли я тем вечером заглянуть к нему.

— И вы это сделали?

— Сделал.

— Какова была причина такой просьбы?

— Он получил от фактора извещение о выселении.

— Каким вы нашли мистера Макрея в тот вечер?

— Он был очень огорчен.

— Он просил вас о помощи?

— Он спросил, не могу ли я вступиться за него.

— И вы согласились это сделать?

— Нет.

Получив такой ответ, мистер Гиффорд сделал вид, что удивлен.

— Не могли бы вы рассказать суду, почему не сделали этого?

Мистер Гэлбрейт уставился на прокурора испепеляющим взглядом.

— Я не мог впутываться в подобные дела.

— Но ведь вас наверняка заботит благополучие ваших прихожан?

— Меня заботит духовное благополучие моих прихожан. Не мое дело вмешиваться в управление поместьем.

— Понимаю. Вы дали мистеру Макрею хоть какие-нибудь советы?

— Я напомнил ему, что страдания в этой жизни даются нам лишь как воздаяние за наши грехи, и поэтому он должен смириться с ними.

— Но вы не дали ему никакого практического совета, как справиться с ситуацией, в которой он очутился?

— Я призвал его к молитве.

После этого ответа по галерее пробежал смех, который быстро утих под суровым взглядом проповедника.

Мистер Гиффорд поблагодарил свидетеля и снова занял свое место.

Тогда встал мистер Синклер, чтобы начать защиту.

— Присутствовал ли подсудимый, Родрик Макрей, при вашем визите?

— Он пришел домой, когда я уходил.

— Вы с ним разговаривали?

— Недолго.

— Подсудимый посещал вашу церковь?

— Не посещал.

— Когда-нибудь раньше он посещал вашу церковь?

— В детстве.

— А когда именно перестал посещать?

— Я не могу с уверенностью ответить на этот вопрос.

— Год назад или пять лет назад?

— Ближе к одному или двум годам.

— То есть примерно в то время, когда умерла его мать?

— Примерно в то время.

— Поскольку вы заявили, что вас заботит духовное благополучие ваших прихожан, не могли бы вы рассказать суду, какие шаги предприняли, чтобы уговорить подсудимого возобновить посещения церкви?

— В мои обязанности не входит принуждать

прихожан к посещению. Я не доезжачий[45].

— Значит, вас не беспокоило то, что он не соблюдает обрядов?

— Пастырь должен заботиться о благосостоянии всего стада в целом. Если в стаде есть паршивые овцы, их следует изгнать.

— И Родрик Макрей был паршивой овцой?

— В противном случае мы вряд ли собрались бы здесь, в зале суда.

Этой репликой, как замечает насмешливый мистер Филби, «суровый пресвитерианец, скорее всего, как никогда, приблизился к тому, чтобы пошутить».

— О да! — отозвался мистер Синклер. — Но если я могу задать вам еще несколько вопросов — что именно делало Родрика Макрея паршивой овцой?

— Мальчишка — злобная личность.

— «Злобная» — сильное слово, мистер Гэлбрейт.

Священник не ответил на это замечание. Мистер Синклер сделал еще одну попытку:

---

[45] Примечания: 45

Доезжачий — помощник егеря, отвечающий за свору собак. В Шотландии так называли официальное лицо, инспектора по посещаемости, который объезжал сельские районы, чтобы удостовериться, что дети посещают школу. — *Прим. авт.*

— Как именно проявлялась его злобность?

— Даже в раннем детстве мальчишка не уважал дом Господа. Он был изворотливым и невнимательным во время молитвы. Один раз я поймал его на том, что он мочился на церковной земле.

Лорд судья-клерк ударил молотком, чтобы унять смех, донесшийся с галереи.

— Понимаю, — проговорил мистер Синклер. — Вы бы сказали, что видели в подсудимом признаки безумия?

— Я бы сказал, что видел в нем признаки порока.

— Какие именно признаки?

Мистер Гэлбрейт, очевидно, не думал, что вопрос сто́ит того, чтобы на него отвечать. Судья велел ему ответить.

— Достаточно за ним понаблюдать. Если для вас это неочевидно, я бы предположил, что вы такой же нечестивец, как и он, сэр, — уничижительно ответил священник.

Мистер Синклер слегка улыбнулся свидетелю.

— Я лишь прошу, чтобы вы, как образованный человек, прокомментировали характер подсудимого, — сказал он.

— Судя по моим наблюдениям, мальчишка порабощен дьяволом, и если требуются дока-

зательства, стоит только посмотреть на дела, которые он совершил.

Мистер Синклер устало кивнул, и свидетеля отпустили.

Следующий свидетель не мог представлять собой более разительный контраст по отношению к священнику. Появление Арчибальда Росса в зале суда вызвало большое веселье на галерее. Он был одет в стиле сельского джентльмена, «в желтый твидовый костюм, явно раздобытый для такого случая». На ногах его красовались до блеска отполированные ботинки с большими квадратными пряжками, на шее — зеленый шелковый шарф. Как писал мистер Филби, то был «денди до головы с ног, и его внешность могла бы заставить наблюдателя сделать вывод, что деревня Эпплкросс, где он проживает, вся такая же *à la mode*[46]».

После нескольких предварительных вопросов о месте рождения Росса и роде его занятий мистер Гиффорд спросил, как тот познакомился с подсудимым. Росс описал, как он встретился с Родди во дворе возле конюшен лорда Миддлтона.

— Какое поручение подсудимый получил в тот день?

---

[46] Примечания: 46
Модная (*фр.*).

— Нести сундук в горы.

— Что было в этом сундуке?

— Закуски для отряда охотников.

— Подсудимый умело выполнял свои обязанности?

— Отчасти — да.

— После того дня вы когда-нибудь снова встречались с подсудимым?

— Встречался.

— Когда произошла ваша встреча?

— Несколько недель спустя на Празднике Урожая.

— То есть тридцать первого июля?

— Если вы так говорите, — ответил Росс с ухмылкой.

— Пожалуйста, расскажите нам, что тогда произошло.

Росс описал, как он встретился с подсудимым у гостиницы Эпплкросса, как они вошли внутрь и выпили много эля, а потом направились к Большому Дому, чтобы посмотреть на матч шинти между деревнями.

— Вы были пьяны?

— Может, самую малость.

— Был ли пьян подсудимый?

— Я бы сказал — да.

— Подсудимый поведал вам о себе что-нибудь личное?

— Он рассказал, что хочет уехать в Глазго, чтобы сколотить состояние, но не решается, поскольку привязался к местной девушке.

— И кто была эта местная девушка?

— Флора Маккензи.

— Флора Маккензи, дочь покойного Лаклана Маккензи?

— Да.

Это открытие вызвало на галерее шум, и потребовалась не одна угроза судьи, чтобы его унять.

— Которая является одной из жертв рассматриваемых здесь преступлений?

— Да.

— Подсудимый рассказал вам еще что-нибудь касательно своих взаимоотношений с покойной мисс Маккензи?

— Он сказал, что она его отвергла, и в любом случае их семьи разделяет давнишняя вражда и их родители никогда не дали бы согласие на женитьбу.

Это вызвало новые восклицания на галерее.

— Вы тогда наблюдали за матчем шинти?

— Да.

— А потом?

— Мы выпили виски, а после Родди заметил ту девушку…

— Флору Маккензи?

— Да. Он заметил, как она вместе со свой подругой идет по парку Большого Дома.

— И что вы тогда сделали?

— Я высказал ту точку зрения, что он должен открыто признаться девушке в своих чувствах, дабы точно узнать, в каких они отношениях.

— И он согласился?

— Не сразу, но я настаивал, и мы догнали девушек и представились им.

Тут, как писал мистер Филби, «как правило бесстрастный, подсудимый проявил некоторые признаки волнения, низко пригнувшись к коленям, словно надеясь найти на полу фартинг».

— И что произошло потом?

— Некоторое время мы шли все вместе, вчетвером.

— Куда вы шли?

— К маленькому мосту среди деревьев.

— В уединенное место?

Тут Арчибальд Росс «непристойно подмигнул» прокурору и под всеобщий смех ответил:

— Я делаю вывод, что вам знакомы такие приключения.

Мистер Гиффорд проигнорировал это замечание.

— И что там случилось?

— Чтобы Родди мог побыть наедине с объектом своей *буйной* страсти [sic], я повел подругу Флоры на мост и дал ему знак, что он должен идти дальше по тропе.

— Что было потом?

— Я побеседовал с девушкой, а потом, некоторое время спустя, Флора Маккензи вернулась по тропе.

— Она шла или бежала?

— Бежала.

— Она была одна?

— Да.

— Сколько времени прошло?

— Несколько минут, не больше.

— И что она сделала?

— Взяла за руку свою подругу и повела прочь.

— В каком направлении?

— В сторону Большого Дома.

— Она выглядела расстроенной?

— Возможно. Я не могу точно сказать.

— Она плакала?

— Не могу сказать.

— У нее были раскрасневшиеся щеки?

— Да, но, судя по моему опыту, есть множество причин, по которым у девушки могут раскраснеться щеки, — сказал Росс с самодовольной улыбкой.

Тут лорд судья-клерк напомнил свидетелю о серьезности судебного расследования и пригрозил вывести его, если он будет отпускать подобные замечания. Росс отвесил судье глубокий поклон и принес нижайшие извинения.

Мистер Гиффорд продолжил допрос свидетеля:

— Итак, мисс Маккензи пошла в лес с подсудимым, вернулась — бегом — несколько минут спустя и увела свою подругу обратно в сторону Большого Дома?

— Да, сэр.

— А где в это время был подсудимый?

— Он был в лесу.

— И он появился?

— Да.

— Через сколько минут?

— Вскоре, через одну или две.

— Как он себя вел?

— Он казался слегка расстроенным.

— Откуда вы это знаете?

— Он плакал.

— Он рассказал вам, что произошло?

— Да, сэр.

— Не будете ли вы добры поделиться с судом тем, что он вам рассказал?

— Он сказал только, что его авансы отвергли и что сердце его полностью разбито.

— «Его авансы» — он так и выразился?

— Не могу припомнить.

— Но вы поняли, что он делал некие «авансы»?

— Да.

— Подсудимый демонстрировал еще какие-нибудь признаки горя?

— Одна сторона его лица была красной.

— Почему?

— Его ударила девушка.

— Вы видели, как девушка его ударила?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что она его ударила?

— Родди мне рассказал.

— Что случилось потом?

— Я попытался не придавать значения случившемуся, но, видя, что мой друг искренне огорчен, предложил стакан эля, чтобы подбодрить его.

— И он согласился?

— Согласился.

— И вы вернулись в гостиницу?

— Да.

— Где выпили еще эля?

— Выпили.

— И как себя вел ваш друг — подсудимый — в то время?

— Он очень приободрился.

— В тот день случилось еще что-нибудь примечательное?

— Когда мы наслаждались стаканом эля, огромный грубый человек набросился на Родди и страшно его избил.

— Почему этот человек набросился на вашего друга?

— По-моему, без всякой видимой причины.

— Вы слышали, чтобы они обменялись какими-нибудь словами?

— Нет, сэр.

— И кто был тот «огромный грубый человек»?

— Позже я узнал, что это был Лаклан Маккензи.

— Покойный Лаклан Маккензи?

— Да.

— Что случилось потом?

— Я вывел Родди наружу и направил его по дороге, ведущей в его деревню.

На этом генеральный солиситор завершил допрос, и мистер Синклер встал, чтобы начать

защиту. Он попросил свидетеля мысленно вернуться в день охоты на оленей.

— Была ли охота в тот день успешной?

— Определенно нет, — ответил со смехом Росс.

— Почему?

Тут Арчибальд Росс описал, как Родди «устремился вниз, на оленей, размахивая руками, как огромная птица, и вопя, как банши[47]».

— Чтобы вспугнуть оленей?

— Да.

— Что вы думаете о таком его поведении?

Под громкий смех галереи Арчибальд Росс состроил комическое лицо и постучал себя пальцем по лбу. Лорд судья-клерк сделал ему строгий выговор и велел ограничиться словесными ответами.

Тогда Росс сказал:

— Я думаю, это был самый глупый поступок, какой я видел в жизни.

Мистер Синклер:

— Подсудимый каким-то образом дал понять заранее, что он собирается сделать?

— Никоим образом.

---

[47] Примечания: 47

Банши — фигура ирландского фольклора; женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок. — *Прим. ред.*

— Все произошло совершенно внезапно?

— Как гром с ясного неба.

— До этого поступка какое впечатление произвел на вас подсудимый?

— У меня не сложилось о нем определенного мнения.

— В его поведении не было ничего странного?

— Нет.

— Или в его речах?

— Нет.

— Он вел себя совершенно разумно?

— Да.

— Вплоть до того самого момента, когда вспугнул оленей?

— Да.

— А теперь — вы показали мистеру Гиффорду, что после инцидента в лесах с Флорой Маккензи подсудимый был крайне расстроен?

— Да.

— Он плакал?

— Да.

— Однако прошло немного времени, и, согласно вашим показаниям… — тут адвокат сверился с лежащими перед ним записями, — «…он очень приободрился»?

— Да.

— Что делал подсудимый непосредственно перед тем, как на него налетел мистер Маккензи?

— Он танцевал джигу под скрипку.

— Танцевал джигу?

— Да.

— Сколько времени прошло между инцидентом в лесу, который явно так сильно расстроил подсудимого, и исполнением джиги?

Тут Арчибальд Росс несколько мгновений колебался.

— Может быть, час.

— Больше часа или меньше часа?

— Меньше часа.

— И вам не показалось слегка странным, что подсудимый может плакать, а в следующую минуту — танцевать джигу?

— Я просто подумал, что ему поднял дух стакан эля.

— Вы не подумали, как и в горах, когда подсудимый вел себя совершенно разумно, а в следующий миг совершил самый глупый поступок, какой вы видели в жизни, что он страдает от крайне резких перепадов настроения?

— Я об этом не подумал, — сказал Росс.

На том мистер Синклер закончил допрос, и мистера Росса отпустили со свидетельского места

— не раньше, чем он, как писал мистер Филби, «изящно помахал галерее, будто был актером, закончившим театральное представление, каковым он до некоторой степени и являлся».

Потом Корона вызвала Ишбель Фаркуар, девушку, которая, как писал «Шотландец», «будучи скромного вида, с порозовевшими щеками, символизировала лучшие добродетели женщин Хайленда». На ней был темный фартук, волосы аккуратно заплетены в косы. Ее появление, похоже, заставило Родди страдать. Его глаза начали бегать по залу, «останавливаясь на чем угодно, кроме девушки, которая стояла на месте свидетеля».

После нескольких предварительных фраз мистер Гиффорд спросил:

— Вы можете рассказать суду, как познакомились с Флорой Маккензи?

— Она пришла работать на кухни Большого Дома.

— Куда наняли также и вас?

— Да, сэр.

— И вы подружились?

— Да.

Мисс Фаркуар отвечала таким тихим голосом, что лорд судья-клерк попросил ее говорить по-

громче, дабы присяжные могли расслышать ее реплики.

— И вы были с Флорой Маккензи днем тридцать первого июля на Празднике Урожая в Эпплкроссе?

— Да, сэр, была.

При упоминании имени своей подруги мисс Фаркуар начала плакать, и мистер Гиффорд галантно вынул из кармана носовой платок и протянул ей. Когда она взяла себя в руки, генеральный солиситор извинился за то, что расстроил ее.

— Однако мы собрались здесь по крайне серьезному делу, — продолжал он, — и необходимо, чтобы вы подтвердили своими показаниями факты, имеющие отношение к данному разбирательству.

— Сделаю все, что смогу, сэр, — ответила мисс Фаркуар.

— Флора когда-нибудь говорила с вами о подсудимом?

— Да, сэр, говорила.

— И что она сказала?

— Что один или два раза гуляла с ним, и он ей, в общем, нравился, но у него были подозрительные идеи и он иногда говорил странные вещи.

— Какие именно подозрительные идеи?

— Я не знаю.

— Она вам не рассказала?

— Нет.

— Вы можете рассказать нам, что делали непосредственно перед тем, как повстречались в рассматриваемый день с подсудимым и его другом, Арчибальдом Россом?

— Мы шли вокруг площадки у Большого Дома.

— И к вам приблизились Арчибальд Росс и подсудимый?

— Да.

— В каком состоянии они были?

— Они были пьяны.

— Оба?

— Родди больше.

— Насколько сильно он был пьян?

— Он с трудом говорил и шел неверной походкой.

— Тем не менее вы разрешили им вас сопровождать?

— Да.

— И отправились с ними в лес возле ручья?

— Да. Казалось, никакого вреда от этого не будет… — Свидетельница снова начала плакать.

— Итак, вы не думали, что подсудимый —

опасная личность, человек, который может причинить зло вам или Флоре?

— Я его не знала.

— Пожалуйста, расскажите суду, что случилось в лесу.

— Когда мы дошли до ручья, мистер Росс взял меня за руку, сказав, что хочет кое-что мне показать, и повел меня на мост.

— Подсудимый и Флора Маккензи пошли вместе с вами на мост?

— Они продолжали идти по тропе вдоль ручья.

— Что случилось потом?

— Мистер Росс наклонился через перила моста, начал говорить о форели и лососе в реке и показал на воду, но я не видела никакой рыбы.

— И?..

— А потом он попытался меня поцеловать.

— Куда он попытался вас поцеловать?

Мисс Фаркуар не ответила, но прикоснулась к своей шее.

— И вы позволили мистеру Россу вас поцеловать?

— Не позволила.

— Что вы сделали?

— Я отодвинулась от него, но он держал меня за руку и не выпускал, а потом сделал…

— Пожалуйста, продолжайте, мисс Фаркуар.

— Он сделал мне непристойное предложение.

— Предложение сексуального характера?

— Да, сэр.

— Понимаю. А потом?

— Я испугалась, потому что он стискивал мою руку. Тут по тропе вернулась Флора, он выпустил меня, и мы с Флорой ушли.

— Она бежала или шла?

— Она бежала.

— А Флора Маккензи рассказала вам, что случилось, пока она была наедине с подсудимым?

— Она сказала, что Родди говорил непристойности, что он прикасался к ней и она дала ему пощечину.

Мистер Гиффорд, извинившись за свою настойчивость, спросил:

— Она показала, к каким местам прикасался подсудимый?

Тут, как писал мистер Филби, подсудимый «взволновался больше, чем в любой предыдущий момент суда. Его щеки густо побагровели, он скрутил руки на коленях и как будто съежился и сжался. Без раскаяния признавшись в убийстве трех человек, он явно чувствовал некоторое раскаяние за авансы, которые делал несчастной

мисс Маккензи».

Свидетельница стояла, не поднимая глаз, и несколько мгновений отказывалась отвечать на вопрос.

— Флора сказала, мисс Фаркуар, что он прикасался к интимным частям ее тела?

Она кивнула, и лорд судья-клерк приказал записать в протоколе, что свидетельница ответила утвердительно.

— Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Мистер Гиффорд поблагодарил ее и закончил допрос.

Мистер Синклер отказался от перекрестного допроса свидетельницы, и ее отпустили.

Последним свидетелем, вызванным Короной, был Гектор Мунро, доктор медицины, «маленький пухлый человек с бачками и румяным лицом». Весь его вид говорил о том, писал лукавый мистер Филби, «что он близко знаком с неким Дж. Уокером[48], эсквайром».

Доктор Мунро назвал свою профессию — врач общего профиля — и заявил, что работает штатным врачом в Инвернесской тюрьме.

---

[48] Примечания: 48

«Джонни Уокер» — известная марка скотча (шотландского виски). — *Прим. пер.*

Мистер Гиффорд:

— Что входит в ваши обязанности на этом посту?

Доктор Мунро:

— Заботиться об общем здоровье заключенных.

— И, занимая данную должность, вы обязаны были осмотреть теперешнего подсудимого, Родрика Макрея?

— Да.

— Вы это сделали?

— Сделал.

— Вы обследовали подсудимого только с точки зрения его физического состояния?

— Нет. Следователь попросил меня оценить психическое состояние заключенного.

— Чтобы выяснить, в здравом уме заключенный или нет?

— Да.

— Вы можете рассказать суду что-нибудь о физическом состоянии подсудимого?

— Я обнаружил, что в общем он в добром здравии, хотя у него имеется цинга в легкой форме, без сомнения, вызванная плохим питанием.

— Но в остальном он был здоров?

— Да. Вполне здоров.

— А теперь, что касается психического состояния — вы можете рассказать, каким образом пытались его оценить?

— Я довольно обстоятельно побеседовал с заключенным.

— О преступлениях, в которых его здесь обвиняют?

— Да, об этих преступлениях и о его положении в целом.

— И подсудимый вежливо беседовал с вами?

— Весьма вежливо, да.

— Какую оценку вы дали психическому состоянию подсудимого?

— Я счел, что он полностью владеет своим рассудком.

— «Полностью владеет своим рассудком», — повторил мистер Гиффорд, сделав сильное ударение на этих словах. — На основании чего вы пришли к такому выводу?

— Заключенный понимал, где находится и почему он здесь. Он отвечал на мои вопросы четко и обдуманно, и в его рассуждениях не было никаких признаков мании или умственного расстройства. Я бы даже сказал, что он — один из самых умных и красноречивых заключенных, с какими я встречался.

— «Один из самых умных и красноречивых заключенных, с какими вы встречались» — это сильное заявление, доктор Мунро.

— Таково мое откровенное мнение.

— А вы расспрашивали подсудимого конкретно о тех преступлениях, в которых его обвиняют?

— Расспрашивал.

— И каков был его ответ?

— Он открыто признал свою ответственность за них.

— Мог ли он так сказать из некоего желания угодить вам — считая, возможно, что именно это вы и хотите услышать?

— Не могу судить о мотивах подсудимого, но, если правильно припоминаю, я задал ему вопрос в совершенно нейтральной форме.

— В какой именно?

— Я сказал, что слышал о неких преступлениях, совершенных в его деревне, и спросил, не знает ли он что-нибудь о них.

— И каким был ответ?

— Подсудимый без колебаний ответил, что их совершил он.

— А вы спросили, почему он совершил те преступления?

— Спросил. Он ответил, что сделал это, чтобы

избавить своего отца от страданий, которые причиняла ему жертва.

— Жертва — Лаклан Маккензи?

— Да.

— И он ответил именно такими словами: «чтобы избавить отца от страданий, которые ему причиняли»?

— Полагаю, да, более или менее.

— А вы расспрашивали его о других жертвах?

— Конкретных вопросов я не задавал.

— Вы считаете, что его ответы были правдивыми?

— У меня нет причин ему не верить.

— Вы задавали подсудимому еще какие-нибудь вопросы относительно преступлений?

— Я спросил, испытывает ли он раскаяние в том, что сделал.

— И что он ответил?

— Он ответил, что не испытывает.

— Он не раскаивается в том, что убил трех человек?

— Да, сэр.

— Это не показалось вам необычным? Может, даже признаком того, что он не вполне владеет своим рассудком?

— По моему опыту, заключенные редко выра-

жают раскаяние в своих поступках. И чувство сожаления, которое они могут испытывать, как правило, относится лишь к тому факту, что их поймали.

Последнее замечание на миг смягчило атмосферу в суде, и лорд судья-клерк позволил взрыву смеха утихнуть без его вмешательства.

— Значит, вы как медик считаете, что отсутствие раскаяния не является симптомом потери рассудка?

— Ни в малейшей степени не является, сэр.

— Вам известно, что заключенный подал прошение о защите со ссылкой на невменяемость, утверждая, что в момент совершения преступлений он не владел своим рассудком?

— Известно.

— Вы обнаружили, что заключенный страдает от безумия?

— Не обнаружил.

— Возможно ли, что, совершая те поступки, он страдал от безумия?

— Учитывая его рассказ о своих преступлениях и разумную манеру его речи, я не верю, что он был безумен в момент совершения тех поступков.

Мистер Гиффорд поблагодарил свидетеля и завершил допрос.

Мистер Синклер встал, чтобы начать защиту.

— Сколько времени, — спросил он, — вы служите врачом в Инвернесской тюрьме?

— Около восьми лет.

— Должно быть, за это время вы обследовали огромное множество заключенных.

— Так и есть.

— Какую часть обследованных вами заключенных вы сочли бы безумными?

— Вряд ли я могу с уверенностью ответить на этот вопрос.

— Половину? Больше половины? Меньше половины?

— Гораздо меньше половины.

— Не могли бы вы выразиться точнее?

— Очень малую часть.

— Десять из ста? Пять из ста?

— Может быть, одного из ста.

— Одного из ста! Это и вправду малая часть! — воскликнул мистер Синклер. — А другие девяносто девять человек — что привело их в вашу тюрьму?

— Они совершили то или иное преступление или были обвинены в нем.

— И почему эти люди — девяносто девять процентов людей — совершили те преступления?

Доктора Мунро на несколько мгновений как будто озадачил оборот, который принял допрос. Он взглянул на лорда судью-клерка, и тот просто дал понять, что врачу следует отвечать на заданные ему вопросы.

— Если б меня вынудили высказать свое мнение, я сказал бы, что они в тюрьме потому, что не в силах контролировать свои низменные инстинкты.

— Инстинкты, которые велят воровать у своих сородичей или нападать на них?

— Да, к примеру.

— Но, как по-вашему, эта неспособность контролировать свои инстинкты не является свидетельством потери рассудка?

— Нет, сэр.

— Они просто плохие люди?

— Если вы желаете формулировать это подобным образом.

— А как бы вы это сформулировали?

— Я бы сказал, что они преступники, сэр.

Мистер Синклер сделал довольно-таки театральную паузу и, повернувшись лицом к джентльменам присяжным, сказал:

— Итак, в девяносто девяти процентах случаев у людей, которых вы осматривали как врач город-

ской тюрьмы, вы не нашли признаков безумия.

— Правильно.

— Будет ли верно сказать, что, когда вы обследуете заключенных в тюрьме, вы обычно не ищете признаков безумия?

— Да, мое обследование в основном ограничивается медицинским осмотром заключенных.

— Вы считаете себя экспертом в области криминальной антропологии?

— С учетом того, что я обследую заключенных в течение восьми лет, я бы сказал, что у меня есть некоторый опыт.

— Вы бы сочли себя экспертом в области криминальной психологии?

— Да.

— Не могли бы вы объяснить суду значение термина «нравственное помешательство»?

— Я не знаком с этим термином.

— Могли бы вы объяснить суду значение термина «мания без бреда»?

Доктор Мунро покачал головой.

— С этим термином вы тоже не знакомы. Вы

знакомы с работами месье Филиппа Пинеля?[49]

— Не знаком.

— Вы знакомы с работой доктора Джеймса Коулса Причарда?

— Я слышал он нем.

— Значит, вы читали его книгу «Трактат о безумии и других умственных расстройствах»?

— Не могу припомнить.

— Вы заявляете, что не можете припомнить, читали ли вы работу, имеющую величайшее значение в современной концепции психологии преступников — области, в которой вы претендуете на опытность?

— Моя опытность основана на обследовании членов криминальной популяции.

— Популяции, в которую, по вашим собственным оценкам, входит лишь незначительная часть людей, страдающих от психических расстройств.

— Да.

— Учитывая, что вас вызвали сюда сегодня для дачи показаний на серьезнейшем судебном

---

[49] Примечания: 49

Филипп Пинель (1745–1826) был пионером криминальной антропологии. Он ввел термин «мания без бреда» в своем труде «Nosographie philosophique ou méthode de l'analyse appliquée à la médecine». — *Прим. авт.*

расследовании, не думаете ли вы, что как якобы эксперт были обязаны ознакомиться с нынешними научными взглядами в данной области?

— Я полагаю, что любой другой медик, если б его пригласили обследовать заключенного, пришел бы к таким же выводам, что и я.

— Извините, доктор Мунро, но я спрашиваю не об этом. Я спрашиваю вот о чем: разве вы не обязаны, как пресловутый эксперт в криминальной психологии — применение которой имеет критическое значение для данного дела, — в полной мере изучить информацию о научных взглядах в этой области?

К тому времени добрый доктор, как писал мистер Филби, «начал сильно волноваться и огляделся по сторонам, словно надеясь найти припрятанную в свидетельской кафедре бутылку виски».

Мистер Синклер не настаивал на ответе, без сомнения, решив, что молчание более убийственно для врача, чем все, что тот мог бы сказать. Вместо этого адвокат заговорил более примирительным тоном:

— Возможно, я веду себя неблагоразумно. Может, будет полезнее, если вы расскажете присяжным, какое обучение или образование вы

получили в области криминальной психологии.

Доктор Мунро умоляюще посмотрел на судью, который жестом велел ему ответить.

— Я ей не обучался.

Мистер Синклер, явно наслаждаясь тем, что удача вновь перешла на его сторону, с выражением огромного изумления повернулся к присяжным.

— Было бы вернее сказать, что вы самоучка в данной области?

— Да, это было бы более верно, — ответил доктор.

— В таком случае, поскольку вы не читали труды доктора Причарда и месье Пинеля, может, вы расскажете присяжным, с помощью каких книг вы занимались самообразованием?

Доктор Мунро как будто поразмыслил над этим вопросом, после чего ответил, что в данный момент не может припомнить точных названий.

— Вы не можете припомнить ни единой книги, прочитанной по предмету, в котором, как вы заявили ранее в ответ на мой вопрос, вы являетесь экспертом?

— Не могу.

— В таком случае надо ли понимать так, доктор Мунро, — тут адвокат махнул рукой в сторону

присяжных, — что вы не имеете никакой подготовки, дающей вам право делать заявления касательно психического состояния подсудимого?

— Полагаю, у меня есть такая подготовка.

— Но у вас нет квалификации!

У свидетеля как будто не было сил защищаться от натиска адвоката, и, многозначительно покачав головой, мистер Синклер завершил допрос.

Доктор Мунро, явно почувствовав облегчение, что испытание подошло к концу, хотел было покинуть место свидетеля, но лорд судья-клерк сделал ему замечание, поскольку его еще не отпустили.

Мистер Гиффорд встал, чтобы тоже допросить свидетеля. Он извинился, что задерживает доктора, прежде чем попросил его напомнить суду, как долго тот практикует в Инвернесской тюрьме. Потом спросил, сколько заключенных тот обследовал за время своей службы.

Доктор Мунро, явно благодарный за то, что ему дали возможность реабилитироваться, ответил — хотя точную цифру назвать невозможно, наверное, она достигает «многих сотен».

— И за вашу долгую службу лишь малую часть тех, кто прошел через ваши руки, можно было

назвать безумными?

— Да, таково мое мнение.

— Ваше медицинское мнение?

— Да.

— Вы узнаёте признаки — или симптомы — безумия, доктор Мунро?

— Узнаю.

— Не могли бы вы перечислить нам эти признаки?

— Во-первых, заключенный может страдать от некоей мании…

Тут мистер Гиффорд извинился за то, что перебивает свидетеля.

— Не могли бы вы объяснить, то вы имеете в виду под термином «мания»?

— Я имею в виду лишь то, что заключенный страдает от неких ошибочных убеждений. Возможно, он слышит звучащие в его голове голоса, или его посещают видения, или он считает себя тем, кем не является.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Мысли подсудимого могут быть неупорядоченными; то есть он вроде бы говорит разумно, но не переходит от одной мысли к другой обычным путем. Также его заявления могут просто не иметь никакого отношения к реальности.

— Что-нибудь еще?

— Мне встречались заключенные, которые несли необъяснимую тарабарщину; те, чья речь представляла собой лишь поток невнятных, не связанных друг с другом слов или вовсе не походила на человеческий язык[50]. Есть также заключенные, которые не могут понять простейшее обращенное к ним предложение или отвечают на него неподходящим и неуместным образом. Далее есть те, кого можно назвать имбецилами, — по той или иной причине они просто умственно отсталые или остановившиеся в своем развитии на уровне ребенка.

Мистер Гиффорд подбодрил доктора, велев ему продолжать.

— В небольшой доле случаев попадаются заключенные, которые совсем не обращают внимания на окружающее, сидят или лежат в углу своей камеры и не реагируют ни на один стимул, часто бормоча что-то про себя или повторяя одно и то же действие *ad nauseam*[51].

---

[50] Примечания: 50

В озорной заметке в «Шотландце» предполагалось, что заключенные, на которых ссылался доктор Мунро, просто говорили на гэльском. — *Прим. авт.*

[51] Примечания: 51

До отвращения (*лат.*).

— Это самое исчерпывающее перечисление, — сказал мистер Гиффорд. — И как вам удалось собрать такие сведения по различным видам безумия?

— Благодаря моей практике общения с заключенными в Инвернесской тюрьме.

— Но время от времени вам, должно быть, попадались заключенные, которым трудно было поставить диагноз?

— Да, попадались.

— Что вы в таких случаях делали?

— Я мог проконсультироваться с коллегой или свериться с тем или иным учебником.

— Понятно. И вы сказали бы, что такие консультации и ваш многолетний опыт общения с преступниками дают вам право заявлять, безумен или нет любой конкретный индивидуум?

— Да, я так сказал бы.

— А теперь, прежде чем вы покинете место свидетеля, позвольте задать вам еще один вопрос. Когда вы обследовали подсудимого, он проявлял какие-либо признаки безумия или его поведение соответствовало тому, что вы только что описали?

— Нет.

— Он бредил?

— Нет.

— Его рассудок был расстроен?

— Нет.

— Он сознавал, где находится и какие обстоятельства его сюда привели?

— Да.

— И с вашей медицинской точки зрения его можно считать невменяемым или человеком, которому изменил рассудок?

— Нет.

Тут мистер Гиффорд бросил испепеляющий взгляд на скамью адвоката и без дальнейших театральных сцен завершил допрос.

Вот теперь доктора Мунро отпустили, и, с благодарностью взглянув на генерального солиситера, он «поспешил прочь, без сомнения, в поисках прибежища в ближайшей пивной».

Версия обвинения, в соответствии с законом Шотландии того времени, завершилась тем, что секретарь суда зачитал заявление подсудимого. Это было единственное заявление, которое ему дозволено было сделать: «Мое имя — Родрик Джон Макрей, мне семнадцать лет. Я уроженец Калдуи, что в Росшире, и проживаю в самом северном доме этой деревни со своим отцом, Джоном Макрем, арендатором. И, будучи обви-

нен в причинении смерти Лаклану Маккензи, сорока одного года, Флоре Маккензи, пятнадцати лет, и Дональду Маккензи, трех лет, посредством ударов, нанесенных флэфтером и кроманом в их доме 10 августа сего года, заявляю: я открыто признаю, что нахожусь в ответе за смерть поименованных персон. Утром упомянутого дня я отправился в дом Лаклана Маккензи, вооруженный этими предметами, с намерением его убить. Я убил Лаклана Маккензи в отместку за страдания, которые тот причинил моему отцу и всей моей семье. Я не собирался убивать Флору Маккензи или Дональда Маккензи. Их смерти повлекло за собой их присутствие в доме и мое желание помешать им поднять тревогу. Я считаю, что успех моего предприятия следует приписать провидению, потому соглашаюсь с любой участью, какую провидение мне отмерит. Я в здравом уме и делаю это заявление открыто и без принуждения. Все, что я заявляю, — правда. (Подпись) Родрик Макрей».

Расследование приостановилось. Поскольку к тому времени было около четырех часов, в суде последовала дискуссия насчет того, не отложить ли разбирательство на следующий день.

Мистер Синклер, без сомнения, боясь, что при-

сяжные проведут ночь со звенящим в их ушах заявлением Родди о его вменяемости, выступал за то, чтобы продолжить заседание. Мистер Гиффорд возражал, что, поскольку нет возможности завершить суд сегодня, его следует возобновить утром. Обмен репликами сделался довольно жарким — по крайней мере, со стороны мистера Синклера, — но, шепотом коротко посовещавшись со своими коллегами, лорд судья-клерк объявил, что суд откладывается. «Шотландец» писал, что мистер Синклер «побагровел, и было слышно, как он громко бормочет о заговоре против его клиента; за это он получил суровый выговор судьи и немедленно извинился».

Что бы ни думал мистер Синклер о совершенно резонном постановлении судьи, такое проявление раздражительности перед присяжными едва ли было в интересах его клиента. Судья повторил присяжным те же предостережения, что и вчера, и зал суда очистили от публики. Люди покидали галерею, «слегка смахивая на школьников, которых распустили на лето».

В вечерних выпусках газет публиковались красочные описания обмена репликами между адвокатом, прокурором и доктором Мунро, а «Инвернесский курьер» писал, что «в городских

трактирах и на перекрестках улиц не обсуждалось никаких других тем. Те, кому повезло присутствовать на суде, изрекали суждения, словно великие мудрецы, и всю ночь кипели споры о том, повесят или нет несчастного подсудимого».

Среди репортеров мнения тоже явно разделились. Статья в «Шотландце», посвященная сегодняшнему судебному разбирательству, заканчивалась тем, что «проблеск надежды, появившийся после того, как искусно адвокат дискредитировал доктора Мунро, тут же погас после заявления самого подсудимого о том, что он воистину находится в здравом уме. Теперь требуется самый удивительный поворот событий, дабы убедить присяжных, что несчастный арендатор неповинен в преступлениях, в которых его обвиняют».

Однако для Джона Мёрдока, пишущего в «Курьере», дело было далеко не таким ясным: «Хотя нельзя подвергать сомнению искусство, с которым мистер Гиффорд представлял дело Короны, присяжные попутно услышали достаточно о своеобразном поведении подсудимого, чтобы это посеяло семена сомнения относительно того, в здравом ли он уме».

В утреннем выпуске «Таймс» мистер Филби

писал: «Это самое необычное явление, чтобы защита в подобном деле основывалась на единственном свидетеле, но следует признать, что суд над Родриком Макреем — необычный случай. Спорными являются не факты дела, а состояние рассудка преступника, и лишь немногие люди (если таковые вообще имеются) могут взять на себя смелость заявить, что правильно оценивают это состояние. Подсудимый все время вел себя так почтительно и скромно, что совершенно невозможно вообразить его совершающим те зверские преступления, в которых его обвиняют. Однако он их все-таки совершил, и то, что человек, способный на подобную дикость, может потом два дня сидеть тихо, как мышь, говорит наблюдателю о некоем помешательстве, не входящем в случаи, перечисленные доктором Гектором Мунро. Таким образом, огромная ответственность лежит на плечах знаменитого Джеймса Брюса Томсона, в чьих руках находится судьба Родрика Макрея».

День третий

Не только мистер Филби сознавал важность показаний мистера Томсона. Появления последнего в зале суда ожидали с бóльшим волнением, чем любого другого момента с тех пор, как здесь впер-

вые появился сам подсудимый. Мистер Томсон, в облегающем черном костюме, с пересекающей живот золотой цепью карманных часов, занял место за свидетельской кафедрой с видом величайшей серьезности. Как писала «Таймс», он «бросил надменный взгляд на общую галерею, а потом с не менее высокомерным видом уставился на судей, представителя Короны и адвоката. Знаменитый психиатр ясно дал понять, что считает себя главным актером в этом театре».

Лорд судья-клерк призвал суд к порядку, и, как только с формальностями было покончено, мистер Синклер приступил к допросу, осведомившись о роде занятий свидетеля.

Мистер Томсон:

— Я штатный хирург в общей тюрьме Шотландии в городе Перт.

— Как давно вы занимаете эту должность?

— Около четырнадцати лет.

— Сколько заключенных вы обследовали за это время?

— Около шести тысяч.

— Вы изучали и физическое, и психическое состояние заключенных?

— Да.

— Было бы верно сказать, что вы уделяли особое

внимание психологическому состоянию вверенных вашему попечению заключенных?

— Это было бы верно.

— И вы бы сказали, что у вас есть некоторый опыт в изучении психического состояния преступников?

— Отбросив скромность, я бы сказал, что да.

— На основании чего вы можете заявить о наличии подобного опыта?

— В придачу к практическому исследованию заключенных я изучил обширный спектр трудов по этой теме. Я был избран членом Медико-психологической ассоциации[52], и эта организация пригласила меня прочесть научный доклад о психологическом влиянии тюрьмы на заключенного. Моя статья об эпилепсии среди заключенных опубликована в Эдинбургском ежемесячном журнале, и вскоре я опубликую другие работы по психологическим и наследственным аспектам преступности в журнале «Психиатрия».

— Это очень впечатляет, сэр, — сказал мистер Синклер. — И я не ошибусь, утверждая, что в вашем заведении содержатся преступники, которых признали неспособными предстать перед

---

[52] Примечания: 52

Полное название — Королевская медико-психологическая ассоциация. — *Прим. пер.*

судом на основании их безумия?

— Это верно.

— Итак, благодаря вашему большому опыту общения с теми, кого можно назвать основной массой заключенных, у вас было много контактов с невменяемыми в отношении совершенного преступления.

— Так и есть.

— И вы бы провели какие-нибудь разграничения между основной массой заключенных и теми, кого считают невменяемыми в отношении совершенного преступления?

— Те и другие преступники во многом схожи тем, что лишены нравственного чувства. Однако врожденный преступник, как правило, предрасположен к совершению преступлений в силу своей наследственности и по большей части неисправим. В настоящее время в переполненных трущобах наших городов обитает преступный класс. Эти люди рождаются в преступлении, воспитываются и лелеются в нем и обучаются ему. Таким образом, можно утверждать, что такие преступники не могут по-настоящему нести ответственности за свои действия, поскольку рождены для них и бессильны сопротивляться тирании среды, в которой живут.

Как заметил мистер Мёрдок, «в ритме и интонациях речи психиатра было нечто от магии, свойственной проповеднику Свободной церкви[53]».

— Возможно ли, — спросил мистер Синклер, — идентифицировать членов этого наследственного преступного класса, о котором вы говорите?

— Всенепременно.

— Каким образом?

— Из-за отвратительных условий, в которых размножаются эти семьи, и из-за отсутствия у них уважения к правилам, запрещающим кровосмешение, среди них часто встречаются аномалии — такие как деформации позвоночника, заикание, дефекты органов речи, косолапость, волчья пасть, заячья губа, глухота, врожденная слепота, эпилепсия, золотуха и так далее. Все это обычно сопровождается слабоумием или имбецилизмом. Рожденные в преступлении отличаются от честного рабочего так же, как черномордая овца

[53] Примечания: 53

Свободная церковь — общее наименование всех христианских общин и церквей в Великобритании, не принадлежащих к англиканской или католической конфессиям: пресвитерианская церковь, церковь баптистов, методистов и пр. — *Прим. пер.*

отличается от овцы породы шевиот[54].

— А теперь скажите — верно ли, что вы ездили в Инвернесс, чтобы обследовать обвиненного в данном деле?

— По вашей просьбе, сэр, я ездил туда.

— И вы провели обследование?

— Провел.

— Каковы были результаты этого обследования?

— Я выяснил, что в некоторых отношениях он демонстрирует низкие физические характеристики наследственного преступного класса.

— В каких именно отношениях?

— Он ниже среднего роста, у него уродливый череп, ненормально большие отвислые уши, глаза маленькие и близко посаженные, и, как может заметить любой, брови нависшие и выступающие. Кожа бледная и нездоровая, хотя это я скорее приписал бы скудости его питания, чем наследственным факторам.

— Решая вопрос, следует ли считать подсудимого преступником из-за его наследственности,

---

[54] Примечания: 54

Идеи, изложенные здесь Томсоном, более полно описаны в его статье «Наследственная природа преступления», опубликованной в журнале «Психиатрия» в 1870 году. Эти идеи — пример широко распространенной в те времена теории «дегенерационизма» — своего рода эволюции наоборот. — *Прим. авт.*

вы предпринимали какие-либо исследования, помимо физического осмотра?

— Предпринимал. Вместе с вами я отправился на место жительства подсудимого, в деревню Калдуи в Росшире.

— Почему вы решили, что необходимо предпринять такое путешествие?

— Я ведь заявил тогда: если человек считает, что в его стакане грязная вода, ему следует проверить колодец.

Тут вмешался лорд судья-клерк, попросив психиатра объяснить, что он имеет в виду.

— Лишь то, — ответил мистер Томсон, — что с помощью одного только физического обследования нельзя установить, передались ли человеку его особенности по наследству. Надо проверить также источник, из которого он вышел.

Мистер Синклер:

— И каковы были результаты вашего визита в Калдуи?

— Тамошние жители в общем и в целом относятся к группе низкого физического развития, они невысокие и в большинстве случаев непривлекательной внешности. Без сомнения, это вызвано широким распространением близкородственных браков, которые подтверждаются

тем, что в тех местах повсеместно встречаются определенные фамилии. Я обнаружил, что условия жизни подсудимого и его семьи́ совершенно не пригодны для человеческого проживания. В их лачуге — я бы не решился назвать ее домом — отсутствует вентиляция и канализация, и люди там живут вместе со скотом. Отца, с которым я побеседовал несколько минут, я счел тупым до идиотизма. Мать подсудимого умерла родами — в нашу новую эпоху это, скорее всего, показатель врожденной болезненности. Сестра подсудимого покончила с собой, что наводит на мысли о некоем психическом расстройстве, свойственном этому несчастному клану. У меня не было возможности обследовать младших брата и сестру обвиняемого, поскольку их увезли, чтобы о них заботились где-то в другом месте. Подводя итог, я без колебаний сказал бы, что подсудимый родом из группы, физическое развитие которой находится ниже среднего уровня.

— Итак, вы бы сделали вывод, что он относится к наследственному преступному классу, который вы недавно так красноречиво описали?

— Я полностью сознаю, учитывая защиту, построенную вами в данном деле, что вы желаете получить от меня утвердительный ответ. Однако,

хотя подсудимый имеет определенное сходство с городским преступным племенем, без сомнения, из-за своего низкого происхождения, я бы не классифицировал его как члена преступных классов — то есть классов, рожденных в преступлении и над которыми оное имеет непреодолимую власть.

В этот миг «весь вид мистера Синклера говорил о том, что у него вышибли землю из-под ног». Слегка запинаясь, он попросил мистера Томсона пояснить свое умозаключение.

— Все очень просто, мистер Синклер. Следует искать причины преступления не только в наследственности преступника, но и в его окружении. Хотя для образованных людей вроде нас с вами поселки Хайленда могут показаться убогими лачугами, это рай в сравнении с трущобами, где обитают городские преступники. Воздух в Хайленде чистый, и дышится им легко, и, хотя местное население там живет в бедности, огромное большинство людей честно трудится на земле или занимается какой-нибудь другой скромной работой. Мелкие кражи и жульничество в тех краях практически неизвестны. Поэтому люди, независимо от своего низкого физического развития и ограниченных умственных

способностей, не воспитываются в атмосфере преступности. Подсудимый, может, и родился в жизненных условиях, от которых отказался бы цивилизованный человек, но он не был рожден в преступлении.

В судебном разбирательстве наступила пауза, пока мистер Синклер совещался со своим помощником. Мистер Гиффорд, как писали, «откинулся на спинку сиденья и, скорее всего, положил бы ноги на стол, не будь такой поступок неподобающим». Люди в общей галерее, возможно, еще не полностью понимая важность последнего обмена репликами, перешептывались. Лорд судья-клерк как будто согласился сделать минутный перерыв, прежде чем спросить мистера Синклера, закончил ли тот допрос свидетеля.

Адвокат дал понять, что еще не закончил, и торопливо задал свидетелю следующий вопрос:

— Мы слышали показания доктора Гектора Мунро, врача общего профиля, который заявил, что подсудимый не проявляет ни одного из обычных признаков безумия или имбецильности. Вы согласны с этой оценкой?

— Согласен.

— Но согласны ли вы также, что можно счесть безумным человека, не демонстрирующего по-

добных признаков?

— Да, согласен.

— Как такое может быть?

— За последние десятилетия наши знания о функционировании — или дисфункции — рассудка значительно расширились благодаря трудам моих коллег из континентальной Европы, поэтому в настоящее время в криминальной антропологии общепризнано состояние нравственного помешательства, или, как его иногда называют, «мании без бреда».

— Не могли бы вы описать, что подразумевает такое состояние?

— Если коротко, оно представляет собой патологическое извращение склонностей без сопутствующего ухудшения умственных способностей. Таким образом, человек может полностью осознавать, что его окружает, и разумно рассуждать, но все же быть совершенно лишенным нравственного чувства. Это доказывается обычным характером мелкого преступника, который совершенно не в силах отказаться от воровства, а у крупных преступников — лиц, виновных в убийстве, изнасиловании или детоубийстве, — полным отсутствием раскаяния. Нравственно помешанный совершенно не способен сопро-

тивляться своим жестоким или преступным побуждениям. Этих несчастных отличает то, что они привержены злым чувствам, часто пробуждающимся в них при самых тривиальных провокациях. Они видят враждебность там, где ее не существует, и долго тешатся фантазиями о каверзах и мести; а потом невольно поступают в соответствии с этими фантазиями.

— То есть вы бы сказали, что такие индивидуумы не несут ответственности за совершенные ими дела?

— Я не могу судить с точки зрения закона, но с точки зрения ученого, занимающегося криминальной психологией, нельзя считать, что они несут такую же ответственность, как обычные люди, потому что такие индивидуумы рождаются — по той или иной причине — без нравственного чувства. В их характере нет обычных сдерживающих начал, присущих цивилизованным мужчинам и женщинам. Поэтому нельзя считать их полностью ответственными за их деяния. Они — моральные имбецилы и несут не больше ответственности за свое состояние, чем кретин — за свое.

Тут лорд судья-клерк вмешался, чтобы побудить мистера Синклера перейти в допросе от этих

«без сомнения, захватывающих» утверждений общего характера к нынешнему делу. Мистер Синклер нехотя уступил, хотя сперва заметил, что необходимо ознакомить присяжных с современными концепциями криминальной психологии.

— А теперь, — продолжал он, — суду было зачитано заявление, в котором подсудимый добровольно заявляет, что он находится в здравом уме. Исходя из вашего долгого опыта общения с криминальной популяцией, возможно ли, чтобы человека, способного делать подобные заявления, все-таки можно было считать безумным?

— Да, такое вполне возможно, — ответил мистер Томсон.

— Как такое может быть?

— Если человек страдает от некоего заблуждения, это заблуждение так же реально для него, как для нас — этот зал суда. Если человек безумен, он, по определению, не может признать себя таковым.

— Понимаю, — сказал мистер Синклер и сделал паузу, чтобы дать присяжным время уяснить это заявление. — Учитывая вышесказанное, какое значение вы бы придали заявлению подсудимого о состоянии его рассудка?

— Никакого.

— «Никакого», — повторил мистер Синклер, бросив на присяжных многозначительный взгляд.

Тут лорд судья-клерк перебил:

— Давайте проясним! Мистер Томсон, вы свидетельствуете, что подсудимый безумен?

— Я свидетельствую, что если б подсудимый был безумным, он не сознавал бы данного факта. В действительности, если б он заявил, что является безумным, это подразумевало бы противоположное, поскольку такая точка зрения означает ту степень самопознания, которая полностью отсутствует у людей, не владеющих своим рассудком.

Лорд судья-клерк мгновение посовещался с лордом Джервисвудом, после чего дал знак, что мистер Синклер должен продолжить допрос. Тот поблагодарил и спросил:

— А теперь, мистер Томсон, вы обследовали подсудимого с целью установить, в каком состоянии находится его рассудок, не так ли?

— Да, так.

— В какой форме проходило это обследование?

— Я подробно побеседовал с ним на тему его преступлений.

— И что вы выяснили?

— Подсудимый, безусловно, весьма смышлен, его способность быстро схватывать речь превосходит то, что следовало бы ожидать от человека столь низкого воспитания. Он беседовал со мной довольно свободно, без видимой неловкости. С высшим рангом преступников, который я описал, его роднит то, что он не выказывал никакого раскаяния в своих поступках; воистину, я рискнул бы сказать, что он демонстрировал извращенную гордость, признаваясь в них.

— И вы бы назвали это характерной чертой личностей, страдающих от нравственного помешательства?

— Такое поведение и в самом деле распространено среди моральных имбецилов, но само по себе не означает нравственного помешательства.

— Отвечая на мой предыдущий вопрос, вы описали нравственное помешательство как… — тут мистер Синклер прочитал запись, которую протянул ему помощник: — Приверженность «злым чувствам, которые часто пробуждаются в них при самых тривиальных провокациях».

— Да.

— Далее — мы выслушали свидетельские показания, описывающие провокации в отношении

подсудимого и его семьи, сделанные покойным мистером Маккензи.

— Так и было.

— Независимо от того, рассматривать эти провокации как тривиальные или нет, вы бы сочли желание подсудимого отомстить за себя мистеру Маккензи признаком того, что он находился в состоянии нравственного помешательства?

— Если согласиться с версией событий, изложенной самим подсудимым, можно было бы резонно заключить, что он пребывал именно в таком состоянии.

То был «крайне важный вопрос», и лорд судья-клерк попросил свидетеля прояснить свой ответ.

Обращаясь напрямую к судье, мистер Томсон продолжал:

— Это вполне обычное явление во многих дисциплинах, в том числе в моей, когда идеи начинают восприниматься как факт, в силу того лишь, что их повторяют снова и снова. Боюсь, в данном случае определенное изложение событий — а именно, что подсудимый совершил свои поступки с целью избавить своего отца от деспотических, как он считал, действий мистера Маккензи — повторялось так часто, что с ним невольно стали соглашаться суд и различные

свидетели. Однако эта история полностью базируется на показаниях единственного свидетеля — самого подсудимого. Я не вижу веских причин принять такую версию событий или, по крайней мере, не подвергать ее тщательному рассмотрению.

Лорд судья-клерк:

— И вы ее рассмотрели?

— Рассмотрел.

— И каково ваше мнение?

— Мое мнение таково, что нет причин верить словам индивидуума, который, согласно его собственному признанию, совершил самые кровавые дела. Больше того — альтернативное объяснение дает более правдоподобную оценку его поступков.

К тому времени мистер Синклер был не в силах скрыть свою тревогу. Он попытался вмешаться, прервав цепочку вопросов, которые задавал судья, но его тут же заставили замолчать.

Лорд судья-клерк:

— И у вас есть такое объяснение?

— Есть, — сказал мистер Томсон.

— Тогда я попросил бы поделиться им с судом.

— Моя точка зрения основывается на противоречиях и пробелах в рассказе подсудимого,

изложенном и мистеру Синклеру, и мне. А именно — на противоречиях касательно ранений, нанесенных Флоре Маккензи, которые, по моему мнению, говорят о совершенно другом мотиве совершенных преступлений. Я бы сказал, что, когда подсудимый начал свой кровавый проект, его истинной целью была месть не мистеру Маккензи, а дочери этого джентльмена, отвергшей, как мы слышали, его непристойные авансы. При такой версии событий Родриком Макреем двигало не мнимо благородное желание защитить своего отца, но сексуальное влечение к мисс Маккензи. Таким образом, я бы утверждал, что подсудимый взялся за дело, отлично зная, что мистера Маккензи нет дома, и изнасиловал его дочь самым извращенным способом. Он был застигнут на месте преступления, и результатом последовавшей борьбы стала смерть мистера Маккензи.

Несколько мгновений царила тишина, за которой последовал взрыв шепота с галереи. Судья застучал молотком, чтобы восстановить порядок. Мистер Синклер казался полностью уничтоженным.

Лорд судья-клерк:

— Почему следует верить в данную версию событий, а не в предыдущую?

— Конечно, я не присутствовал при совершении этих деяний, — сказал мистер Томсон, — но ранения, причиненные мисс Маккензи, полностью противоречат мотиву, описанному заключенным. Более того, когда я расспрашивал его в камере, он выказал признаки тревоги только при упоминании об этих ранениях. Появилась трещина в облике, в котором он пытался предстать перед миром.

Тут лорд судья-клерк посмотрел на удрученного мистера Синклера, приглашая его продолжить допрос. Судья, без сомнения, понимая серьезность заявлений свидетеля, дал адвокату несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. Посовещавшись со своим помощником, мистер Синклер спросил:

— Если б мы приняли такую версию событий, разве не свидетельствовала бы она о потере рассудка даже сильнее, чем выдвинутая ранее?

Мистер Томсон слегка улыбнулся адвокату, сознавая, что тот пытается спасти дело от последствий его показаний.

— В случае простого нападения на сексуальной почве преступника, не способного контролировать свои основные инстинкты, можно признать, а можно и не признать полностью ответствен-

ным за свои действия. Однако данный случай необычен не самим характером преступления, а лицемерным характером заявлений подсудимого после преступления. Если б он открыто признался в мотивах своего нападения, его можно было бы счесть, как вы сказали, нравственно помешанным, поскольку он не сознавал бы, что его действия порочны. Однако, фабрикуя альтернативное объяснение — объяснение, призванное облачить его поступки в наряд добродетели, — преступник выдает осознание постыдной природы своей истинной цели. Это сокрытие истинных мотивов убийств выдает его осознание того, что он поступил неправильно. Несчастные, находящиеся в состоянии нравственного помешательства, полностью не способны отличить правильное от неправильного. Они искренне верят, что оправданы любые грязные дела, какие бы они ни совершили. Однако в данном случае мотив, о котором заявил обвиняемый, говорит не только о желании скрыть истинную цель нападения, но и о способности обманывать и лицемерить, каковой не обладают те, кого можно счесть невменяемыми.

— И все-таки, — сказал мистер Синклер, доблестно пытаясь спасти своего подзащитного, —

если б версия событий, изложенная подсудимым сразу после нападения, была бы точной, вы бы сочли его безумным?

— Счел бы.

— А поскольку ни вы, ни один другой свидетель не присутствовали при нападении, вы не можете решительно утверждать, что рассказ подсудимого менее правдив, чем версия, предложенная вами.

— Вы совершенно правы, сэр, указывая, что я там не присутствовал. Однако предложенная мной версия событий более точно согласуется с вещественными доказательствами дела. Будь мотивы подсудимого таковы, как он утверждает, у него не было бы причин наносить столь ужасные раны несчастной мисс Маккензи. Даже если б он чувствовал необходимость ее обуздать, прежде чем затаиться в ожидании ее отца, хватило бы удара по голове, чтобы лишить ее сознания. Вместо этого он предпочел зверски ее изнасиловать. Я не вижу никакой связи такого поступка с заявленным желанием избавить своего отца от страданий, которые тот предположительно терпел от мистера Маккензи.

— Но вы должны признать, что возможна другая интерпретация действий подсудимого?

— Другая интерпретация возможна, но она не согласуется должным образом с фактами этого дела.

Тут мистер Синклер вернулся на свое место, и лорду судье-клерку пришлось спросить его, закончил ли он допрос. Корона отклонила возможность допросить свидетеля, и мистера Томсона отпустили. Суд сделал перерыв до вечера, когда перед присяжными должны были сделать заключительные заявления.

Итоги, подведенные Короной, заняли не больше часа и были изложены мистером Гиффордом «с таким самодовольным видом, который вполне мог оттолкнуть некоторых присяжных». Прокурор попросил присяжных обращать внимание только на факты данного дела. Родрик Макрей совершил свои действия преднамеренно — о чем свидетельствует тот факт, что он явился в дом Маккензи вооруженным — и убил трех невинных людей, совершив «неистовое, крайне зверское деяние».

— Мистер Синклер попытается ввести вас в заблуждение, — сказал мистер Гиффорд. — Он попытается описать своего подзащитного как имбецила, разговаривающего с собой и слышащего голоса, которые звучат в его голове.

Он напомнил, что хотя подсудимый мог время от времени вести себя эксцентрично, ни один свидетель — за исключением Энея Маккензи — не захотел показать, что тот был безумным. А мнение мистера Маккензи (чего бы оно ни стоило), похоже, основано лишь на понятной неприязни к подсудимому и на том, что подсудимый иногда некстати смеялся.

— Вот что я скажу вам, джентльмены: если б только это и требовалось, чтобы поставить диагноз «безумие», мы все находились бы в психиатрической лечебнице. Но я предлагаю вам придать куда большее значение свидетельству миссис Кармины Мёрчисон, которая показала, что, когда она беседовала с Родриком Макреем всего за несколько минут до совершения им преступления, он был, по ее словам, «совершенно разумным». Мы слышали, — продолжал он, — занимательный диалог мистера Томсона и мистера Синклера о мотивах этих преступлений и их выводы относительно состояния рассудка подсудимого. Тем не менее, какой бы неоспоримо захватывающей ни была их дискуссия, они тан-

цуют на острие иглы[55].

Потом прокурор вновь перечислил различные инциденты, случившиеся между мистером Маккензи и отцом подсудимого, достигшие высшей точки в изгнании семьи Макрей из дома.

— И все это дало мотив для действий обвиняемого; мотив, но не оправдание. Мы слышали также, что обвиняемый питал некие романтические чувства к Флоре Маккензи — чувства, выражавшиеся им в непристойнейшей манере. Возможно, то, что она его отвергла, способствовало враждебности, которую он испытывал по отношению к семейству Маккензи. Да, хотя мы действительно не знаем — не можем знать — истинных мотивов нападения, это, джентльмены, и неважно.

Мистер Гиффорд сделал паузу, прежде чем произнести свои заключительные слова.

— Я напомню вам факты: Родрик Макрей отправился вооруженным в дом мистера Маккензи с намерением совершить убийство, и он его совер-

---

[55] Примечания: 55

«Сколько ангелов могут танцевать (вариант — уместиться) на острие иглы?» — часто встречающаяся в средневековой схоластике тема. Восходит к вопросу, который задается в «Сумме теологии» Фомы Аквинского: «Сколько ангелов может находиться в одном месте?» Позднее вопрос приводился как пример бесцельных глупых диспутов средневековых схоластов. — *Прим. пер.*

шил. Сам подсудимый, как мы уже слышали от многочисленных свидетелей, не делал никаких попыток снять с себя бремя вины — и вы тоже не должны этого делать. Если вы питаете какие-то сомнения в его здравом уме, мы выслушали не одного, а двух опытных специалистов, имеющих куда большую квалификацию, чем вы или я, чтобы выносить суждения по данному вопросу. Мы выслушали сперва доктора Гектора Мунро, человека с огромным опытом в общении с преступным миром и явно знающего, как выглядят признаки безумия. Его вердикт: Родрик Макрей не только полностью владеет своим рассудком, но он «один из самых умных и красноречивых» из обследованных доктором людей. Мы имели также честь выслушать мистера Джеймса Брюса Томсона, который — вы должны иметь это в виду — был свидетелем со стороны защиты; человека, чьи знания и опыт в данной области неоспоримы. И каково его заключение? Родрик Макрей полностью владеет своим рассудком, он всего лишь злой и лицемерный человек. И, наконец, у нас есть заявление самого подсудимого, написанное по доброй воле: «Я в здравом уме». Джентльмены, единственный человек в зале суда, который верит (или заявляет, будто верит), что подсудимый

безумен, — это мой коллега, мистер Синклер. Но его вера противоречит свидетельским показаниям, представленным суду.

Присяжные, заключил мистер Гиффорд, пренебрегут своим долгом, если вернутся с вердиктом, отличным от вердикта «виновен», по каждому из трех обвинений.

Когда мистер Синклер встал, чтобы сказать присяжным свои заключительные слова, он сделал это не с видом побежденного. Он, как писал мистер Филби, «похвально оправился после унижения, нанесенного ему собственным свидетелем, и если есть награда для людей, усерднее всего защищающих безнадежные дела, ею следовало бы наградить мужественного адвоката».

— Джентльмены, как заявил мой эрудированный коллега, факты этого трагического дела не вызывают сомнения, — начал он, положив руку на перегородку, за которой находились скамьи присяжных. — Защита не оспаривает, что несчастные жертвы умерли от руки подсудимого. Спорным здесь являются не голые факты дела, а состояние человеческого рассудка. Я бы сказал, что в этом деле не три жертвы, а четыре; четвертая — несчастный человек, сидевший перед вами три последних дня. И кто этот человек? Юно-

ша не старше семнадцати лет; трудолюбивый арендатор, глубоко привязанный к своей семье, преданный ей. Мы слышали, как сильно изменила его трагическая смерть любимой матери и как с того момента семья его жила в плену уныния. Мы слышали от родного отца подсудимого — отца, которому он так предан, — что тот регулярно избивал его кулаками. Мы слышали от его соседей, Кармины и Кеннета Мёрчисонов, что у него была привычка вести оживленные беседы с самим собой, прекращая их всякий раз, когда к нему приближалось третье лицо, — факт, возможно, свидетельствующий о тревожных мыслях, находивших воплощение в словах. Мистер Мёрчисон показал, что подсудимый как будто «существовал в собственном мире». Мистер Эней Маккензи был более прямолинеен. Родрик Макрей, показал он, считался деревенским идиотом, имбецилом, личностью, чье поведение часто шло вразрез с окружающей его действительностью. Я подозреваю, что другие свидетели были менее склонны заклеймить подсудимого безумным только благодаря терпимости и добродушию жителей Калдуи. Мистер Маккензи в своей прямолинейной манере лишь озвучил то, о чем думали все. Мы слышали также, что у Родрика Макрея была склонность

к резким перепадам настроения, слышали о его эксцентричном поведении. Он по любым меркам не был в здравом уме. И когда Лаклан Маккензи в своей новой роли деревенского констебля принялся злоупотреблять властью и преследовать — ибо не найти другого слова, чтобы описать его действия, — *преследовать* семью Родрика, это толкнуло растревоженного молодого человека за грань безумия. Доведенный до предела, Родрик задумал убить Лаклана Маккензи и выполнил свой ужасный проект, отобрав жизни у двух невинных очевидцев. То были кошмарные деяния, в этом нет никаких сомнений. Но именно случившееся потом говорит о психическом состоянии Родрика Макрея. Вел ли он себя так, как повели бы себя я или вы? Как повел бы себя любой нормальный человек? Пытался ли он бежать, отрицал ли свою ответственность за то, что совершил? Нет, он этого не делал. Он совершенно спокойно дал себя схватить и открыто признался в содеянном. Он не выражал раскаяния. И с тех пор он ни разу не поколебался в этой своей позиции. Джентльмены, вы должны спросить себя, почему он вел себя подобным образом. Ответ может быть только один: он сам не верил — и *не верит*, — что совершил что-то неправильное. В глазах Родрика Макрея

совершенные им поступки были справедливым и неминуемым ответом на притеснения, которым подвергалась его семья. Конечно, он ошибается. Каждый мужчина и каждая женщина в этом суде, — тут мистер Синклер величественно обвел рукой зал — понимает: то, что он сделал, — неправильно. Но Родрик Макрей этого не понимает. В том и заключается трудность данного случая. Родрик Макрей больше не отличает правильное от неправильного. Для совершения преступления требуется физическое усилие — здесь нечего и обсуждать, — но требуется также и усилие умственное. Преступник должен знать: то, что он делает, — неправильно. А Родрик Макрей этого не знал. Далее. Вы с должным вниманием выслушали показания высокоученого мистера Томсона. Он предположил — и я не буду закрывать на это глаза, — что истинным объектом нападения Родрика Макрея являлся не Лаклан Маккензи, а его дочь Флора. Но я бы сказал — и особо подчеркнул бы, — что мнение мистера Томсона по данному вопросу не более чем предположение. Если с ним согласиться, что это повлечет за собой? Тогда мы должны будем поверить, что сразу после нападения — сразу после совершения трех кровавых убийств — Родрик смог сфабриковать фальшивое

объяснение своим действиям. Невероятно, чтобы любой нормальный человек настолько владел собой, чтобы проделать нечто подобное.

Мистер Синклер помедлил, приложив палец к губам и подняв глаза к потолку, словно сам пытался обдумать этот вопрос, прежде чем продолжить.

— Можно заявить, что обвиняемый состряпал свою историю заранее и пошел в дом Маккензи, дабы убить Флору, собираясь после этого заявить, что отправился туда с намерением убить ее отца. Но в такой интерпретации фактов есть фатальный изъян: Родрик не знал и не мог знать, что Лаклан Маккензи вернется домой и застанет его на месте преступления. Чтобы поверить в версию событий, изложенную мистером Томсоном, требуются самые запутанные рассуждения, и, я бы сказал, полное пренебрежение логикой. Вместо этого все свидетельства, представленные здесь, в суде, указывают на то, что Родрик намеревался совершить убийство Лаклана Маккензи: поступок, который в его расстроенном уме выглядел справедливым и праведным. Тот факт, что, совершая задуманное, он лишил также жизни Флору Маккензи и Дональда Маккензи, маленького ребенка, красноречиво говорит о

его умопомешательстве. Мистер Томсон совершенно обоснованно обратил ваше внимание на ужасные раны, нанесенные Флоре Маккензи, но я спросил бы вас — это ли действия человека, владеющего своим рассудком? Совершенно ясно, джентльмены, что нет. И если принять ту точку зрения, на которую указывают все свидетельства, что Родрик Макрей убил Лаклана Маккензи, в неудержимом порыве стараясь отомстить за зло, причиненное его семье, вы должны согласиться с мистером Томсоном, что Родрик Макрей не владел своим рассудком, что он страдал «манией без бреда» или «нравственным помешательством», и его, таким образом, нельзя считать по закону ответственным за содеянное. Потому я прошу вас вернуться с вердиктом «невиновен» по данному делу. На ваших плечах лежит тягостная ответственность. Но вы должны действовать в соответствии с законом и не дать повлиять на себя резонным человеческим чувствам отвращения к таким ужасным деяниям. Во время совершения преступлений Родрик Макрей находился в состоянии полного умопомешательства и поэтому должен быть оправдан.

Это было, как писал мистер Филби, «великолепное выступление, выполненное с огромным

апломбом. Никто из присутствующих не мог усомниться, что подсудимый получил самую искусную, самую тщательную защиту и что прекрасный дух правосудия процветает и за пределами шотландских метрополий».

Вернувшись на свое место, мистер Синклер промокнул лоб носовым платком, а его помощник похлопал его по плечу. По другую сторону прохода мистер Гиффорд низко склонил голову, выражая высокую профессиональную оценку этой речи.

Лорд судья-клерк позволил публике несколько мгновений погалдеть, после чего призвал суд к порядку. В три часа дня он начал напутственное слово присяжным[56] и говорил почти два часа. «Его подведение итогов, — писал мистер Филби, — было образцом беспристрастия и похвалой шотландскому законодательству».

После обычных вводных фраз и похвал адвокату и прокурору за то, как они вели это дело, судья объяснил присяжным, что «для того, чтобы

---

[56] Примечания: 56

Напутственное слово — заключительное разъяснение судьи обстоятельств дела присяжным заседателям, представляющее собой краткое изложение обвинения, исследованных в суде доказательств и позиций обвинителя и защиты, а также юридическое наставление присяжным заседателям. Главная цель напутственного слова — помочь присяжным заседателям уяснить сущность дела и предостеречь их от всякого увлечения в обвинении или оправдании подсудимого. — *Прим. пер.*

вернуться с вердиктом „виновен“ по любому из трех обвинений, содержащихся в обвинительном акте, вы должны не сомневаться в четырех обстоятельствах, изложенных в свидетельских показаниях. Во-первых, что покойные умерли от описанных ударов и ран; во-вторых, что эти удары были нанесены преднамеренно с целью отнять у них жизнь; в-третьих, что именно подсудимый нанес эти удары. Если же вы уверены в трех пунктах, вы должны быть уверены и в четвертом: что подсудимый в момент совершения данных действий владел своим рассудком. Если доказательства не соответствуют какому-либо из перечисленных условий, подсудимый имеет право на оправдание, но, с другой стороны, если вы уверены во всех четырех фактах, вам ничего другого не остается, кроме как выполнить суровый и болезненный долг, признав подсудимого виновным».

Конечно, насчет первых трех пунктов имелись небольшие разногласия, но, как и повелевал его долг, лорд судья-клерк около часа подробно излагал показания сперва свидетелей-медиков, а потом — жителей деревни, видевших подсудимого или говоривших с ним после совершения преступлений. После чего он перешел к специ-

альной защите со ссылкой на невменяемость.

— Вот мерило, которым вы должны руководствоваться: человека можно признать безумным, если во время совершения действия или действий он страдал от такой ущербности рассудка или психической болезни, что не осознавал природу и характер совершаемых им поступков или не осознавал, что поступает неправильно. Не мое и не ваше дело, джентльмены, сомневаться в обоснованности этих директив. Таковы предписания закона, и именно таким образом вы должны оценивать это дело[57]. В ходе суда мы выслушали несколько свидетелей, знавших подсудимого всю его жизнь, и вы имеете право отчасти сформировать свое мнение, опираясь на их оценку его характера. В частности, мы выслушали показания миссис Кармины Мёрчисон и ее мужа, Кеннета Мёрчисона. Обоих этих свидетелей следует похвалить за четкие и трезвые рассказы о самых печальных аспектах данного дела. И оба упомянутых свидетеля показали,

[57] Примечания: 57

Это краткое изложение «Правил Макнотена», которые были признанным мерилом определения безумия при рассмотрении дел в судах и Англии, и Шотландии начиная с 1843 года. — *Прим. авт.* Дэниел Макнотен — душевнобольной шотландец, покушавшийся в 1843 году на премьера-министра Великобритании и по ошибке застреливший его секретаря; был оправдан по причине своей невменяемости. — *Прим. пер.*

что у подсудимого имелась привычка словно беседовать с самим собой в необычной манере. Однако мы не знаем содержания этих бесед, и, хотя такое поведение и вправду может выглядеть эксцентричным, его недостаточно, чтобы счесть подсудимого умалишенным. С другой стороны, вы можете расценить такое поведение как фрагмент — не более того — чего-то большего, что в целом, возможно, складывается в картину безумия. Мы слышали также показания родственника жертвы, мистера Энея Маккензи: будучи прямолинейным в своих суждениях, он заявил, что подсудимый не в своем уме. Однако вы имеете право спросить себя, не окрашено ли его свидетельство понятным чувством гнева, который он явно испытывает по отношению к подсудимому. Вы также должны принять во внимание несдержанную манеру этих показаний и обратить внимание на тот факт, что мистер Маккензи никоим образом не правомочен выносить суждение о безумии или здравом уме подсудимого. По существу, к заявлениям мистера Маккензи следует отнестись осторожно. Однако вам решать — как и в случае с показаниями остальных жителей Калдуи, — насколько эти заявления важны, если вообще важны.

Тут лорд судья-клерк перешел к рассмотрению показаний насчет того, что подсудимый вел себя непредсказуемо или эксцентрично. Он кратко перечислил инциденты, имевшие место во время охоты на оленей и с Флорой Маккензи в день Праздника Урожая. Он счел их незначительными. Первый случай, по его словам, «нельзя считать чем-то большим, нежели глупым поступком незрелого молодого человека, которому в ту пору было не больше пятнадцати лет». Во втором случае, продолжал он, «нельзя забывать о двойном воздействии юношеской привязанности и алкоголя, к коему подсудимый не привык». Дело присяжных оценить важность обоих случаев, но судья предостерег против того, чтобы во время обсуждений предавать этим инцидентам чрезмерное значение.

Потом он обратился к показаниям двух свидетелей-экспертов.

— Обе стороны данного процесса, — начал судья, — вызвали свидетелей, являющихся экспертами в своей области либо благодаря научным изысканиям, либо благодаря большому опыту, и оба свидетеля высказали свое суждение насчет критически важного вопроса: в здравом уме подсудимый или нет. Вы обязаны в полной мере

учитывать мнение обоих свидетелей, но от вас не требуется с ними соглашаться. Если вы решите проигнорировать показания одного или другого свидетеля, вы должны сделать это только после тщательного обсуждения и по веским причинам. Доктор Гектор Мунро, вызванный Короной, — медик с большим опытом, благодаря своей общей практике и благодаря службе в Инвернесской тюрьме, где, по его собственным оценкам, осмотрел много сотен заключенных. Доктор Мунро подробно беседовал с подсудимым и счел того «одним из самых умных и красноречивых заключенных», которых он когда-либо обследовал. Он перечислил различные признаки безумия и заявил, что не обнаружил у подсудимого ни одного из них. Принимая во внимание его опыт общения с криминальной популяцией и очевидные познания в болезнях рассудка, мнение доктора Мунро заслуживает того, чтобы отнестись к нему с должным уважением.

После чего лорд судья-клерк перешел к показаниям мистера Томсона, «человека высочайшей репутации в области криминальной психологии».

— И, по мнению мистера Томсона, заключенный не был безумен и сознавал неправильность

совершенных им действий. Но, хотя во время вашего обсуждения вы должны придавать огромное значение мнению мистера Томсона, как и мнению его коллеги, доктора Мунро, мой долг — взвесить доводы, которые привели к такому умозаключению. Это имеет особую важность потому, что мнение мистера Томсона основано на особой интерпретации фактов данного дела — интерпретации, отличной от выдвинутой Короной. Мистер Томсон заявил, что подсудимый отправился в дом мистера Маккензи не с целью убийства Лаклана Маккензи, а с намерением причинить зло его дочери, Флоре, к которой, как мы слышали, он питал сильную привязанность. Мистер Томсон подкрепил свое мнение упоминанием о непристойных ранениях, нанесенных мисс Маккензи, — с его точки зрения, такие ранения не были бы нанесены, если б мисс Маккензи стала просто нечаянной жертвой этого преступления. В том, что подсудимый не страдал от того, что, как мы слышали, называется «нравственным помешательством», мистера Томсона убедил, помимо прочего, следующий факт: в различных показаниях подсудимого утверждалось, будто его мотивом было убийство Лаклана Маккензи. Мистер Томсон настаивал, что эта лицемерная

поза иллюстрирует осознание подсудимым неправильности его действий, поэтому его нельзя расценивать как нравственно помешанного. Джентльмены, в своих обсуждениях вы должны затронуть комплекс вопросов. Но я должен сделать короткое предупреждение. Мнение мистера Томсона покоится на единственном свидетельстве — характере ранений, нанесенных мисс Маккензи, и его интерпретации мотивов причинения этих ранений. Но это лишь интерпретация, не более того. Это не факт. Мистер Томсон не был свидетелем совершения преступлений, и вы имеете право рассматривать другие интерпретации выслушанных вами свидетельств; в частности, свидетельств, предполагавших, что поступки мистера Маккензи дали подсудимому мотив для нападения. Если вы решите не согласиться с интерпретацией мистера Томсона, вы имеете право взвесить следующее его мнение: если истинной целью нападения подсудимого и вправду был мистер Маккензи, подсудимого можно, ввиду его последующего поведения, счесть человеком, страдающим от умопомешательства.

Тут лорд судья-клерк сделал паузу, словно для того, чтобы дать присяжным усвоить эту сложную часть его резюме.

— Тем не менее, — продолжал он, — даже если вы не согласитесь с точкой зрения мистера Томсона, ее следует сопоставить с совокупностью изложенных перед вами свидетельств. Недостаточно, чтобы вы сочли, что ни одного человека, совершившего такие ужасные поступки, нельзя считать человеком в здравом уме. Здравомыслящие люди могут совершать — и совершают — подобные преступления, и на основании одного лишь факта свершения такого деяния нельзя отнести человека к тем, кто лишен рассудка. Невзирая на чувства, которые вы испытываете касательно данного дела, они не могут служить мерилом для закона. Ваш вердикт должен быть вынесен лишь благодаря беспристрастной оценке свидетельств, изложенных перед вами в суде.

Лорд судья-клерк заключил свое выступление тем, что напомнил присяжным о важности стоящей перед ними задачи.

— Обвинения, выдвинутые в этом суде, крайне серьезные, и вердикт «виновен» повлечет за собой смертный приговор.

Потом он поблагодарил присяжных за пристальное внимание, с которым те следили за процессом, и велел им вынести вердикт только после тщательного рассмотрения свидетельств.

Вердикт

Поскольку к тому времени было уже четыре часа, лорд судья-клерк велел присяжным вернуться на ночь в гостиницу и возобновить обсуждение утром, если они не вынесут вердикт к семи часам вечера. Он предупредил, что недостаток времени никак не должен повлиять на их дискуссию, и вновь напомнил о серьезности возложенной на них задачи.

Родди увели вниз, и судебные чиновники освободили помещение. Не желая рисковать пропустить кульминационный момент суда, люди на общей галерее остались на своих местах, обсуждая нюансы дела со свежеприобретенным юридическим опытом. Более практичные репортеры удалились *en masse*[58] на Гордон-террас, в гостиницу с подходящим названием «Виселица», сунув сперва шиллинги в руки мальчиков-прислужников, чтобы те позвали их, если зазвонит колокольчик.

Было заказано огромное количество вина и эля — и проворно выпито, поскольку предполагалось, что присяжные не замедлят вернуться

---

[58] Примечания: 58
В целом, все вместе (*фр.*).

с вердиктом. Все единодушно сошлись на том, что, несмотря на доблестные попытки адвоката, показания мистера Томсона обрекли несчастного подсудимого на виселицу. Только Джон Мёрдок не разделял общего мнения, что вердикт предрешен. Его южные коллеги, объяснил он, упустили из виду сочувствие, которое могли испытывать присяжные к ставшему жертвой дурного обращения арендатору. Негодование, порожденное вековыми притеснениями, остро ощущалось в Хайленде, и в Родрике Макрее присяжные могли увидеть личность, восставшую против мстительности сильных мира сего. Мистер Филби с интересом выслушал мнение нэрнширца[59], но возразил, что присяжные не могут позволить, чтобы такие сантименты (какими бы обоснованными они ни были) повлияли на ход их рассуждений. Остальные просто высмеяли Мёрдока, говоря, что его радикальные взгляды мешают ему разглядеть факты данного дела.

Однако, когда стрелки часов на стене гостиницы приблизились к половине шестого, настроение людей изменилось. У членов жюри присяжных явно нашлось что обсудить. А без

---

[59] Примечания: 59

Нэрншир — графство на севере Шотландии. — *Прим. пер.*

десяти минут семь ворвались мальчики-посыльные: зазвонил колокольчик. Репортеры, толкаясь и швыряя на ходу монеты на стол, бросились к дверям.

Когда их впустили на места для прессы, лорд судья-клерк бросил на них предостерегающий взгляд. Зал суда в любом случае уже бурлил в ожидании. Водворив в помещении тишину, судья в самых суровых выражениях предупредил насчет любого нарушения судебной процедуры.

Потом ввели Родди. Он вел себя, как писал мистер Филби, «почти так же, как во время своего первого появления, хотя, возможно, чуть ниже склонил голову».

После этого привели присяжных. С места поднялся их старшина, дубильщик по имени Малькольм Чизхолм.

Секретарь суда спросил, вынесли ли они вердикт.

— Не вынесли, — ответил мистер Чизхолм.

Это заявление встретили таким же оглушительным ревом, каким встретили бы оправдательный вердикт, и приставам понадобилось выставить с галереи двух человек, чтобы восстановить порядок.

Лорд судья-клерк похвалил присяжных за се-

рьезность, с которой они подошли к своей задаче, и велел им снова собраться в комнате для присяжных завтра утром, в десять часов, добавив, что до тех пор они должны воздержаться от любых разговоров об этом деле.

Газетчики вновь расположились в гостинице «Виселица», где вино текло, как «река Несс в половодье». Позже мистер Филби писал, что «вердикт, совсем недавно показавшийся бы самым удивительным поворотом событий, теперь выглядел куда более вероятным». Если в умах присяжных посеяны семена сомнения, рассуждал он, за ночь они могут только окрепнуть. Мистер Филби провел большую часть вечера, беседуя с Джоном Мёрдоком, который, несмотря на свои прежние заявления, не ожидал приговора в пользу обвиняемого.

— Мы здесь слишком привыкли раболепствовать перед властями, чтобы пойти против Короны, — сказал Мёрдок мистеру Филби.

В любом случае, даже если подсудимый «увильнет от виселицы», пожизненный срок в общей тюрьме под наблюдением мистера Томсона станет для него сомнительной наградой.

Вечер закончился кутежом, и мистер Филби признался, что «слишком рьяно воспользовался

гостеприимством Хайленда», и, когда на следующее утро его разбудила хозяйка, ему даже не пришлось заново зашнуровывать ботинки.

Общую галерею открыли в десять часов. Тот факт, что не осталось свидетелей, которых следовало бы выслушать, никак не уменьшил число собравшихся. Люди, не сумевшие раздобыть разрешение на вход, оставались на улице возле здания суда, желая в числе первых услышать вести о вердикте. Мистер Филби и его коллеги слонялись по коридорам суда, леча похмелье из фляжек. В любом случае им не пришлось долго ждать. В четверть одиннадцатого колокольчик прозвенел во второй раз.

Прежде чем появились присяжные, лорд судья-клерк предупредил, что при необходимости он без колебаний очистит зал суда, и, словно из уважения к торжественности момента, появление Родди было встречено жуткой тишиной. Он вошел абсолютно бледным, с глазами, обведенными темными кругами. Мистер Синклер, такой же мертвенно-бледный, пожал ему руку. Потом один за другим появились присяжные. Родди наблюдал за ними так, будто в нем наконец-то шевельнулся интерес к происходящему. Вид у входящих людей был скорбный, словно они зани-

мали места в церкви на похоронах. Никто из них не встречался с обвиняемым глазами.

Секретарь суда встал и спросил, вынесли ли они вердикт. Мистер Чизхолм ответил, что вынесли. Лорд судья-клерк задал вопрос:

— Скажите, джентльмены, вы считаете обвиняемого виновным или невиновным?

Мистер Синклер склонил голову.

Старшина присяжных ответил:

— Мои господа, по первому пункту обвинения присяжные считают подсудимого виновным. По второму пункту обвинения мы считаем подсудимого виновным, и по третьему пункту обвинения мы считаем подсудимого виновным.

В зале суда еще несколько мгновений царила тишина. Потом лорд судья-клерк спросил:

— Ваши вердикты вынесены единогласно?

— Они вынесены большинством, — ответил старшина присяжных, — тринадцать против двух.

Мистер Синклер опустил голову на руки, потом повернулся, чтобы посмотреть на своего подзащитного. Родди не шевелился. Несколько секунд ничего не происходило. Галерея не реагировала; зрители как будто только сейчас поняли: то, что они наблюдали, было не просто представлением.

Лорд судья-клерк поблагодарил присяжных за усердное внимание на всем протяжении процесса.

— Вы не должны, — сказал он, — чувствовать угрызений совести из-за вынесенного вами вердикта, поскольку он соответствует выслушанным вами показаниям. Вся ответственность лежит на обвиняемом, чьи поступки привели нас в это место, и последствия вашего решения — дело закона, и только закона.

Потом вердикты были подписаны судьями. Родди велели встать, и судья надел черную шапочку.

— Родрик Джон Макрей, вы признаетесь виновным в предъявленном вам обвинении в убийствах согласно вердикту, вынесенному присяжными заседателями, — вердикту, основанному на свидетельствах, которые не могли оставить никаких сомнений у незаинтересованного наблюдателя. Вы убили трех человек, в том числе маленького ребенка и невинную девушку в расцвете юности, нанеся им самые ужасные раны. Мы выслушали, как и положено, длинную дискуссию о мотивах столь отвратительных преступлений, но для признания вас виновным эти мотивы не имеют значения, и

может быть вынесен только один приговор. Вы приговариваетесь к последней мере наказания, предусмотренной законом. Надеюсь, вы воспользуетесь оставшимся у вас коротким временем для того, чтобы раскаяться в своих поступках и воспользоваться услугами священника, который в вашем распоряжении, но, исходя из того, что я слышал во время судебного разбирательства, боюсь, вы этого не сделаете.

Потом судья официально объявил, что подсудимый будет казнен в Инвернесском замке между восемью и десятью часами утра двадцать четвертого сентября. Сняв черную шапочку, он добавил:

— Да смилуется Бог над вашей душой.

Эпилог

Суд над Родриком Макреем закончился в пятницу девятого сентября. На следующее утро мистер Синклер разыскал Джона Мёрдока и вручил ему рукопись Родди. В те времена не существовало официального механизма обжалования приговора, и адвокат надеялся, что Мёрдок поможет организовать кампанию за смягчение приговора Родди. Похоже, он рассуждал так: публикация воспоминаний Родди приведет к волне общественной поддержки приговоренного[60].

Мистер Мёрдок отнесся к этому скептически, хотя и не осуждал планы адвоката. Он согласился прочитать рукопись и предложить редактору «Инвернесского курьера» опубликовать ее отрывки в газете или издать в «экстренном выпуске». Мистер Синклер предоставил ему заниматься

---

[60] Примечания: 60

Сорок лет спустя, несмотря на совершенно несхожие обстоятельства, петиция, подписанная 20 000 человек, послужила причиной отмены смертного приговора Оскару Слейтеру. — *Прим. авт.*

Оскар Слейтер был несправедливо обвинен в убийстве пожилой женщины и приговорен к смертной казни, замененной после петиции судьи пожизненным заключением. Он посидел в тюрьме 18 лет; большую роль в его освобождении сыграла кампания в прессе, развернутая писателем Артуром Конаном Дойлом. — *Прим пер.*

этим делом, а сам провел выходные дни, набрасывая прошение лорду-адвокату[61] Монкриффу, высшей юридической власти в стране.

В своем письме мистер Синклер не делал попыток заявить, будто приговор его подзащитному не заслуживает доверия или что в ведении судебного заседания имелись какие-то нарушения. Вместо этого его прошение о смягчении наказания открыто взывало к милосердию. Бегло описав детали дела, он просил:

«Согласно и показаниям свидетелей на суде, и отчету самого Родрика Макрея, до поступков, в которых он признан виновным, его довело целеустремленное и решительное преследование человека, ставшего его главной жертвой. На суде было выслушано достаточно показаний об эксцентричном поведении и психических дефектах обвиняемого, чтобы присяжные совещались два дня; а когда вердикт все-таки вынесли, то большинством, а не единогласно, что само по себе доказывает: здравомыслящий человек способен допустить, что обвиняемый был не в своем уме. И это несмотря на неоднократные самоубийственные заявления самого подсудимого; заявления,

[61] Примечания: 61

Лорд-адвокат — генеральный прокурор по делам Шотландии. — *Прим. пер.*

позвольте добавить, не говорящие о его здравом рассудке. Зачем нормальному человеку добровольно делать заявления, которые, будучи принятыми за чистую монету, приведут его на виселицу? Такие резонные сомнения присяжных в здравомыслии моего подзащитного наверняка говорят против применения самого сурового из предусмотренных законом наказаний.

В заключении мой подзащитный занимался составлением отчета о событиях, которые привели к преступлениям (копию я представляю на ваше рассмотрение). Составляя этот отчет, он продемонстрировал дарования и умственные способности, далеко превосходящие те, каких следовало бы ожидать от человека его происхождения и образования. Давая показания, мистер Дж. Брюс Томсон, штатный врач общей тюрьмы в Перте, заявил, что за его многолетнюю практику общения с осужденными и безумцами он не встречал ни единого заключенного, способного создать достойную литературную работу, — суждение, подчеркивающее исключительный характер мемуаров мистера Макрея. Предать смерти человека, обладающего чувствительностью и умом, позволившими написать обширный литературный труд, было бы, я решительно утверждаю,

жестоким и нецивилизованным поступком. К тому же возраст заключенного — всего лишь семнадцать лет — и его в остальном не запятнанный характер могут послужить смягчению приговора. Поступки, в которых признали виновным мистера Макрея, были совершенно не в его характере, и, учитывая его исключительную одаренность, есть все основания предполагать, что, отбыв тюремное заключение, он сможет жить плодотворной жизнью.

Если мы оцениваем наше общество по состраданию, которым одариваем всех его членов, то следует признать, что, одаривая им несчастнейших из нас, мы демонстрируем приверженность самым цивилизованным христианским ценностям. Именно поэтому я умоляю вашу светлость распространить милосердие на Родрика Джона Макрея.

Потому пусть лорд-адвокат благосклонно рассмотрит это письмо, после чего посоветует Ее королевскому величеству воспользоваться своей королевской прерогативой и смягчить вынесенный заключенному приговор.

Подписано: мистер Эндрю Синклер, эсквайр, адвокат осужденного».

Прошение было подано в понедельник три-

надцатого сентября, и в тот же самый день «Инвернесский курьер» напечатал статью Джона Мёрдока «Что мы можем извлечь из этого случая». Мёрдок начал с размышлений о том, что видел и слышал в зале суда, описав Родди как «потерявшего надежду человека, при взгляде на которого можно было заподозрить, что он не имеет никакого отношения к происходящему вокруг. Не мне судить, являлось ли такое поведение следствием черствого равнодушия или умопомешательства. Но я также не убежден, что доверить разрешение этого вопроса пятнадцати честным, но неквалифицированным присяжным — самый благоразумный способ свершить правосудие над данной личностью». Далее Мёрдок обсуждал мемуары Родди. Он написал, что рассказ был «то шокирующим, то трогательным, и совершенно не казалось, что его составили с целью добиться освобождения подсудимого. Тем не менее красноречие и интеллект представляют собой яркий контраст с кровавыми делами, которые описываются в конце; и в этом, если ни в чем другом, видится безумие».

Мёрдок не стал напрямую призывать к пересмотру приговора Родди; вместо этого он в общих чертах выражал мнение, что закон в его

нынешнем виде «слишком несовершенен для рассмотрения дел подобного рода. Наши высочайшие юридические умы должны решительно пересмотреть процессуальные нормы в отношении случаев, зависящих от безумия или здравомыслия обвиняемого. И до тех пор, пока такой пересмотр не будет сделан, — написал он, — на виселицу будут посылать не тех людей».

Мистер Мёрдок также написал в тот же день лорду Монкриффу и, хотя письмо затерялось, было бы резонно предположить, что в нем выражались те же мысли.

После получения прошения мистера Синклера лорд-адвокат был обязан связаться с судьями этого процесса и с генеральным регистратором Шотландии[62], Уильямом Питтом Дандасом, но, каково бы ни было содержание их переписки, события развивались быстро.

Джон Мёрдок передал рукопись Родди местному печатнику, Александру Кларку. Однако тот выпустил не полное издание документа в пятьдесят тысяч слов, а лишь брошюру в двадцать

---

[62] Примечания: 62

Генеральный регистратор Шотландии возглавлял Общее бюро записи актов гражданского состояния рождений, смертельных случаев и браков. Он был обязан представить годовой отчет, содержащий количество рождений, смертельных случаев и браков, зарегистрированных в течение предыдущего года. — *Прим. пер.*

четыре страницы, в которую вошли самые отвратительные и сенсационные пассажи.

В течение нескольких дней по всей стране разошлись десятки других, сильно искаженных, версий. Большинство этих пресловутых версий были озаглавлены «Его кровавый проект: бред убийцы, напечатанный Уильямом Гривом из Глазго». «Его кровавый проект» сократился до жалких шестнадцати страниц и почти полностью состоял из составленного Родди описания убийств, рассказа о том, как он прикончил барана Лаклана Маккензи (далее следовала строчка «в тот момент я испытал вкус к раскраиванию черепов и решил, что пройдет немного времени, как я утолю эту жажду снова»), а также совершенно выдуманного пассажа, в котором Родди «извращенно растлил» двенадцатилетнюю Флору Брод. За несколько дней памфлет распродали в десятках тысяч копий. Затем последовали различные отвратительные карикатуры, гравюры и баллады (самая заметная — «В это прекрасное утро я прикончил троих» Томаса Портера), и вместо того, чтобы стать участником нашумевшего судебного процесса, Родди превратился в народное страшилище. Ирония того, что все эти произведения описывали его совершенно спятившим, полно-

стью не замечалась теми, кто их поглощал.

По всей видимости, план мистера Синклера не имел никаких шансов на успех. Он не мог указать на какие-либо судебные ошибки и не мог обоснованно утверждать, что обвинение строилось на ненадежных свидетельствах. Его надежда, что публикация мемуаров Родди приведет к волне общественной поддержки прошения, была, надо сказать, безнадежно наивной. Тем не менее у него не оставалось иного выхода, и его надежда, что публика воспримет Родди так же, как воспринял его он, говорит об адвокате только хорошее.

Как бы то ни было, на следующей неделе мистер Синклер получил вежливый, но официальный ответ от лорда Монкриффа, где говорилось, что поскольку «ни в свидетельствах, ни в ведении процесса не было никаких упущений», он не обязан рассматривать прошение о помиловании. «Таланты, которыми, как вы заявляете, обладает приговоренный, существуют они в действительности или нет, не могут играть роли в глазах закона».

Таким образом, смертный приговор был утвержден.

Мистер Синклер продолжал ежедневно навещать Родди. Он находил его в состоянии полного

оцепенения, «не желающим есть или разговаривать». Родди ни разу не пожаловался на свое положение и не выразил страха перед своей грядущей судьбой. Он не принял помощи тюремного капеллана, который явился к приговоренному, чтобы тот использовал оставшееся ему время, дабы примириться с Создателем. Несмотря на то что ему было предоставлено все необходимое, Родди ничего больше не написал, не считая короткого письма к отцу.

«Дорогой отец, я пишу в надежде, что к тому времени, как это письмо попадет к тебе, твое положение улучшится. У меня осталось немного времени, и я не желаю в этом мире ничего сверх того, что мне было отпущено. Стены моей камеры — мрачное зрелище, и, хотя мне очень хотелось бы еще раз увидеть Калдуи, я бы с радостью ускорил свою казнь, если б мог. Однако пока со мной все хорошо, и ты не должен тревожиться обо мне и оплакивать мой уход.

Хотел бы я сказать, что сожалею о бедах, которые причинил, и искренне желаю, чтобы ты был благословлен более достойным сыном. Подписано: Родрик Джон Макрей».

Письмо было доставлено в Калдуи днем двадцать второго сентября, но Джон Макрей так его

и не прочитал — тем утром Кармина Смок нашла его мертвым на собственном стуле. Он был похоронен рядом со своей женой на кладбище в Камустерраче. Дому и надворным строениям позволили полностью развалиться, а землю распределили между оставшимися жителями деревни. Должность констебля занял Питер Маккензи.

Двадцать четвертого сентября, в утро казни, Родди попросил только об одном: пройтись по тюремному двору. Это было ему дозволено, и, по словам мистера Синклера, он совершил свою прогулку «так, как если б находился в совершенно другом месте».

Потом его сопроводили из камеры его адвокат, священник шотландской церкви и два тюремщика. Когда они приблизились к помещению, где должна была состояться казнь, у Родди подогнулись ноги, и тюремщикам пришлось тащить его оставшиеся ярды. Были проделаны все необходимые приготовления. Кроме палача присутствовали также доктор Гектор Мунро и начальник тюрьмы.

Когда на его голову начали напяливать колпак, из глаз Родди потекли слезы. Мистер Синклер взял его голову в свои ладони.

Родрика Макрея объявили мертвым в восемь часов двадцать четыре минуты.

«Повешение, — указал в своем отчете доктор, — было проведено образцово, и заключенному не было причинено излишних страданий».

Благодарности

В отношении исследования материала и вдохновения я в величайшем долгу перед пятью книгами: «Жизнь народа Хайленда» (Раутледж, 1961) И. Ф. Гранта, совершенно необходимый путеводитель по жизни и традициям шотландского Хайленда; «Становление общины фермеров-арендаторов» (Джон Дональд, 1976) Джеймса Хантера — лучшая книга по историческому развитию Хайленда, которую я когда-либо встречал; «Дети Черного Дома» (Бирлинн, 2003) Калума Фергюсона, где излагается много интересных историй; «Истоки криминологии: хрестоматия» (Раутледж, 2009) Никола Рафтера, познакомившая меня с трудами Дж. Брюса Томсона и других пионеров этой области; и, наконец, «Я, Пьер Ривьер, зарезавший свою мать, сестру и брата» (Бизон букс, 1982) под редакцией Мишеля Фуко[63]. Также я благодарен Эпплкросскому историку Иану Макленнану и за изобилие информации, содержащейся в его

[63] Примечания: 63

Мишель Фуко (1926–1964) — французский философ и историк культуры, автор книг о безумии, социальных науках, медицине, тюрьмах и сексуальности. — *Прим. пер.*

книге «Эпплкросс и его пригороды: исторический альманах» (Эпплкросское историческое общество, 2010), и за его великодушные ответы на мои электронные письма. Гордон Камерон, хранитель Центра наследия Эпплкросса, также щедро тратил свое время и снабдил меня текстом песни «Колли Мюрид», сочиненной в 1820 году Дональдом Макреем. Ее перевел на английский Рой Уэнтуорт. Перевод названия «Карн нан Уайгхеан» предложили мне Фрэнсис и Кевин Макнилы.

Также я должен отметить свой долг перед «Проповедями преподобного Августа Гэлбрейта» (1837–1909), вдохновившими похоронную речь его тезки в этой книге. «Полицейские показания» Джеймса Гэлбрейта перефразируют слова преподобного Джона Маккензи из прихода Локкаррон, который написал в своем «Статистическом отчете» в 1840 году: «Всего лишь в середине прошлого века жители этого округа были вовлечены в самое распущенное варварство. Записи пресвитерия, начатые в 1724 году, запятнаны отчетами о черных кровавых преступлениях и демонстрируют картину дикости, свирепости и непристойного потакания своим слабостям, уместную только при варварском состоянии».

Джеймс Брюс Томсон (1810–1873) был реаль-

ной личностью, и статьи, упомянутые в книге, можно найти в Интернете. Теории, выдвинутые мистером Томсоном в романе, непосредственно базируются на этих статьях, но его личность и характер — плод моего воображения, как и его мемуары. Точно так же и личность Джона Мёрдока примерно основана на личности радикального реформатора (1818–1903), носившего то же имя.

В 2013 году я получил от Шотландского книжного треста[64] Премию новым писателям и в долгу перед этой организацией за поддержку и ободрение во время написания данной книги. Также я хотел бы поблагодарить всегда готовых помочь служителей Библиотеки Митчелла[65] и Национального архива Шотландии в Эдинбурге.

Несмотря на полученные мною помощь и советы, я не претендую на звание эксперта ни по периоду, описанному в книге, ни по жизни Хайленда в целом. Это — роман, потому я позволил себе некоторые вольности в отношении

---

[64] Примечания: 64

Шотландский книжный трест — национальная организация, инвестирующая ежегодно 3 миллиона фунтов стерлингов, чтобы поощрить читателей и авторов Шотландии. В том числе ею назначается New Writers Award — Премия новым писателям. — *Прим. пер.*

[65] Примечания: 65

Библиотека Митчелла — публичная библиотека в Глазго, самая большая справочная библиотека Европы. — *Прим. пер.*

исторических фактов и, по обычаю романистов, кое-что выдумал. Излишне говорить, что за любые погрешности, намеренные или случайные, полностью отвечаю я.

Я глубоко благодарен моему издателю, Саре Хант, за ее удивительный энтузиазм, щедрость и поддержку во время написания этой книги, а Крейгу Хиллсли — за дотошное и чуткое редактирование текста.

От себя лично я хотел бы добавить, что книга не появилась бы на свет, не посещай я часто Уэстер-Росс — и в детстве, и сделавшись взрослым, — и за этот дар я премного благодарен моим родителям, Гилмору и Примроуз Барнетам. Я должен также поблагодарить моего большого друга и главного слушателя, Викторию Эванс, которая всегда щедро тратит свое время; ее комментарии всегда уместны и проницательны.

И, наконец, Джен: спасибо тебе за твое терпение, поддержку, за то, что ты миришься с моей хандрой. Как Уна Макрей, ты — солнечный свет, лелеющий посевы.